

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

В. МАКСАКОВ

Глубокий рейд

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. Н. МАКСАКОВ
Герой Советского Союза

ГЛУБОКИЙ РЕЙД

ЗАПИСКИ ТАНКИСТА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1954

1. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Я открыл глаза и, еще не понимая, что могло меня разбудить, сел на стоявшую рядом с кроватью скамейку. Из соседней комнаты доносился голос моего водителя, старшины Закирова. Он с кем-то ругался. Временами через плотно прикрытую дверь слышался лишь сдержанный шепот, но чаще вспыльчивый старшина не выдерживал и резко повышал тон.

По-русски Закиров говорил неважно, особенно, когда волновался или был рассержен. Вот и теперь, около самой двери в мою комнату, он отчитывал кого-то на своем замысловатом языке:

— Мы уже говорил вам один раз — будь любезна, не лезь, не можем пускать. Понимать нада, что говорят.

— Я все понимаю, старшина, и сочувствую, но ведь меня послали звать его не на гулянку, а к командиру бригады, — спокойно, с легкой хрипотцой в голосе возражал пришедший. — Наш комбриг понапрасну в полночь людей тревожить не будет. А раз вызывает к себе, машину прислал, значит того требует обстановка.

— Какой-такой обстановка? Командир один сутка не спал, другой сутка воевал, ему отдыхать нада. А ты — обстановка! Обстановка приказал спать! После говорить можна. Садись, чай кушать будем, — переходил на шепот Заки-

ров. — Водка пить будем. Полчаса кушаем — командир спит. Потом — будить станем.

Но посыльный не поддавался на уловку Закирова и уже официальным тоном потребовал:

— Прошу, товарищ старшина, разбудить старшего лейтенанта. Приказано через час быть в штабе бригады.

Я уже понял, в чем дело, и начал быстро одеваться, продолжая прислушиваться к «дружеской» беседе в соседней комнате. Закиров стал кипятиться и резко повысил тон.

— Вы кто есть? — Сержант! Мы кто есть? — Старшина! Зачем махаешь перчаткам перед нашим носом? Устав не знаем? За нарушений строевым ходить заставляю! На улицу, шагом арш!

Видя, что дело принимает серьезный оборот, я захватил планшет с картами и поспешил на выручку к посыльному. Сержант доложил, что комбриг срочно вызывает меня в штаб бригады и машина ожидает во дворе.

Страшно болела голова. Глаза слипались, но нужно было ехать. Закиров, продолжая недовольно бурчать себе под нос, грозно поглядывал на посыльного и вслед за нами вышел во двор. Мы с сержантом сели в машину и тронулись по заснеженной, разбитой гусеницами танков и колесами орудий фронтовой дороге.

— Сердитый у вас ординарец, — сказал сержант.

— Да какой же он ординарец, — возразил я. — Это механик-водитель моего танка. И какой водитель! Мы с ним давно вместе воюем, во многих боях побывали, привыкли друг к другу. Он чудесный товарищ, — прибавил я, чтобы сгладить плохое впечатление, произведенное Закировым на сержанта. — Двое суток мы с ним глаз

не смыкали, меня будить не дает, а самому, небось, ох как спать хочется. Он обо всех так заботится. Не раз и меня, и товарищей выручал в трудные минуты. Хороший, опытный танкист. Машину свою любит, понимает каждую ее жалобу, каждый каприз.

— Без того на войне нельзя нашему брату-водителю, товарищ старший лейтенант. — Машина — что человек, — за добро добром платит, а без машин воевать сил не хватит.

— Хорошая пословица, сержант, — сказал я и, несмотря на сильную тряску, записал изречение шофера в блокнот. «Пригодится для моего замполита, — подумал я, — у него большой запас народных поговорок, а этой я от него еще не слыхал».

Разговаривать было трудно, и мы замолчали.

Живо представилась мне первая встреча с Закировым в марте 1943 года под Белгородом. После тяжелой контузии и месячного томления в госпитале я прибыл туда командовать ротой танков Т-34, командир которой погиб в бою. Закиров был водителем командирского танка, он сразу мне пришелся по душе, этот невысокого роста, смуглый, скуластый, уже немолодой человек. Его добрые темнокарие глаза словно отыскивали в окружающем то, к чему бы мог он приложить свои силы и умение.

Закиров родом был из Казани. В раннем возрасте лишившись отца и матери, он воспитывался в детском доме. Там, в коллективе, мальчик научился крепко дружить и приобрел трудовые навыки. Особенно полюбилось ему слесарное дело.

После четырехлетней работы в судоремонтных мастерских он плавал по Волге на буксирном

пароходе сперва машинистом, а потом механиком. Война дала ему новую специальность. Он стал танкистом и вот уже побывал во многих сражениях.

Старшина Закиров и по возрасту, и по опыту работы механика, по пристрастию к боевой и политической учебе заметно отличался от своих товарищей по роте. Он, например, любил иной раз изъясняться целыми параграфами Боевого устава.

Товарищи уважали его, но и побаивались. Зная необыкновенную любовь Закирова к машине, однажды кто-то из них вздумал пошутить над ним:

— Закиров, ты спать уже лег? — спросил он не ожидавшего подвоха старшину.

— Угу, спим.

— А ты, перед тем как ложиться, не ходил к своей машине?

— Не ходил. А что?

— Как же ты, братец, забыл ее на ночь поцеловать?

Это не возмутило Закирова. Но пошутивший башнер был не рад своей шутке, потому что ему пришлось выслушать получасовую речь старшины об отношении танкиста к доверенной ему боевой технике.

Так, в размышлениях о Закирове, я забылся и даже задремал.

В штабе бригады меня встретил начальник штаба майор Степанов, пожилой человек с поседевшей уже головой. Мелкие морщинки избороздили все его лицо. Под глазами синели круги — печать многих бессонных ночей. Это был исключительно трудолюбивый и выносливый человек. Каждая, пусть даже небольшая операция,

разрабатывалась им со всей тщательностью. Времени для отдыха не оставалось. Он довольствовался тем, что в момент непреодолимой усталости откидывался на спинку стула, вытягивал ноги и дремал так в мертвой неподвижности тридцать-сорок минут.

— Ругаешься? Опять не дали тебе как следует отоспаться. Ну, раздевайся. Сейчас сообразим чайку с перчиком, а потом приступим к делу. Кстати и комбриг к тому времени подъедет, — прервав мой доклад, сказал Степанов.

Быстро появились на столе фляжка, консервы, десяток аппетитных дымящихся картофелин и другая снедь, а возле раскаленной докрасна чугунной печки пытел пузатый старинный самовар. Однако не успели мы приступить к чаепитию, как майор был вызван к телефону. Через две минуты он вернулся.

— Ты, Владимир Николаевич, побыстрее кусывай да поедем-ка вместе со мной в штаб. Звонил сейчас командир бригады и приказал быстрее привезти тебя. Он-то, оказывается, уже там.

Минут через тридцать мы были на месте и вошли в комнату, где за столом, с раскрытой на нем картой, сидели начальник штаба, наш командир бригады, пехотные подполковник и капитан.

Майор Степанов доложил о прибытии. Через несколько минут начальник штаба приступил к докладу. Он обстоятельно обрисовал обстановку, изложил задачу, которую нам в скором времени предстояло выполнить.

Это новое задание было для меня не совсем обычным. Моя танковая рота, усиленная самоходными орудиями, десантом в составе взвода автоматчиков и отделения сапер, должна была прорваться через передний край обороны про-

тивника. Громя на своем пути штабы, автоколонны и склады врага, уничтожая небольшие подразделения и гарнизоны, она должна была пробиться на 60—70 километров в тыл гитлеровцев, в район железнодорожной станции Янков, находящейся в 36 километрах северо-западнее Винницы.

Станция Янков — важный магистральный узел путей, по которым противник снабжал этот участок фронта войсками, техникой, боеприпасами, горючим. Здесь рота должна перерезать дорогу, взорвать пути и привести их в такую негодность, которая бы затормозила движение к линии фронта людских пополнений и техники противника на несколько дней, навела бы сумятицу в его тылу, сбила бы с толку командование гитлеровцев перед наступлением наших войск в направлении Казатин, Проскуров, Тарнополь.

Долго продержаться в тылу врага с такой горсткой людей и танков, конечно, было невозможно. Да командование на это и не рассчитывало. После выполнения задания мы должны были прорваться обратно.

Для подготовки группы к рейду в тыл противника нам давалось пять дней.

— Задание сложное и ответственное, — сказал в заключение командир. — Командование придает большое значение успешному проведению рейда. Я уверен, вы свою задачу выполните с честью. Тщательней подберите экипажи. Людей можете взять и из других подразделений бригады. Ненадежные машины мы вам заменим вполне исправными. Там, в тылу врага, малейший технический недочет может привести к потере танка и гибели экипажа. Особых наставлений давать вам не буду. Вы командир опытный

и всю сложность и ответственность задачи понимаете. Вам идти в тыл — вам и карты в руки. Необходимая помощь при подготовке будет в любое время оказана. Отправляйтесь отдыхать, а затем — к делу.

Уже приближался рассвет, когда я вернулся в расположение подразделения. Постоянное недосыпание давало себя чувствовать. Глаза слипались, мысли в голове путались, поэтому я решил сначала как следует выспаться, а затем уже приступить к подготовке рейда. До девяти часов приказал себя не будить, раздевшись, лег в кровать и мгновенно погрузился в глубокий сон.

Очнулся я от толчков и криков Закирова. Больше тридцати «юнкерсов» летело на нашу деревню, и оставаться в избе было опасно.

Я быстро натянул сапоги, набросил на ходу полушубок и выскочил на улицу. В ясном солнечном небе, на светлоголубом его фоне, отчетливо вырисовывался строй вражеских бомбардировщиков.

Вблизи летящих машин появились хлопья разрывов снарядов наших скорострельных зениток. Небо прорезали зеленые трассы пуль. Меткий заградительный огонь заставил вражеский строй расколоться.

Но вот «юнкеры» один за другим стали нырять вниз, сбрасывая бомбы. Сквозь шум ревуших моторов, непрерывную стрельбу пушек и трескотню пулеметов слышался сначала слабый, а затем быстро нарастающий вой стремительно приближавшихся к земле бомб. Кругом загрохотали взрывы, облака дыма и поднятой в воздух земли нависли над деревней, закрыв все непроницаемой мглой. Я бросился к машине.

В деревне вспыхнули пожары.

Экипажи укрылись хорошо. Под днищами танков были открыты щели, и только прямое попадание могло вывести людей из строя.

Кругом все дрожало от разрывов бомб. На смену первым вражеским бомбардировщикам прилетело еще штук восемнадцать, и бомбежка усилилась. Теперь уже казалось, что все горит и рушится и что этому не будет конца. Я боялся, как бы не пострадали мои машины. Но все это прекратилось так же внезапно, как и началось. Наступила томительная тишина. Ноги как будто приросли ко дну окопа, и очень не хотелось выходить наружу, не хотелось видеть страшной картины разрушений.

Однако, выбравшись из щели, я был несказанно удивлен и обрадован. Несмотря на то, что на месте деревни осталась лишь груда развалин, ни одной нашей машины повреждено не было.

До десяти танков во время бомбежки вырвались в поле и там рассредоточились. Остальные, стоявшие в садах и огородах, остались невредимыми. И только у одного танка бомбой, разорвавшейся почти рядом с ним, сорвало ленивец, два катка, да изуродовало гусеницу и фальшборт. Не верилось глазам, что все обошлось так удачно.

Скоро пришел приказ переехать к новому месту расположения. Поврежденную машину взяли на буксир и в рассредоточенной колонне двинулись в путь.

* * *

Неподалеку от деревни Марьяновки начинался глубокий лесистый овраг, тянувшийся вдоль высохшего русла извилистого ручья до самого сов-

хоза имени Крупской. У начала оврага и предстояло расположиться нашей роте. Место для подготовки рейда группы танков в тыл противника было очень удобным. До нас здесь уже стояла какая-то часть, и мы очень обрадовались, увидев готовые, добротнo сделанные землянки. Во многих из них были сложены небольшие печурки.

Двух часов оказалось вполне достаточно, чтобы освоиться в новых условиях и чувствовать себя, как дома. Землянки мы быстро привели в порядок, очистили от снега ведущие к ним дорожки, на нары натаскали свежей соломы. Заправив коптилки из сплюсненных снарядных гильз, расселись у потрескивающих камельков, обсуждая подготовку к рейду.

Декабрь выдался в том году холодный. Чтобы не загустела смазка в моторах, машины приходилось все время держать на подогреве. Члены экипажей по очереди дежурили в танках, поддерживая их в боевой готовности. Остальные забирались в землянки и с наслаждением протягивали заскорузлые от мороза и масла руки к докрасна раскаленным печкам.

Короток зимний день. К четырем часам хмурый полумрак сгущался в сумерки, а затем быстро наступала и темная ночь. Я прилег на застланные соломой и брезентом нары и, нежась в тепле, вытянул ноги. После дня, проведенного на морозе, лежать в теплом месте — истинное блаженство.

В землянке собралось человек пятнадцать свободных от дежурства людей. Никто из них и не думал ложиться отдыхать, а все сбились в тесную кучку поближе к огню. На почетном месте, поодаль от растопившейся печки, где было и до-

статочно тепло, и в то же время не припекало, на перевернутом на-попа чурбане сидел автоматчик сержант Овчаренко. Сегодня он прибыл к нам связным из подразделения автоматчиков той части, которую мы давно уже поддерживали в боях.

Белобрысый и худощавый, с никогда не угасающим смешливым огоньком в глазах, он рассказывал что-то такое, отчего все хохотали так заразительно и задорно, что и мне, не слышавшему, о чем идет речь, невольно хотелось вместе со всеми смеяться.

Овчаренко был общим любимцем. Любили его не только за простой веселый нрав, но и за храбрость, поразительную выносливость, честность. Несмотря на свои девятнадцать лет и мальчишескую хрупкость, он мог по трое суток не спать и при этом оставаться веселым и бодрым. Он мог незаметно пробраться к немцам, снять их часового и притащить «языка» в штаб подразделения. Он мог в любую минуту пойти за товарища в огонь и воду.

Хорошо воевать, имея в подчинении таких солдат! Конечно, Овчаренко — не исключение. Бодрых, смелых и самоотверженных людей у нас было достаточно.

Разомлев от тепла, под веселый говор и смех я незаметно задремал, но скоро проснулся от песни, заполнившей тесную фронтовую землянку. И казалось, что не простые слова песни, а сами солдатские сердца, молодые и любящие, рвутся наружу, стремятся туда, где ждут ребят и тоскуют по ним любимые, бесконечно дорогие и любящие их девушки.

Высоким, чистым, тихим и мечтательным голосом младший сержант Бердник выводил всеми

любимую фронтовую песенку, слова которой навевали легкую грусть, будили воспоминания:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

.....

Когда дело дошло до припева, я не выдержал и вместе с другими подхватил его:

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.

Кончилась песня, а солдаты долго сидели молча, посматривая на огонь. Уже совсем стемнело, пора было выставлять на ночь караулы. Я доложил командиру о размещении роты и, получив разрешение дать отбой, отпустил людей отдыхать.

Скоро все погрузилось в сон. Издали доносилось лишь легкое поскрипывание снега под ногами часовых, прохаживавшихся между танками, поставленными в капониры.

2. ПОДГОТОВКА К РЕЙДУ

Ночь прошла спокойно. В семь часов утра экипажи были уже на ногах. Пришла ремонтная летучка, и вместе с ремонтниками и экипажами танков мы приступили к проверке материальной части, ремонту и регулировке моторов.

Загрели по стали ключи, молотки, слышался стук кувалды. В некоторых машинах заводили моторы, визжащий звук стартера заглу-

шался ревом дизелей, весь воздух пришел в движение, дрожал, с ветвей деревьев сыпались на землю хлопья слежавшегося снега.

— Ну, как, Закиров, «Рысак» твой не шалит? — спросил, подойдя к нашему танку, заместитель командира по технической части, которого обычно звали просто «зампотех».

— Почему шалит? — обиделся за свою машину Закиров. — Наш танк — хорошая машина.

— Тогда выходит, что здесь нам делать нечего, — сказал зампотех, заглянув через открытый люк механика-водителя в машину, где каждая деталь, вычищенная и смазанная, поблескивала от света зажженных плафонов. Снаряды были аккуратно уложены в ящики боеукладки и сверху покрыты куском брезента.

Очистив от снега сапоги, зампотех полез в машину.

Вслед за ним в танк втиснулся высокий, плечистый ремонтник. Из люка лишь торчали его громадные ноги с комьями снега на каблуках сапог.

Закиров бросился к танку и, схватив ремонтника за ногу, закричал:

— Вылезай обратно! Не можешь ты понимать, что такое танк!

Часа через два осмотр и мелкий ремонт танков были закончены. Покачиваясь на выбоинах плохо накатанной дороги, летучка с ремонтниками скрылась за поворотом.

Сложнее обстояло дело с людьми. Нужно было подумать: брать ли свою роту в полном ее составе или подбирать людей в экипажи и из других подразделений? Мне казалось, что роту разбивать не следует, а нужно взять ее в рейд по

возможности целиком. За короткое время чужие, незнакомые люди в армии привыкают друг к другу, становятся боевыми товарищами. Подразделение живет дружным коллективом, где каждый занимает свое место, делает свое, всем нужное дело. Кажется, лишись двух-трех человек из роты, сразу почувствуешь себя словно без пальцев на руках. Новый же человек, хотя и более опытный, на первых порах иной раз не помогает, а даже мешает.

«Все же некоторых придется заменить», — думал я. В то же время было ясно, что предстоит немало трудностей: командиры других подразделений с большой неохотой будут отдавать своих людей.

— О чем задумался? — заботливо спросил меня незаметно подошедший замполит Кудряшов.

— Вот хорошо, что ты здесь, Иван Федорович, — обрадованно сказал я, — мне надо с тобой посоветоваться.

— Пойдем, потолкуем. В землянке сейчас свободно, все работают на машинах.

Мы вошли и сели у печки. Я рассказал своему замполиту, что думаю в основном весь личный состав роты взять в рейд, заменив минимальное число людей. Иван Федорович одобрил мою мысль. Потом стали обсуждать, кого же следует заменить.

— Ты, Иван Федорович, — сказал я, — людей наших знаешь лучше, так подскажи. Вот Кирсанов, например... Хотя и опытный танкист, а мне кажется, он для нашего рейда не годится. Закрытый какой-то, угрюмый. Не пойму я, что у него в голове. Вообще-то упрекнуть его не в чем, он исполнитель, но делает все так, словно повинность отбывает.

— Да, да...— задумчиво попыхивая цыгаркой, как бы соглашаясь со мной, ответил замполит.— А еще кто вызывает у тебя сомнение?

Я назвал человек шесть, уже не объясняя причин своего недовольства ими.

Кудряшов взял стоявший возле печки погнутый железный прут и стал шевелить им раскаленные угли. На его лицо падал красноватый отблеск огня, отчего отчетливей и резче выделялись морщины на высоком лбу и в углах губ. Покрасневшие от бессонницы глаза лихорадочно блестели. Только сейчас я заметил, насколько сильно устал этот человек. Он достал свой кожаный портсигар и протянул его мне. Курить не хотелось, и я отказался. Кудряшов свернул цыгарку и, затянувшись, сказал:

— Ты мне назвал семерых, которых заменить собираешься. И, пожалуй, о четырех из них я с тобой спорить не стану. Но троих ты забраковал ошибочно. Особенно несправедливым считаю твое отношение к Кирсанову.

Кудряшов рассказал о том, что произошло с Кирсановым незадолго перед тем, как я принял роту. Кирсанов всегда был на хорошем счету. Но однажды он получил анонимку. Один подлец написал ему из тыла, что будто бы его невеста, трактористка Наташа, ведет себя плохо. В тот же день Кирсанов самовольно ушел в деревню и напился там до потери сознания. Его должны были отдать под суд, но приказ о выступлении на передовую заставил решение вопроса о проступке солдата отложить.

В бою Кирсанов вел себя самоотверженно.

Позже выяснилось, что клеветник сводил счеты со знатной трактористкой за критику. Кудряшов рассказал, как ему удалось разоблачить мер-

завца, оболгавшего невесту Кирсанова, как он позаботился о том, чтобы Кирсанов был прощен.

— Правда, товарищи по роте продолжали еще подшучивать, называя его «залей-горюшко», но Кирсанов на это не обижался, — продолжал Кудряшов. — Я все больше и больше присматривался к нему и пришел к убеждению, что кажущаяся угрюмость Кирсанова не что иное, как досада на самого себя за проступок, вызванный недоверием к своей любимой. Он человек думающий, рассудительный и прямой. За него можешь не беспокоиться.

— Ладно, — сказал я.

Так же убедительно отстоял замполит и еще двух солдат. Было приятно, что мои опасения оказались необоснованными. «Вот ведь, — подумал я, — увлекаясь заботой о боевых делах и техническом оснащении, мы, командиры, иной раз мало думаем о солдатах, о самом ценном, что нам доверено Родиной».

— Ну, что ж, раз мы с тобой повели разговор о людях, — сказал я, — то не мешает нам вспомнить о Семенове.

Повар по профессии, он во время войны стал механиком-водителем и в начале 1942 года прибыл с маршевой ротой в нашу бригаду. Практику вождения имел небольшую, как все те, кто приобретал ее на маршах по пути к фронту. После прибытия в бригаду он вскоре был взят из экипажа и поставлен орудовать на солдатской кухне. Это случилось в тот день, когда в бою с прорвавшимися к штабу гитлеровцами погиб повар Жмытько.

Получив новую должность, Семенов явился в экипаж с подозрительно осоловевшими глаза-

ми и, обняв своего друга башнера Алимова, жаловался ему:

— Жизнь, Геша, как котелок, дала трещину. В чем я, скажи мне по-дружески, провинился? В чем? А? Молчишь! То-то... Все вы друзья до черного дня.

— Брось зря болтать-то,— урезонивал его Алимов.— Ты, брат, видать, хватил сегодня лишнего.

— Я хватил? Нет, друг. Это меня хватили в самое сердце!

— Э-э, друже! Никак ты и впрямь очумел. Где ты?.. В армии, на фронте, или у себя в Севске, в столовой? Как ты можешь приказы командира обсуждать? Приказ — это закон для солдата. Пошлют меня завтра санитаром — пойду в санитары. Определят на кухню картошку чистить — и буду как миленький. Где мы нужны, туда нас и ставят. Я, Петя, считал тебя умным человеком, а ты вот какой!

Семенов махнул рукой и, уныло бормоча, пошел к своей ненавистой кухне. Он ругал и проклинал себя за то, что вступал со своим предшественником в постоянные споры о качестве приготовленного обеда, почему все и узнали о его довоенной специальности, что и послужило причиной перевода его в повара.

Просил он и меня перевести его обратно в экипаж, ходил к комиссару и даже добрался до комбрига. Надоедал всем и каждому, так что в конце концов за несоблюдение дисциплины заработал пять суток ареста.

На этот раз я все же решил его с кухни забрать и взять с собой. Солдат он был рассудительный, храбрый и напористый. По несколько

суток без сна, в напряженной обстановке, в жару и холод он мог не вылезать из машины, даже тогда, когда другие валились с ног. Никто не слышал от него ни жалоб на службу, ни тяжкого вздоха тоски по горячо любимой, оставшейся в оккупации семье. К товарищам он относился добродушно и любовно. Только с дружкой Жмытько бывали у Семенова стычки. Жмытько действительно готовил неважно, чем и заслужил себе недобрую славу среди товарищей.

Договорившись с командованием, я забрал Семенова в экипаж и назначил механиком к лейтенанту Решетову. Водителем у Решетова был молодой парень из последнего пополнения, не радивый, трусоватый и плохо знающий свое дело. Решетов был рад, что получил в экипаж исполнительного солдата, а Семенов — что попал к такому боевому, заслуженному командиру, пользующемуся любовью и уважением.

Предстояло заменить несколько человек. На машине лейтенанта Кобцева был неопытный механик-водитель. С ним часто случались какие-нибудь казусы: то при загонке машины в капо-нир он наедет гусеницей на бруствер и исковеркает результат многочасового тяжелого труда, то наскочит на дерево по обочине дороги или сломает забор. Брать такого в рейд было бы непростительной оплошностью. Четкость работы всего экипажа в бою во многом зависит от водителя.

Во второй роте командирскую машину водил опытный механик Широков. Его и решил я взять водителем машины Кобцева. Правда, командир роты Герасимов сперва наотрез отказался отпустить Широкова, но в конце концов согласился. Как никак, мы знали друг друга с сорок первого

года. В общем, прибегать к помощи командования не пришлось.

Заменив еще кой-кого, мы на этом формирование экипажей закончили. К вечеру прибыли самоходные орудия под командой старшего лейтенанта Лопатина.

Командир самоходок понравился мне с первых минут нашего знакомства. Ему было лет двадцать шесть. Но он выглядел по временам так, как будто бы ему перевалило за тридцать. В черных кудрях у него была седина, появившаяся после того, как он получил страшное известие от односельчан, выбравшихся из оккупированного района. Ему сообщили о том, как гитлеровцы истребили поголовно всю семью Лопатиных. Отец старшего лейтенанта во время оккупации Смоленщины оставался в подполье. По доносу предателя он был схвачен гестаповцами. Ни истязаниями, ни убийством у него на глазах при допросе двух маленьких сыновей-близнецов и шестнадцатилетней дочери палачам не удалось принудить его к измене. Истерзанный до неузнаваемости, вместе с женой он был повешен на городской площади.

Лопатин положил это письмо вместе с партбилетом. В биении сердца он как бы слышал теперь голос крови самых близких, самых дорогих людей. Беспощадной местью горели его глубоко запавшие глаза. Он поклялся уничтожать фашистов везде и всюду до тех пор, пока будет жив хоть один из оккупантов на его родной земле, политой невинной кровью не только его родных, но и миллионов замученных советских людей.

В Лопатине я приобрел одного из самых надежных помощников. Его ненависть к врагу,

воля и беззаветная храбрость были грозной, неистребимой силой.

Из доклада Лопатина я узнал, что все экипажи самоходок были им тщательно подобраны, а машины и орудия проверены и отрегулированы.

Оставалось уладить ряд вопросов с десантниками, артснабженцами, зампотехом и закончить еще множество других мелких дел. В восемь часов вечера я пошел к командиру подразделения автоматчиков договориться о бойцах, выделенных мне для десанта.

Подразделение автоматчиков располагалось неподалеку от штаба бригады. Вдоль извилистого оврага шла еле различимая тропинка, протоптанная в глубоком снегу посыльными и связными. Идти по ней, то и дело сползая в стороны, по колени увязая в снегу, было трудно. Хорошо еще, что разыгравшийся в степи буран в лесу чувствовался меньше. Но все же, раскачивая верхушки высоких елей, ветер поднимал белый вихрь, ослеплял и иногда даже сыпал за воротник полушубка снег.

Но вот и место расположения автоматчиков. Через несколько минут я с удовольствием сидел в землянке командира, грея у печки озябшие руки. Он вызвал лейтенанта Найденова, автоматчики которого должны были ехать десантом на наших машинах.

Найденков оказался еще совсем молодым командиром и по летам, и по стажу работы. Худощавый, стройный, он, когда к нему обращались с каким-либо вопросом, смущался, как девушка. Густая краска покрывала тогда его милостивое лицо и росинки пота выступали на лбу,

на кончике носа. Но юношеская внешность не помешала ему проявить исключительную волю и выносливость, когда впоследствии мы попали в очень тяжелые условия.

Было уже темно, поэтому людей решили сегодня не строить. Мне хотелось пройти по землянкам, посмотреть, как разместились автоматчики, и познакомиться с людьми в обывденной обстановке. Зашли в первое отделение. Землянка представляла собой большое помещение с двухэтажными, сделанными из жердей, нарами, застланными сначала еловыми ветками, а сверху соломой. Посредине землянки находилась железная бочка из-под газойля, перевернутая на-попа, с вырубленными отверстиями — вверху для трубы, а сбоку — для подбрасывания дров. Печь гудела и рычала, переваривая в своей утробе почти полкубометра еловых смолистых поленьев.

— ...Нет, братцы, скажу я вам со всей ответственностью, что помереть по-человечески, как по-добает бойцу, нашему Величко не придется, — рассказывал автоматчик Овчаренко своим товарищам какую-то историю. — Помяните мое слово. Да вот вы сами знаете, как нынче осенью он чуть не лишился жизни. Многих из вас в то время у нас еще не было, и я, если хотите, расскажу вам про тот случай.

Отовсюду слышались просьбы и оживленные возгласы. Увлеченные рассказом, солдаты нас не замечали, и мы молча остались стоять в темном углу.

— А дело было так, — продолжал сержант. — Пришла это к нам из армии баня, с машиной, которая одежду парит. Ну, дело, сами понимаете, нужное, хорошее, и приняли мы эту машину

с радостью. Но только, значит, для этой операции пришлось нам остаться в обмундировании наших прародителей. Команда же, которая обслуживала эту парилку, целиком и полностью состояла из дамского персонала. Известно вам, какой стеснительный парень наш Величко. Однако костюмчик свой он все же снял. Схоронившись за кустами и прикрываясь ладонями, боком подошел он к принимавшей белье девице и благополучно сдал его. Чтобы не привлекать своей особой внимания приехавших, решил это Величко вслед за другими поскорее отправиться в протекающую недалеко речку и подготовить свой стройный стан для чистой одежды.

— Ох, и разбирает же он этого Величко по косточкам,— шепнул мне на ухо Найденов.— А виновник сего, видите, лежит на нарах, с головой шинелью укрылся, будто не слышит. Нервный он парень, панике иной раз по пустякам поддается. Ну, вот, Овчаренко его и прорабатывает. Таким он спуска не дает. И, знаете, эти его безобидные шутки оказывают большое воздействие. Другой после такого разбора совершенно иным человеком становится.

— Встать! Смирно! — скомандовал Овчаренко, только теперь заметивший нас.

— Вольно, товарищи. Продолжайте заниматься своими делами.

Нам уступили места, и мы сели послушать. Интересно было, чем кончится эта история.

— Разрешите продолжать,— обратился к нам Овчаренко.

— Сказано — сделано, — продолжал он, получив наше разрешение.— Не успел Гриша Величко войти в реку, как, откуда ни возьмись, появи-

лись «мессеры», и начали они обстреливать, но не нас, а танкистов, стоявших в другом перелеске. Одна очередь прострочила по воде, прямо у Гриши перед самым носом. Все, конечно, продолжают купаться, а Гриша повернулся налево кругом да галопом в распоряжение подразделения.

Величко отбросил шинель и теперь, сидя на нарах, с мольбою посматривал на сержанта. Много бы отдал он за то, чтобы сержант прекратил этот неприятный разговор. Но Овчаренко, словно и не замечая его, с невозмутимым видом продолжал:

— Гриша знал, что там в предвидении такого неприятного случая заблаговременно были вырыты щели. По свидетельству очевидцев, скорость, которую развил Величко, равна была приблизительно двадцати километрам в час. Прибыв таким способом в распоряжение роты, он бросился в первую, подвернувшуюся ему под ноги щель. А из щели этой раздался такой крик, что у меня мороз по коже пробежал, хотя я и не робкого десятка. Кричала наша гостья, начальник машины-парилки, особа лет сорока. Она решила, что в нее прямым попаданием угодила авиабомба. Бедная женщина издала «предсмертный» крик.

Оглушенный раздавшимся под ним визгом, а также треском зениток и разрывом небольших бомб, действительно сбрасываемых «мессерами», обалдевший Гриша выскочил из щели, словно цирковой прыгун. А оттуда все еще раздавались вопли пострадавшей. Величко бросился в соседнюю щель и плашмя рухнул на дно. Но здесь произошло явление еще более страшное, совсем чуть не лишившее Гришу рассудка.

Оказывается, там спасались от налета не одна, а несколько девушек.

Что только творилось тогда — одному богу известно. Люди видели, как из свежееотрытого окопчика выброшено было голое тело, которое, мелькая среди кустов, быстро скрылось в неизвестном направлении.

Дружные взрывы хохота прервали рассказчика. Подождав, пока слушатели приутихли, Овчаренко серьезно продолжал:

— Через час нашего голого рыцаря, всего окровавленного, доставили в медсанбат. Угодил он по своей собственной вине, из-за паникерства, под фашистский огонь. Пуля всегда таких людей любит — это не секрет для нашего брата-солдата. А какая отсюда мораль, — всем ясно. Будешь дрожать за свою шкуру — себя не спасешь и товарищей насмешишь. Настоящий наш солдат врага будет бить и сам останется жить. Хвалить его будут, орденами и медалями награждать, и девушки от него не станут шарахаться.

Автоматчики смеялись. Величко сидел красный, как бурак, и вытирал пот с лица.

— Хороший у нас народ, — любовно поглядывая на своих десантников, сказал Найденов.

Ребята были молодые, здоровые. Таких не испугаешь никакими трудностями и опасностями. Они быстро приспосабливаются к окружающей обстановке и везде чувствуют себя как дома. Даже в сыром и холодном окопе под дождем и под пулями неприятеля они не падают духом.

Поговорив здесь с бойцами, мы отправились в другие землянки и везде слышали то шутки и смех молодежи, то серьезные житейские разговоры «старичков», вспоминавших об оставленной,

казалось, такой далекой и в то же время близкой, довоенной жизни в родных краях, жизни в кругу дорогих и близких людей.

Я был очень доволен приданными автоматчиками. С такими людьми можно было идти хоть на край света.

Двух автоматчиков Найденов отправил проводить меня. Когда мы по пояс в снегу добрались, наконец, до места, танкисты уже отдыхали. Закиров хлопотал у печки, напевая себе под нос что-то заунывное. Увидев меня, он обрадовался.

— А, товарищ командир! Садись кушать. Закир хороший пилов делал. Очень хороший пилов!

— Откуда ты взял рис, баранину? — строго спросил я его.

— Помпохоз хорош чиловек, сам дал. Говорит: на, Закир, продукт. Делай пилов командиру.

Рассказывая это, Закиров не смотрел мне в глаза. Опять он, небось, часа два ходил за помпохозом, добродушным, невоенного склада старичком, доказывая, что меня нужно кормить сейчас как следует и что он доложит замполиту, если не будет отпущено то, что требуется.

Несмотря на все уговоры Закирова, я отказался от вкусного блюда, снял полушубок и, укрывшись им с головой, лег спать. Закиров долго еще не ложился, ворча вполголоса о том, что у помпохоза продуктов две машины. Мало ему, что ли? Что станется от того, если будет меньше на один кусочек баранины? Наконец улегся и Закиров, крепко ругая помпохоза, заподозренного теперь в том, что он не вытерпел и пожаловался начальству.

Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть. Ворочаясь с боку на бок, слышал, как в другом конце землянки кто-то непонятно и неестественно громко бормотал во сне. Почему-то казалось, что я забыл сделать что-то самое важное, а что именно — так и не мог вспомнить. Все ведь как будто шло хорошо, а беспокойство не оставляло меня. Еще и еще раз я продумал все до мельчайших подробностей. Хотелось ни в коем случае ничего не упустить, не оставить нерешенным, недоделанным. На моей ответственности не один десяток жизней молодых и здоровых людей, которым еще многое предстояло совершить в будущем. Что упусти я, то может сказаться на них. Мне по прямой обязанности, по воинскому долгу, по совести нельзя было упускать ничего. Подчиненные верят в своего командира, надеются на него, знают, что командир решит правильно, прикажет исполнять то, что действительно нужно, поэтому и делают свое дело безукоризненно и честно. Солдаты не только верят в знания и опыт своего командира, но и любят его, как отца, за то, что он заботится о них, дорожит их жизнью больше, чем своей собственной. Почетна, но трудна и ответственна обязанность командира, как начальника, воспитателя и как старшего товарища подчиненных.

Я поворочался еще немного и, наконец, уснул.

В девять часов утра прибыла машина с боеприпасами. Снарядов брали много. Их старались совать всюду, лишь бы только вращалась башня. Крышки металлических ящиков боеукладки мы сняли и грузили снаряды в переполненные ящики навалом. Помимо того, снаряды размещались еще

и на корпусе танка, в специальных гнездах, где они плотно укреплялись при помощи особых застёжек, наподобие полужесткого крепления лыж. Погрузили гранаты, пулеметные и автоматные диски, цинки с патронами, тол. В общем вооружились, как говорится, до зубов.

Беспокоился я лишь о том, что и этих снарядов может нам не хватить, а пополнить запас их там, в тылу врага, не удастся, так как снаряды фашистов к нашим пушкам не подходят.

Артиллеристы-техники осмотрели боеукладку, гранатные запалы и все прочее по своей части.

К двум часам дня подошли два бензозаправщика для дозаправки танков. Кроме основных баков, после небольшого спора решили взять и дополнительные, прикрепленные снаружи танка, по бортам. Брал я их неохотно. Везти на машине незащищенные жестяные баки с горючим было чрезвычайно рискованно. Ведь достаточно одной зажигательной пули — и машина превратится в пылающий факел. Однако могут сложиться такие обстоятельства, когда ни время, ни обстановка не позволят дозаправиться немецким горючим, поэтому дополнительные бачки все же решили взять.

В общем, после дня напряженной работы к девяти часам вечера машины и люди были в полной боевой готовности. Хотя в нашем распоряжении оставалось еще два дня, я доложил, что рота ждет приказаний.

Решением командира бригады срок выхода в рейд был перенесен на завтра. В шесть утра, пока еще не начало светать, мы должны были выйти на передний край для рекогносцировки,

к месту, где группе предстояло прорывать оборону противника, откуда начинались действия нашего отряда.

За час перед тем как дать людям отдых, мы собрались в самой большой землянке на открытое партийное собрание. Народу было много, мест не хватало, поэтому некоторым товарищам пришлось забраться на нары, а другим толпиться в проходе и стоять в дверях. За столом президиума — замполит Кудряшов и парторг товарищ Стрельчук. Выждав, когда все голоса смолкли, Стрельчук открыл собрание и предоставил слово Кудряшову.

Кудряшов встал. Привычным для всех нас движением руки разгладил усы и начал:

— Сегодня, товарищи, мы собрались с вами перед тем, как отправиться на выполнение ответственного боевого задания. Нам нужно поговорить сейчас о том, как мы подготовились к рейду в тыл противника с целью ослабить его, нанести ему удар, нарушить коммуникации, помешать сосредоточить силы на нашем участке фронта.

Успех операции целиком зависит от того, как мы с вами отнесемся к выполнению своего священного воинского долга. Все дело в людях, в нас самих. У нас есть отличный боевой опыт, мы все решительные и умелые воины Советской Армии, беззаветно преданные своей любимой Отчизне, ее верные сыновья, готовые отдать по капле кровь свою, а если потребуется, и жизнь за победу нашего правого дела. Нас вырастила и воспитала родная Коммунистическая партия. Она вдохновляет нас и зовет на подвиги, она учит нас быть стойкими и непреклонными в боях с ненавистным врагом, она осеняет нас знаменами славы и рождает тот героический дух, который силь-

нее смерти. Наша сила с вами в стальном единстве рядов партии, состоящей из лучших, самых преданных нашему великому народу, передовых людей. Каждый день множатся ряды нашей Коммунистической партии. Вот и в эту минуту мы будем с вами обсуждать заявления солдат и офицеров нашего подразделения о приеме их кандидатами в члены партии. Пусть каждый подумает и скажет свое мнение, достойны ли эти товарищи быть в авангарде, достойны ли они нести высокое звание коммуниста?

Замполит сел. Парторг Стрельчук взял первое заявление и прочитал его: «В партийное бюро от командира взвода гвардии лейтенанта Петрова. Заявление. Прошу принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии. Клянусь, что приложу все свои силы и, применяя полученные мною знания и опыт, с честью выполню свой долг воина-коммуниста. Если потребуется, я не задумываясь отдам жизнь за свободу и независимость своей великой Родины».

Петрова, заслуженного офицера нашей роты, все хорошо знали и любили. После его выступления и высказываний товарищей о нем Петров был единогласно принят кандидатом в члены партии. Вслед за тем было рассмотрено еще несколько заявлений и принято в партию несколько лучших воинов из нашей роты.

Но вот попросил слова башенный стрелок Кирсанов. Он с трудом протиснулся к столу и, сняв шапку, нерешительно взглянул на лица своих товарищей. Танкисты выжидательно молчали. Тогда Кирсанов, как бы ища поддержки, обернулся в сторону Кудряшова. Дружеская улыбка замполита подбодрила башнера. Он вытер платком вспотевший вдруг лоб и откашлялся.

— Говори, Кирсанов, не стесняйся. Здесь все свои люди, они тебя поймут, — сказал Кудряшов.

— Вы, товарищи, меня знаете, — начал Кирсанов. — В бригаде я давно...

— Больна карашо тебя знаем, — язвительно крикнул Закиров.

— Не перебивай его, Закиров, — сказал Кудряшов. — Если ты хочешь выступить, попроси слова, а так только собьешь человека и сам ничего определенного сказать не сможешь.

— Дай слово, товарищ парторг, хочу высказать предложения, — заявил Закиров.

— Подожди, — остановил его Стрельчук, — сейчас говорит Кирсанов, а потом я и тебе дам высказаться.

Кирсанов стоял теперь молча и мял в руках шапку. Руки казались слишком большими для его роста. От постоянной работы на морозе они были красными и немного распухшими.

— Ну, что же ты замолчал, — обратился к нему парторг. — Продолжай.

— Я хотел сказать, что знают меня с плохой стороны. Часто я к своему делу относился не так, как надо было. Потому мне теперь многие товарищи не доверяют...

— Это хорошо, что ты понимаешь, — сказал кто-то из присутствующих.

— Знаю я, что не достоин пока просить партию о принятии меня в кандидаты. Но я хотел сегодня сказать всем партийным и непартийным товарищам, что буду стремиться к тому, чтобы быть таким, как те, которые сегодня приняты в ряды партии. Сделаю все, чтобы стать настоящим солдатом, защитником Родины. Даю слово совет-

ского танкиста, что добьюсь права подать заявление о принятии меня в ряды родной нашей партии. Вот и все.

Кирсанов быстро отошел от стола.

— Ты хотел высказаться, Закиров, — сказал Стрельчук. — Даю тебе слово.

Но Закиров не пошел к столу, а, встав с места, быстро проговорил:

— Кирсан молодец! Правильным словом выступил. Нада верить, раз обещанье давал. Перед партией врать не станет. Пусть старается, делом докажет, тогда принимать будем.

— Да, товарищи, Кирсанов делом должен доказать, что он стал другим человеком, — внимательно вглядываясь в лица слушателей, произнес Кудряшов. — Чтобы вступить в ряды партии, надо стать передовым, примерным воином. Звание члена партии — высокое звание. Оно обязывает каждого из нас, коммунистов, не только быть хорошим, добросовестным человеком, а быть лучшим, чтобы вести за собой других, быть в авангарде. Я уверен, что Кирсанов сдержит свое обещание и заслужит наше доверие. Тогда мы с большой радостью проголосуем и за него, как за нового кандидата в наши ряды. Нам всем понятно стремление советских людей теснее связать свою судьбу с партией, борющейся за высшее человеческое счастье.

Все внимательно слушали замполита, и в сердце каждого танкиста росла твердая уверенность в том, что никакому врагу не одолеть того народа, у которого есть такая мудрая руководящая сила, как испытанная в борьбе партия коммунистов, состоящая из людей особого склада, спаянных единой всепобеждающей идеей.

За дверью землянки выла вьюга. Порывами ветра в щели у входной двери нанесло небольшие грядки снега, который, подтаивая, образовал на земляном полу мокрое пятно. Пламя коптилки то и дело дрожало и ложилось, почти угасая, но язычок его снова выпрямлялся, и в землянке становилось светлее и уютнее.

— Полученное нами задание будет для многих из нас лучшим экзаменом. Мы должны проявить мастерство и отвагу, стойкость и героизм, — заканчивал свою речь замполит.

Собрание длилось еще минут сорок. Парторг Стрельчук получил много заявлений, в которых танкисты просили считать их коммунистами, если в боях с врагами они отдадут свою жизнь за Родину.

Собрание кончилось, но мы с Кудряшовым долго еще говорили о наших людях, о боевой технике и обо всем, что было поручено нам партией и командованием, за что каждый из нас отвечал головой. Завтра чуть свет нужно было выехать на рекогносцировку, а еще через несколько часов начать прорыв линии фронта.

* *

В пять часов утра все были уже на ногах. Вьюга прекратилась, наступила полная тишина. Было слышно, как падали срывающиеся с деревьев хлопья снега. Хруст сломанной под ногами ветки казался необычайно громким и резким. Под размашистыми лапами елей и стволами высоких частых сосен было еще совсем темно. Меж верхушек деревьев, казалось, совсем низко, почти над самым лесом, виднелся серебристый серп месяца. Его призрачный свет заполнял пустые

полянки, смягчая неясные контуры засыпанных снегом кустов бузины и рябины. Морозный воздух приятно щекотал ноздри. Снег блестел жемчужными россыпями льдинок. Все было похоронено под его белым саваном. Толстым слоем он покрывал и поле, и лес, и мирные домики украинских деревень, и луга, и сады.

И в это морозное утро я видел вечно не угасающую жизнь. Пробив в снегу узенькое отверстие, высунула над сугробом головку лесная мышь и, зорко осмотревшись по сторонам, побежала к сосне, оставив за собой цепочку едва заметных следов. Из кустов орешника выскочил испуганный заяц. Он сел на задние лапы и, уставившись раскосыми глазами на танки и стоявших возле них людей, настороженно поводил длинными ушами.

Кто-то хлопнул в ладоши. Заяц вздрогнул, подскочил и, высоко подбрасывая зад, помчался вдоль землянок. Вслед косому понеслось улюлюканье десятка голосов. Прижав уши к спине, почти не касаясь земли, заяц исчез в кустах.

На ветки рябин навалило столько снега, что они, согнувшись в три погибели, с трудом выдерживали его тяжесть, склоняясь почти до самой земли. Но вот, слегка потрескивая, едва заметно вздрагивая, ветви распрямились, и с них посыпались тяжелые хлопья снега. Деревья сбрасывали с себя давящий их груз.

В открытом поле было гораздо светлее. По глубоким сугробам, наметенным пургой, не стихавшей за последние сутки, ехать на автомашине было немыслимо, поэтому мы отправились на рекогносцировку в танке.

Танк шел, как корабль по волнам, то он нырял в сугробы, то выбирался на равнину, пробив

очередной занос. Это продолжалось до тех пор, пока танк не выехал на дорогу. Там он пошел спокойнее.

Непрекращающийся поток машин укатал проезжее полотно дороги. Однако машины двигались как-то рывками; то вдруг они останавливались, буксовали на месте, и тогда поднимался шум, начиналась ругань. То почти весь поток одновременно трогался с места, и машины, набирая скорость, двигались дальше до очередного затора.

Плестись в хвосте этой колонны было делом нудным и, главное, медленным. Нам же нужно было засветло подойти к передовой. Поэтому танк круто свернул с дороги и, поднимая гусеницами вихри взрыхленного снега, понесся целиной вдоль ползущей колонны.

Обогнав ее, мы снова выскочили на дорогу и на максимальной скорости помчались вперед, миновав разбитую накануне вражеской авиацией деревушку, все ближе и ближе подходя к передовой.

К началу рассвета мы стояли уже в небольшой роще, метрах в восьмистах от переднего края, и разминали затекшие ноги и руки, маскировали машину. Набросив на танк большой белый брезент и растянув концы его в стороны, мы убедились, что даже на довольно близком расстоянии трудно было в этом белом холме узнать танк.

Надев белые маскировочные халаты, рассредоточенной цепочкой двинулись мы к едва различимым впереди окопам наших стрелков, занимавших оборону по руслу промерзшего и занесенного снегом ручья.

Окопы противника находились от наших на расстоянии двухсот метров. Когда мы почти уже подходили к первому ходу сообщения, ведущему

к главной траншее, пулеметы противника открыли по нас огонь. Пули поднимали вокруг фонтанчики снежной пыли, и мы вынуждены были ползком пробираться к ходу сообщения.

— Ишь черт! Не спит. Не дал по-человечески дойти до траншей. Теперь вот ползи на брюхе, как пятимесячный младенец,— ворчал кто-то по зади меня.

Я оглянулся. Это был командир одной из прибывших к нам самоходок, огромный детина, закутанный в маскхалат, с раскрасневшейся потной физиономией. Такая прогулка на животе по глубокому снегу явно была ему не по вкусу.

Наконец, достигнув траншей и скатившись на их дно, мы с облегчением вздохнули. Вражеские пулеметчики не унимались. К ним присоединились и другие, до сих пор молчавшие, и, кроме того, совсем рядом с нами стали рваться мины. Видимо, противник хорошо пристрелялся к линии нашей обороны.

По ходу сообщения мы попали в главную траншею, где нас встретил пехотный капитан. С ним прошли на наблюдательный пункт и отсюда увидели окопы противника. Его передний край был сильно насыщен огневыми средствами.

Впереди окопов вражеской линии обороны мы едва различили, да и то только после того, как нам указал на них капитан, небольшие холмики брустверов окопов боевого охранения и сплошную сеть проволочных заграждений. За проволокой начиналась первая линия обороны, с блиндажами и дзотами. Справа, уступом в сторону переднего края, выдавался невысокий сосновый лес. В двух километрах отсюда он переходил в довольно большой, темный массив, на опушке которого в бинокль можно было различить обгорев-

шие бревна да сиротливо торчавшие закопченные трубы разрушенного и сожженного хутора. Слева от лесного уступа простиралась открытая, слегка всхолмленная степь, засыпанная сейчас снегом. Оборона здесь сводилась к системе блиндажей и дзотов. Вся эта линия была насыщена пулеметами, легкими скорострельными пушками и минометными батареями. В этом районе наиболее сильным и опасным участком был правый фланг, начинавшийся от молодняка, где в рощах и перелесках легко было укрыть и артиллерию и батареи тяжелых минометов.

По данным, имевшимся у пехотного капитана, мы уточнили систему огневых точек и все тщательно занесли на свои карты. На этом участке противник вел себя спокойно. Методически посылая одну за другой мины, он изредка открывал пулеметный огонь. Но делалось это для страховки. Особенно тихо было на левом фланге, где враги чувствовали себя почти в полной безопасности, так как подойти по голой, открытой местности к переднему краю было невозможно. Для уничтожения проволочных заграждений в четыре кола пришлось бы немало поработать нашей артиллерии и танкам.

Но этот-то участок меня как раз особенно и интересовал. Гитлеровцы здесь непуганные. Более двух недель не предпринималось в этом районе ни одной атаки, ни одной вылазки. Не заходили сюда и наши разведчики, так что противник чувствовал себя как нельзя лучше. Кроме того, это был район, наименее насыщенный противотанковыми средствами. Оценив все «за» и «против», следовало принять одно решение — проскочить через передний край именно в этом месте.

Пройдя по траншее еще километра два на правый фланг, мы убедились в правильности своего выбора, так как здесь в сторону противника местность круто поднималась в гору. Передний край обороны проходил по опушке леса, часто пересекаемого оврагами, размытыми половодьем, что могло лишь препятствовать маневру танков.

После рекогносцировки, не задерживаясь, я поехал в штаб бригады доложить комбригу о ее результатах. Он с моими предложениями относительно прорыва переднего края противника на нашем левом фланге согласился. Для того, чтобы облегчить нам прорыв через передний край, было решено ложной атакой на соседнем участке отвлечь внимание противника.

30 декабря в 12 часов ночи после артподготовки танковые подразделения с сопровождающей их пехотой должны начать демонстративную атаку на передний край обороны противника на правом фланге. Через десять минут наша группа должна была атаковать немцев на левом фланге, проскочить через проволочные заграждения и, по возможности не ввязываясь в серьезный бой, прорваться через передний край, выйти на шоссе и приступить к выполнению задания в тылу противника по заранее разработанному плану.

Обсудив с командиром бригады все детали предстоящей операции и имея впереди еще много свободного времени, я пошел к себе пешком. Любуясь в овраге раскинувшейся передо мной чудесной картиной занесенного снегом леса, я с наслаждением вдыхал морозный воздух. Машины из бригады ходили там, наверху, в поле, по накатанной дороге. Здесь же, на дне огромной, поросшей лесом впадины, лежал глубокий снег и идти приходилось, увязая в нем по колена.

Погода снова стала портиться. Подул холодный ветер, поднимая впереди меня облако снега. Начинало темнеть, когда уставший, озябший и основательно проголодавшийся я добрался, наконец, до расположения своего подразделения.

В воздухе метались клубы черного дыма, валившего из труб специальных плоских железных печек, поставленных для обогрева под каждой машиной. Гулко раздавался рокот прогреваемых моторов. Дежурные экипажи находились в машинах, а остальные танкисты забрались в землянки. Обжигаясь, пили они из жестяных кружек чай и вели бесконечные солдатские разговоры.

В нашей землянке, как обычно, было полно народу. Уже давно установилась в роте традиция собираться по вечерам в помещении, где располагался Кудряшов. Здесь люди проводили не часто выпадавшие на долю фронтовиков свободные минуты за дружеской беседой на всевозможные темы, за чтением интересных книг, которые Иван Федорович ухитрялся доставать в любой обстановке. Иногда по какому-либо поводу разгорался горячий спор.

Кудряшов, как человек опытный, давал ему нужное направление, делая это умело и незаметно для споривших.

Все наши танкисты полюбили эти вечера и всегда с нетерпением ждали подходящего случая, чтобы собраться вместе. Привык к этому и я. Иногда, бывало, зайдешь вечером в землянку и, увидев ее пустой, сразу почувствуешь, что сегодня чего-то не хватает, что нарушился обычный порядок. В таких случаях здесь долго не задерживаешься, а идешь к солдатам, где они выполняют какую-либо срочную работу. И тут слышишь, как из танка или свежевырытого капонира

доносится знакомый веселый голос моего замполита. Сразу становится хорошо на душе, и чувствуешь себя в кругу сплоченных боевой дружкой товарищей, в близкой и дорогой фронтовой семье.

Когда я вошел в землянку, в лицо мне ударило густой волной сизого махорочного дыма. Во время работы часто некогда бывает и покурить. Зато здесь, на «вечорке», как прозвали солдаты наши дружеские встречи, курили все отчаянно много, так что иной раз в землянку страшно было заглянуть. Но никто, кроме фельдшера Никитина, которого все называли доктором, не видел в этом ничего особенного. Только Никитин всегда приходил в ужас от махорочного дыма и обвинял замполита в санитарном невежестве, ругал его за то, что он позволяет людям отравляться в такой атмосфере. А за здоровье их он, Никитин, несет-де полную ответственность.

Однажды, когда мы переехали на новое место и еще не успели разместиться, наш доктор в сопровождении своего санитара Чечирко, несшего большую саперную лопату, подошел к замполиту и серьезно спросил:

— Ты где будешь размещаться, Иван Федорович?

— Вот в той землянке, — указал Кудряшов, удивленно посмотрев на Никитина. — Зачем это тебе знать понадобилось?

— Затем, что я не хочу больше допускать, чтобы люди по вечерам задыхались в дымище. Иди, Чечирко, делай, как приказано, — сказал он санитару.

Чечирко влез на землянку и начал разрывать землю над настилом.

— Что ты делаешь?—возмутился Кудряшов. — Хочешь, чтобы я жил в землянке без крыши?

— Не беспокойся. Крыша останется на месте, если, разумеется, выдержит Чечирку; — невозможно ответил доктор.

— Что же он там делает?

— Обыкновенную форточку, — сказал Никитин. — С этих пор такое несложное усовершенствование будет обязательным для солдатского «клуба».

Я снял полушубок и подошел поближе к печке, погреться. Здесь воздух был чище, табачный дым тянуло в печку и форточку, сооруженную по системе Чечирки рядом с дымоходом.

Как всегда в таких случаях, Кудряшов был в окружении солдат. Кроме постоянных его слушателей, здесь находились автоматчики и связные. Один из них своим испуганно-сосредоточенным выражением лица напоминал мне кого-то очень знакомого, но я никак не мог вспомнить, кого именно. Рядом с ним сидел мой старый знакомый Овчаренко. И вдруг я вспомнил: да ведь сосед Овчаренки — Величко. Сейчас разговор, правда, шел не о нем, но Величко напряженно вслушивался в каждое слово замполита:

— ...Под самым ожесточенным огнем он вылез из люка и сполз по броне танка на землю. Между вздыбленной подбитой машиной и дотом оставалось не больше двадцати метров...

Кудряшов нагнулся к печке и достал уголек. Перебрасывая его из ладони в ладонь, он прикуривал самокрутку, затаился и, как бы видя перед собою все, о чем рассказывал, весь подался вперед.

— ...Это расстояние он решил преодолеть во что бы то ни стало, чтобы связку гранат и тола

бросить в самую амбразуру дота. Мы наблюдали за этим поединком человека с огнедышащим железобетонным колпаком. Нам было ясно, в каком положении находился отважный командир танка, приближаясь к доту. Пулеметы его подбитой машины и орудие с оторванным стволом не могли оказать смельчаку огневой поддержки. И вдруг видим, механик-водитель тоже выбрался через свой люк и, словно ящерица, быстро пополз вслед за своим командиром.

— Тоже с гранатами? — спросил Овчаренко.

Кудряшов посмотрел в сторону Закирова, как бы ожидая ответа от него. Но тот молчал.

— ...Кажется, у него была в то время одна граната, но он едва ли думал о ней...

Закиров молча кивнул головой.

— И вот, метрах в десяти от амбразуры, командир танка, приподнявшись на колено, швырнул связку в амбразуру, и над дотом поднялся черный гриб дыма, щебня и земли. В черноте этой оседающей массы было видно фигуру водителя, быстро движущегося к месту, где лежал бесстрашный командир. Под прикрытием пыли старший сержант... он еще не был тогда старшиной, — кивнув в сторону Закирова, перебил сам себя Кудряшов, — старший сержант Закиров вынес с поля боя смертельно раненного командира. В момент броска связки гранат пулеметная очередь из дота прострочила смельчака, совершившего подвиг. Пули разорвали ему легкое и навывлет пробили грудь под самым сердцем.

Лежа на руках Закирова, он последний раз обвел взглядом всех нас и, крепко сжимая руку своего боевого товарища, закрыл глаза...

С минуту все сидели молча.

— Да, вот так благодаря подвигу командира танка дот был подавлен. Пехотная часть штурмовала высоту и заняла ее.

— А твой танк, Закиров, так и остался там? — спросил Овчаренко.

— Зачем остался? Его ремонтировали, заменили пушку, и вот я опять на нем воюю.

— Так вот, товарищи! Память о наших героях и боевые традиции мы должны свято хранить и множить. Пусть среди нас никогда не будет трусов. Пусть каждый сумеет с честью нести звание советского танкиста. И пусть, товарищи, по примеру таких, как Закиров, мы будем готовы с риском для жизни выручить своего командира из любой беды. По примеру таких, как этот наш лучший механик-водитель, мы будем заботиться о боевой технике. Она доверена нам нашим народом, который не жалеет ни сил, ни средств для обеспечения победы над врагом.

А ведь у нас еще не все хорошо относится к своему оружию. Вот я посмотрел сегодня машину младшего лейтенанта Аксютин. Сам он был на рекогносцировке, а его башнер Карпухин в отсутствие командира не додумался привести боеукладку в порядок. У него в боевом отделении все разбросано, как у плохой хозяйки на кухне.

— Да он, товарищ замполит, известный неряха, — сказал Семенов, недружелюбно поглядывая на своего соседа. — Пока командир не прикажет, сам никогда ничего не сделает.

— Я к чему это говорю, — продолжал Кудряшов. — Некоторые у нас считают, что это мол пустяки, мелочи. Мы-де способны на большие дела,

к самому черту в пекло не боимся пойти и жизнь в копейку не ставим.

— А зачем нам в рейде такие нужны? — запальчиво выкрикнул сержант Алимов.

— Правильно, Алимов, — сказал Кудряшов, — в таких войнах мы не очень нуждаемся. Хороший солдат не бросается своей жизнью налево и направо, а высоко ее ценит, и если уж умирать придется, то жизнь свою дешево врагу не отдаст. Чтобы хорошо воевать и с успехом бить врага, нужно не ожидать каких-то особых приказаний командира там, где и без того все понятно. Сметка нужна и любовь к своему делу.

— Кто будет таким, как Карпухин, — сказал Алимов, — пусть узнает его мать об этом, в деревню сообщать будем, жинке его и батьке напишем: плохо воюет, зачем такого в армию давали!

— Верно! Пусть из родной деревни письмо в ответ пошлют, срамить его станут.

Долго еще не расходились. Кудряшов рассказал, как работают сейчас в тылу наши люди, как они иной раз сутками не отходят от станков на заводах, готовят для нас танки, орудия, снаряды, как ткачихи ткут на фабриках полотно, чтобы одеть свою армию.

Многие солдаты рассказали о делах своих односельчан, читали письма. Говорили о будущей, послевоенной жизни, мечтали о том, кто чем займется после победы, как будет работать, учиться, жить.

Беседа закончилась песней. Дружный хор сильных голосов грянул ее, да так, что она вырвалась из землянки и понеслась над просторами родных, заснеженных полей.

Завтрашний день оставался последним днем подготовки, и требовалось, чтобы люди как сле-

дует отдохнули. Когда еще им придется спать — сказать трудно. На этом нашу последнюю перед походом «вечорку» пришлось закрыть.

Я вызвал дежурного по роте младшего лейтенанта Петрищева и попросил его пройтись по землянкам и приказать командирам машин уложить экипажи спать.

За день я сильно устал и с удовольствием растянулся на душистой соломе в жарко натопленной землянке. В печке весело потрескивали дрова. Бойко плясали по стенам зайчики-блики, придавая окружающему домашний уют.

За дощатой дверью с улицы был слышен разговор Петрищева с кем-то из солдат.

— По землянкам, товарищи, спать приказано всем.

И кто-то отвечал ему простуженным голосом:

— Не хочется спать, товарищ лейтенант. Так бы вот сидел, сидел и слушал до утра. Больно интересные вечорки проходят у нашего замполита. Знающий человек и душу солдатскую навсквозь понимает.

— Да, старшина, партия на политрабоду посылает лучших своих людей, — сказал Петрищев.

— Помогает Иван Федорович нам во многом. И когда только человек время находит на все? — удивленно спрашивал собеседник. — Я как-то месяца четыре назад невзначай сказал, что трудно мамаше моей живется. Председателем в колхозе у нас бабенка оказалась не больно умная, отмахивалась от людей. Так что же вы думаете? Вскоро же получил я от старухи письмо, что прописал об этой нашей председателыше непутевой письмо с фронта товарищ Кудряшов. Кому уж там, не знаю. Кто-то из районного начальства, слышь, приезжал, председателыше хвост накру-

тил. А мамаше потом помогли и с огородом, и домик починили, и корову помогли купить.

— А сам ты его не просил писать? — спросил у рассказчика кто-то другой молодым, звонким голосом.

— Известное дело, не просил. Что я стал бы на фронте утруждать человека домашними делами? У него и без того работы хватает.

— Вот и вам, товарищи, следует ему помогать во всем, — говорил Петрищев. — Хорошо будем порученное нам дело выполнять, меньше ему будет лишних забот и хлопот.

— Это вы точно говорите, товарищ лейтенант, — продолжал первый, которого лейтенант назвал старшиной. Но кто это был, — по голосу я никак не мог узнать.

— Мне и мамаша вот в каждом письме пишет: «Слушайся того доброго человека, как отца родного, береги его. Такие люди заботу о нас в сердце своем золотом несут».

— Ладно, товарищи, хватит. Опять мы заговорились. Ступайте-ка спать.

— Есть, — дружно ответило несколько голосов, и я услышал скрип шагов, удалявшихся от землянки.

Утром, после завтрака, всех командиров собрали в штабе для оглашения боевого приказа. Начальник штаба бригады майор Степанов рассказал нам об общей обстановке.

Форсировав Днепр, заняв Киев, Житомир, Фастов, наши войска были вынуждены временно приостановить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах для того, чтобы подтянуть тылы, дать передышку людям, пополнить части, понесшие в непрерывных боях потери, и, снова собравшись в мощный кулак, ударить с новой

силой по вгрызшимся в землю немецким дивизиям, чтобы гнать день и ночь врага с русской земли, очищая ее от фашистских захватчиков.

Против фронта наших частей оборону занимали много раз потрепанные эсэсовские танковые дивизии «Викинг», «Мертвая голова» и 207-я пехотная дивизия, понесшая огромные потери в последних боях и сейчас спешно пополняемая «тотальными» гитлеровцами.

В районе разрушенного хутора Лебяжьего оборона противника состояла из тройной полосы сплошной линии траншей. Из расположенных в шахматном порядке дзотов и блиндажей перекрестным огнем простреливалась вся впереди лежащая местность. В четырехстах метрах позади пехоты противник вырыл в землю танки. Из башен их, выступавших над равниной, был отличный обзор, а сами танки оказывались почти неуязвимыми. Справа, в густом кустарнике на опушке леса, тянувшегося длинной полосой вдоль всего переднего края, враги скрывали хорошо замаскированные танковые части.

Долгим взглядом серых внимательных глаз майор Степанов осмотрел сидевших перед ним офицеров. На мгновение задумавшись, может быть, вспомнив о своем сыне, воевавшем на Втором Украинском фронте, майор вздохнул. В его глазах промелькнули ласковые искорки отцовской заботы и беспокойства за этих людей, еще очень молодых, но уже не раз показавших себя отважными, умелыми и волевыми командирами.

— Слушайте приказ,— сказал он голосом твердым и ровным.

И хотя мы в период подготовки к рейду хорошо усвоили стоявшую перед нами боевую задачу, чеканная речь майора, читающего приказ

командования, врезывалась в сознание каждого из нас и закрепляла в нем веру в успех операции. Офицеры старались не пропустить ни одного слова начальника штаба. По блестящим глазам и раскрасневшимся лицам можно было заключить, что задание всем пришлось по душе.

3. ПРОРЫВ

Быстро наступили зимние сумерки. Вьюга не утихала, раскачиваемые мощным порывом ветра, глухо шумели деревья.

Двигаясь в снежной мути против сильно бьющего в лицо колючего снега, я все время жмурился, терял направление, ругал погоду и в то же время радовался ей. «В такую вьюгу, — думал я, — хорошо прорваться в тыл врага и действовать там: с воздуха нас не разыщешь, и на земле тоже следов не оставим, их немедленно заметет».

Когда я пришел в штаб, там уже был командир бригады. Он вместе с начальником штаба приехал на своем танке, который стоял теперь возле штабной землянки.

Нашей группе следовало выдвинуться на исходные позиции в половине десятого и к одиннадцати быть в той роще, откуда мы проводили рекогносцировку. С майором Степановым уточнили еще раз по карте маршрут.

— Трогаем! — вставая, сказал командир бригады. — Пора!

Направились к выходу. Степанов придержал меня за рукав и предупредил еще раз:

— Задание, Володя, дано тебе ответственное. Дело нелегкое, опасное. Потребуется много выдержки и упорства, чтобы выполнить задачу как надо и сохранить людей. Народ у тебя молодой,

— Задание, Володя, дано тебе ответственное... Потребуется много выдержки и упорства, чтобы выполнить задачу как надо и сохранить людей.

горячий. Смотри, сам на рожон не лезь и другим не давай. Замполит для тебя будет надежной опорой. Прислушивайся к его советам. Будь осторожен и его береги. Выдержка и верный расчет во всем — вот самое главное. Это больше, чем безрассудная храбрость. Потом вот еще что: после прорыва постарайся как можно дальше проскочить в тыл противника.

— Спасибо, товарищ майор, учту ваши замечания, — ответил я.

— Ну, ладно, пошли.

Танки выстроились в колонну. В голове — машина комбрига. К нему сел и Степанов. Команда: «Трогай!» Басовитей загудели моторы, заскрежетали шестерни включаемых передач. Головной танк сперва как-то присел на корму, а затем сразу рванулся вперед. Вслед за ним тронулась вся колонна.

Ехать в крошечной темноте было трудно и опасно. Гусеницы то и дело сползали с дороги, и танк, бороздя сугробы, зарывался в глубокий снег. Каждую минуту мы рисковали скатиться в овраг. Назад оттуда выбраться было бы не так просто. А могло случиться и худшее: если бы танк перевернулся — мы неизбежно подавили бы сидящих на танке людей.

Колонна двигалась наощупь, без огней. Только на корме каждого танка мерцала красная точка аварийного сигнала. Вслед за моей машиной шел танк лейтенанта Петрова. Его вел старшина Семенов. Танк шел за нами как привязанный, ни на один метр не удаляясь и не приближаясь к нам, хотя колонна двигалась рывками. В числе десантников на машине Петрова был и Овчаренко.

Скоро подъехали к переднему краю. Противник почему-то сегодня нервничал: беспрерывно взле-

тали в воздух ослепительно сверкающие ракеты, освещая пространство мертвенно белым светом. В перерывах между вспышками ракет были видны зеленые трассы пуль, как рой потревоженных пчел, мчавшихся от вражеских позиций в нашу сторону. Временами то тут, то там слышался звук разорвавшейся мины, и свистящие осколки проносились над головой, иногда со звоном ударяясь о броню танков.

Мы соскочили с машин и стали наблюдать. Командир танкового подразделения, пришедшего сюда раньше нас, рассказал, что до их прихода здесь было все тихо, как и в прошлые дни. При подходе же их машины, свернув с дороги, попали в глубокий снег. Взревевшие моторы своим шумом насторожили противника, и он открыл беспорядочную стрельбу по нашему переднему краю и по опушке леса.

Постепенно стрельба утихла. Время от времени вспыхивали вражеские ракеты, но они освещали лишь клубящиеся в воздухе тучи снега, и это успокаивало противника.

Мы снова сели на танки и, объезжая тянувшийся вдоль линии фронта перелесок, поехали на исходные позиции нашей группы. Шли без дороги, полем, ориентируясь по вспышкам ракет на переднем крае.

К половине одиннадцатого выбрались на проезжую дорогу и, увеличив скорость, через десять минут прибыли на место. Здесь попрежнему все было тихо. Гитлеровцы не предполагали, что в такую адскую погоду наши части могут начать боевые действия на этом участке фронта. Только иногда взлетали ракеты, освещая снежные вихри над передним краем. Изредка с той и другой стороны били пулеметы.

Танки подходили к исходным позициям на малой скорости. Колонна подтянулась. Машины выстроились друг за другом в длинную цепочку. Моторы не глушили, чтобы потом не поднимать лишнего шума.

Во мгле вьюжной ночи танки с сидящими на них автоматчиками казались какими-то причудливо горбатыми чудовищами. Занесенные снегом с ног до головы люди сливались с корпусами танков, и создавалось впечатление, будто беснующиеся ветры намели на машинах сугробы.

Повзводно развели танки в назначенное для каждого место.

Рокот моторов, заглушаемый сильным ветром, не долетал до противника. Автоматчики соскочили с машин, но далеко никто не отходил. Светящиеся стрелки танковых часов сходились все ближе к цифре 12. Командир бригады давал мне последние указания, желал благополучного возвращения. Он еще раз предупредил, чтобы мы по возможности быстрее проскочили через передний край да и в тылу избегали стычек с крупными силами противника.

12 часов ночи!

Все с напряжением ожидают артподготовки на правом фланге. Томительно долго тянется время. «Почему не начинают?» — думал я. И не успел ответить себе на этот вопрос какой-либо догадкой, как справа загрохотали артиллерийские залпы. Огненным каскадом взвились светящиеся снаряды «катюш». Залпы следовали один за другим, сливаясь в сплошной непрерывный гул. Сквозь рев орудий временами слышался отрывистый стук пулеметов. Тьму ночи беспрерывно разрывали вылетающие из жерл орудий языки пла-

мени. Словно обгоняя друг друга, оставляя за собой светящиеся полосы, неслись снаряды.

Гитлеровцы переполошились и на нашем участке. Их ракеты беспрерывно взмывали над равниной. На переднем крае стало светло, но позади этой освещенной полосы ночь превратилась в еще более непроницаемую стену тьмы. То и дело вокруг нас свистели пули. Разрывающиеся мины поднимали в воздух султаны снега и смерзшейся земли.

С линии обороны нашего левого фланга отвечали вяло. Короткими очередями постукивали два пулемета, да изредка из лощины позади окопов на немецкие позиции летели мины. С вражеской стороны слышался шум моторов. Это несколько танков вышли из капониров и отправились на атакуемый участок. Все шло, как и было предусмотрено.

Половина первого ночи.

Гул артподготовки начал стихать. Танковое подразделение, пришедшее раньше, пошло в атаку правее нас. Очевидно, определив, что соседей атакуют небольшие силы, противник на нашем участке фронта постепенно прекратил стрельбу и успокоился.

Приближалось время нашей атаки.

Команда «по машинам». Экипажи быстро заняли свои места в танках, десантники — на бортах машин. Приготовив автоматы к бою, они прощались с остающимися.

— За-во-ди!

Моторы всех танков взревели почти одновременно, выбросив из выхлопных труб клубы черного дыма. Радист включил передатчик радиации на мои лингафоны,

— Повзводно, уступом, первый взвод головной, вперед! — приказал я.

Набирая почти с места максимальную скорость, вперед рванулись танки лейтенанта Кобцева. Через полминуты сорвались с исходных и вихрем помчались за танками Кобцева танки лейтенанта Петрова. За ними неслись остальные машины, в том числе и самоходки Лопатина. Моя машина шла в промежутке между боевыми порядками машин Кобцева и Петрова.

Когда танки Кобцева почти уже подходили к проволочным заграждениям, со стороны противника поднялась беспорядочная стрельба. Отчетливо были видны вспышки пламени, вылетавшего из стволов орудий врытых в землю танков, и раскаленные болванки, ударяясь в мерзлую землю, как резиновые мячики, рикошетили в воздух, издавая при этом пронзительный визг. Ураган пулеметного огня несясь нам навстречу. Автоматчики, плотно прижавшись к стальному телу машин, укрываясь за башнями танков, почти не несли потерь. Танки и самоходки с хода вели беглый огонь из пушек и ливнем пулеметного огня гнали фашистов из первой линии окопов. Бросая траншеи, гитлеровцы, как кроты, забирались в укрытия. Но продвижению нашей группы сильно мешали своим огнем зарытые в землю фашистские танки. Хорошо, что их было не так много, иначе не миновать бы нам крупных потерь.

Танки Кобцева уже смяли проволочные заграждения, оставляя за собою широкие проходы. Вскоре проскочили проволоку и все другие машины.

— Будет чем нас вспомнить фашистам после такой работы, — кричал во все горло командир танка Климашин. Он сам был у орудия и с ка-

ким-то особым удовольствием досылал снаряды один за другим в казенник. Башенный стрелок Грицаев, стоя на корточках на боеукладке, подавал снаряды своему командиру.

Пятерым человекам в машине очень тесно, особенно при такой перегруженной боеукладке, где каждый сантиметр и без того небольшого свободного пространства использован под снаряды и диски, гранаты и цинки с патронами. Зато заряжающему — гораздо удобнее: не нагибаясь можно получить снаряд, без задержки дослать его в казенник, во-время сменить на спаренном с пушкой пулемете диск да выбросить вон из гильзоулавливателя отстрелянные, дымящиеся и горячие гильзы. Правда, без брезентовых перчаток их невозможно взять в руки.

Выстрелы следовали один за другим. Дым от сгоравшего пороха не успевал выходить через ствол пушки и частично выбрасывался вместе с отстрелянной гильзой в башню, наполняя боевое отделение танка таким смрадом, что дышать становилось все труднее. Хотя люки башен оставались открытыми и работал мотор-вентилятор, через несколько минут такой бешеной стрельбы лица становились черными и копоть набивалась в нос, уши, рот.

Машины, часто меняя курс, лавировали между вражескими окопами. Из блиндажей в наши танки полетели гранаты. Десантники стали нести потери.

Кобцев проскочил уже первую линию обороны и стал заходить вражеским танкам во фланг. К этому времени вся группа прорвалась через первые траншеи и шла прямо в лоб на танки противника, которые, ворочая пушками в разные стороны, выпускали снаряды то по атакующим

их, то по машинам Кобцева. Потеря драгоценных секунд в таком бою могла быть гибельной.

Правофланговым у Кобцева шел танк младшего лейтенанта Петрищева. Это была первая его атака.

У многих идущих впервые в бой получалось все не так, как у тех, кто прежде побывал в атаках. Менее опытные вели машину неуверенно, часто «оглядываясь» на соседей. Их танк рыскал по сторонам или, задрав люки, несся без оглядки вперед, далеко оставляя позади себя боевые порядки подразделения. «Вертолеты!» — посмеиваясь, называли их старички.

Танк Петрищева шел хорошо, и даже опытный глаз не заметил бы, что экипаж целиком состоял из новичков, впервые участвовавших в прорыве переднего края противника.

Петрищев, выжимая из машины все, что можно было от нее взять, на широком повороте стал заходить во фланг фашистского танка, стоявшего в глубоком капонире.

Фашист частыми, но почти неприцельными выстрелами оборонялся от приближающихся к нему с фронта танков. Но он еще не замечал надвигающейся опасности с фланга. Расстояние быстро сокращалось. Петрищев не вел огня, видимо, чувствуя, что на такой скорости в танк, скрытый в капонире, не попадешь.

«Молодец, Петрищев, — любовался я умелой работой молодого офицера. — Первый раз в атаке, а уже какая выдержка, расчет! Нужно будет на него обратить внимание, помочь ему разобраться кое в чем, и из него скоро выйдет хороший командир взвода».

Вражеский танк бил по машине Петрова. Болванка, скользнув по лобовой части его танка,

чуть выше шаровой установки, буравя воздух, почти вертикально взвилась ввысь. В тот же момент рывкнула пушка петровской машины.

Перелет.

Снаряд разорвался метрах в пяти позади танка врага. Машина шла по неровностям, и попасть с хода в цель было очень трудно. Но вот гитлеровский наводчик заметил танк Петрищева, летевший на всем ходу прямо на его машину. Он резко рванул рычаг поворота башни, когда танк Петрищева был уже в десяти метрах, и выстрелил в упор. Болванка попала под кромку люка механика водителя и вырвала люк из гнезда. Вспыхнуло в разорванных баках горючее, высоко взметнувшееся пламя осветило поле боя. Из люка показалась голова башнера. Видимо, сильно контуженный, он с трудом высунулся по пояс, но не успел еще перевалиться за борт, как автоматная очередь фашиста, сидевшего в щели впереди танка, прошла по груди сержанта. Наполовину свесившись с башни, он так и остался висеть на танке, охваченном пламенем. Десантники, отбиваясь гранатами, отходили назад.

Из люка машины больше никто не показывался. Не теряя надежды увидеть еще кого-либо, я всматривался через прицел в пылающий танк, на мгновение забыв обо всем, что происходит вокруг. Я чувствовал, что задыхаюсь, словно в один миг вытянуло из башни весь воздух и в танке осталась лишь гарь, жгущая горло, разрывающая грудь.

Как мы ни привыкли ежедневно видеть смерть, как ни готовы были к ней сами, а эта потеря была для меня особенно тяжела. Петрищева я узнал совсем недавно и за этот короткий срок успел полюбить его как товарища по

роте, как офицера и просто как человека, тихого и застенчивого. Может быть, потому еще любил я Петрищева, что он был у меня в роте самым молодым командиром, и забота о его росте лежала целиком на мне. В перископ я видел только вырывающиеся из люков злобные языки пламени.

— Товарищ командир,— кричал Грицаев, держа меня за ногу.

— В чем дело?

— Стреляйте! Сейчас и нам влепит в бок!

Наш танк был совсем близко от танка врага, подбившего машину Петрищева.

— Закиров, нажми! Бей лобовой трубой!..

Пушка немецкого танка круто развернулась в нашу сторону. Но, видимо, нервы у фашиста сдали и, разворачивая башню, он много перебрал в сторону. Когда же гитлеровец стал ручной наводкой доводить орудие, было уже поздно,— с лязгом врезался наш танк в башню вражеской машины. Хобот орудия скользнул по скосу лобовой части танка, и башня, вместе с сидевшими в ней фашистами, отлетела в сторону. Одной гусеницей наша машина прошла по крыше изуродованного танка, второй по брустверу капонира. Промчавшись, я развернул пушку и выстрелил бронебойным по мотору обезглавленного танка. Еще минуту назад изрыгавший смерть фашистский танк вспыхнул и превратился в огневой столб.

«Это первый взнос по расчету за твою гибель, друг Петрищев, и за гибель твоих товарищей!» — подумал я.

Некоторые танки врага вели огонь по машинам Кобцева и Петрова. Другие, против фронта которых наступали Решетов и Лопатин, всю массу огня обрушили на них.

В наушниках на мгновение прекратился треск.

— Москвин, почему не работает рация? — тревожно спросил я.

— Уже все в порядке, товарищ старший лейтенант, — ответил по ТПУ радист, — лопнули от удара два предохранителя. Теперь готово, заметил.

Вдруг сильный удар потряс корпус танка. В машине погас свет. Я еле удержался на сидении, стукнувшись головой о предохранительный щиток пушки, но мягкие пробковые ребра шлема ослабили удар.

— Климашин, жив? — крикнул я.

— Да, вроде жив, старшой. Только вот, кажется, рога на лбу появились, — отшутился Климашин.

Лицо его было залито кровью, а он спокойно добавил:

— Ничего, это пустяки. Скоро проскочим.

— Лево, Закиров! Видишь, танк в лощине?

— Вижу, старшой...

— Гони в бок. Вот за тем бугром остановишься!

— Есть гони! Сейчас мы им оторвем башка.

Вражеский танк вел огонь по нашей правогофланговой машине, зигзагами шедшей на сближение. Раскаленные болванки проносились над танком, впиваясь в землю впереди и с боков. Казалось, вот-вот машине придет конец. Наш же танк заходил с левого борта их машины, выпускаемые им с хода снаряды как на зло не достигали цели.

— Стоп, Закиров! Климашин, броневой!

Танк в умелых руках Закирова послушно остановился на месте, клюнув вперед носом.

— Огонь!

Снаряд ушел в землю впереди танка врага. Второй срезал конец ствола пушки. Оставшийся кусок ствола стал похожим на распутившийся цветок с лепестками из толстой орудийной стали. Третий снаряд пробил броню, раздался взрыв. С этим танком противника тоже все было кончено.

Находясь в обороне, гитлеровцы набирали в машины много гранат. От взрыва нашего снаряда сдетонировали гранатные запалы, которые в свою очередь взорвали всю боеукладку. На месте разорванного в клочья танка появился столб дыма и пламени.

Загрохотали взрывы артиллерийских снарядов крупного калибра. Это с правого фланга артиллерия противника открыла беспощадный огонь по своему соседу, на участке которого оказались наши танки.

Две гитлеровские машины вышли из капониров и, развернувшись на месте, пытались уйти из-под обстрела наших танков и самоходок и от навесного огня своей же артиллерии.

Вперед вышла самоходка Лопатина. Из ее пушки блеснул язык пламени. Через секунду запылал вражеский танк. Другая самоходка подбила еще один танк противника. Из раскрытых люков горящих машин показались фашисты. Застучало сразу несколько наших пулеметов. Трое гитлеровцев, подкошенные пулями, свалились обратно в пылающие коробки своих машин. Высокий офицер, успевший выскочить из башни, на мгновение выпрямился во весь рост, но затем, взмахнув руками, свалился на землю. Не спаслись и еще два вражеских танкиста, успевшие выскочить из машин.

Тяжелая артиллерия противника продолжала бомбардировать участок прорыва. Нужно было уходить из-под обстрела.

Группа прорвалась уже через передний край и теперь целиною неслась дальше, оставляя позади себя линию фронта, откуда все еще продолжал доноситься гул канонады тяжелых батарей. Не сбавляя хода, начали сближаться, сворачивая боевой порядок в колонну.

Итак, первая часть задачи выполнена. Мы во вражеском тылу!

4. В ТЫЛУ ВРАГА

Позади нас еще взвивались осветительные ракеты. Некоторые из них лопались, рассыпаясь фейерверком сверкающих брызг, огненным каскадом медленно оседая вниз, на землю. Ночную тьму то и дело разрезали светящиеся трассы пулеметных очередей. Мы ехали в противоположную сторону от этой иллюминации.

Сверху от самолетов нас прикрывал полог низкой густой облачности, а внизу, там, где от белизны снега темнота была немного разреженной, земля словно излучалась фосфорическим свечением, помогая нам прокладывать путь вперед.

До рассвета нам нужно было уйти как можно дальше от места прорыва. Однако все время тащиться по целине глубокого снега трудно. Легко было погубить машины, провалившись в один из многочисленных оврагов, занесенных снегом и едва заметных на гладкой поверхности равнины.

Но вот, наконец, мы на дороге. Проехали небольшой лесок, заснеженный, как в сказке. Сразу

же за ним дорога разветвлялась в трех направлениях. Даже по карте найти нужный нам путь было не так просто. Война создала много своих новых дорог, и там, где раньше летом колосилась пшеница или грелись на солнце полосатые кавуны, теперь проходила настоящая фронтовая магистраль, не нанесенная ни на одну карту. Особенно трудно ориентироваться зимой. Пройдут по полю десять танков, проползет за ними колонна автомашин — вот тебе уже и новая дорога.

На развилке пришлось остановиться. По какой дороге ехать? Все они идут как будто бы в нужном нам направлении, а вдруг уведут куда-либо в сторону? Выбор был сделан случайно. На средней дороге вдаль засветились фары идущих навстречу машин.

— Видишь, Закиров, кто-то там подсвечивает на дороге?

— Как же не видим? Очень даже видим.

— В таком случае, дуй на эти светляки.

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

Танки понеслись навстречу огонькам. Не доезжая метров трехсот, мы увидели, что машины остановились и погасили фары. Ключнул носом и наш танк. За ним остановилась вся колонна.

— Заметили нас, товарищ старший лейтенант! — крикнул с башни идущего за нами танка Кобцев.

— Вижу. Ты что, Закиров, остановился без команды?

— Разрешите доложить, — донесся снизу голос Закирова. — Там бегают не автомобиль. Там танки! Две танки! Чичас испугался, стоит кумекает: свой мы или не свой.

— Откуда ты знаешь, танк это или автомашина? Не видно же ничего.

— Мы все знаем. Фары у них больна низко посажен, совсем у земли бегают.

По опыту я уже знал, что на зрение и слух Закирова можно вполне положиться, поэтому, не задумываясь, попросил Кобцева передать по колонне команду приготовиться к бою с танками.

Лязгнул замок пушки, досылая в казенник бронебойный снаряд.

Подъехав метров на семьдесят к стоявшим в темноте машинам, я действительно смутно различил два танка. Они остановились, не решаясь ни двигаться вперед, ни поворачивать обратно. Из люков высывались головы танкистов, пристально всматривавшихся в темноту.

Пушки у танков шевелились, беря на прицел нашу колонну. Стрелять же они пока не решались, боясь сделать ошибку. Исход дела решали мгновения. Если вражеские танкисты опознают наши танки, то первые же их снаряды угодят в нашу головную машину.

Все зависело от того, успею ли я прицелиться в гитлеровский танк, или его командир, обнаружив, что перед ним советские танки, первым нажмет спусковую педаль уже наведенной на нас пушки.

С головного фашистского танка что-то кричали нам.

— Фары, водитель!

Сноп света скользнул по броне немецких машин, слепя людей, всматривавшихся в темноту.

— Огонь!..

Выпущенный в упор бронебойный снаряд пробил броню врага, разорвался в фашистской ма-

шине, и взметнувшееся высоко в воздух пламя далеко осветило вокруг все пространство. Почти одновременно с моим прогремел выстрел из второго немецкого танка. Болванка скользнула по лобовому скосу нашей машины и, визжа, отлетела в сторону. От сильного удара в глазах у меня сверкнули искры, а в ушах зазвенело. Закиров безжизненно повалился грудью на рычаг бортового фрикциона.

Выстрел Кобцева, выскочившего на своем танке сбоку от нашей машины, был удачнее, чем у фашиста. Снаряд попал под кромку башни второго вражеского танка и отбросил ее в сторону. Потребовался еще один снаряд, чтобы и этот танк вспыхнул свечой рядом с первым.

Я нагнулся вниз к водителю. Башнер и радист уже привели в чувство оглушенного, слегка контуженного Закирова. Он фыркал от спирта, которым его усердно потчевал башнер, и крутил головой.

— Жив, Закиров?

— Так точно, живем! Нас болванкой убить нельзя.

— Сидеть за рычагами сможешь?

— Можем!

— А что, если Москвин поведет машину вместо тебя, пока не опомнишься?

— Нет-нет! Сам поведу.

Колонна тронулась дальше. Спидометр показывал, что от переднего края прошли уже двенадцать километров. Пока мы не встретили ни одного селения, а между тем где-то здесь, судя по карте, неподалеку должна быть деревня Шишиловка, первый населенный пункт на пути нашего рейда.

Впереди показалась какая-то темная полоса, смутно выделявшаяся на общем серовато-темном фоне. Подъехали ближе. Полоса оказалась лесом, тянувшимся далеко в обе стороны.

Я приказал остановить машины. Танки подтягивались близко друг к другу и застывали на месте.

Хотя делать стоянку в этом месте не входило в наши расчеты, однако сложившиеся обстоятельства подсказывали такое решение. Остановиться в этом лесу следовало потому, что раненые люди на машинах нуждались в помощи. Решив до утра укрыться в лесу, я попросил Грицаева позвать ко мне взводных и доктора. Башнер вылез из люка, и через минуту по колонне от машины к машине понеслась негромкая команда:

— Взводные и доктор — в голову колонны, к командиру!

Командиры взводов и наш фельдшер Никитин, отправившийся с нами в рейд с двумя своими санитарями, прибежали быстро.

Никитин был веселый, жизнерадостный человек лет двадцати шести, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Там, где появлялся Боря Никитин, всегда стоял гомон и смех. Самая обыкновенная история, передаваемая нашим доктором, превращалась в смешную и занимательную. Кроме того, он был замечательным товарищем, готовым всегда отдать свой последний сухарь, сбросить с себя в холод шинель и укрыть ею уставшего спящего друга.

— Все собрались? — спросил я.

— Сейчас подойдет Лопатин, — сказал Кудряшов, блеснув огоньком папиросы.

— Я здесь, товарищ старший лейтенант,— слышался голос Лопатина, подходившего в это время к собравшимся командирам.

— Так вот что, товарищи. Прорвавшись через передний край, мы отклонились от намеченного маршрута и не попали на грейдер, ведущий к шоссе. Имея на машинах раненых, я решил пока дальше не двигаться и остановиться на время в этом лесу. Если пурга не стихнет, то через час от наших следов ничего не останется. Опасаться, что немцы быстро обнаружат нас, не приходится.

— Лейтенант Найденов!

— Слушаю!

— Выделите десять автоматчиков для расчистки места под палатки. Шесть человек пошлете в разведку, но предупредите их, чтобы дальше трех-четырех километров от стоянки не уходили. Ты, доктор, займешься ранеными. После осмотра прошу доложить.

Найденов и доктор ушли. На месте остались командиры взводов.

— Вам, товарищи, нужно быстро занять оборону и так расставить танки, чтобы они вошли в лес задним ходом. Деревьев не ломать. Экипажи держать в полной боевой готовности.

Оставшись вдвоем с Кудряшовым, мы прошли по опушке леса метров до двухсот. Здесь лесной массив отступал под углом и, образуя подкову, снова продолжался по прямой линии не меньше чем на десять километров.

Я высказал свои опасения, что как бы в таком замечательном заповеднике с нами по соседству не было «зверей». До передовой здесь еще рукой подать и лучшего места для тылов

нельзя представить — можно скрытно сосредоточить целую армию.

— Я думал об этом, — сказал Кудряшов. — Долго засиживаться нам тут не следует. Если гитлеровцы разнюхают, что мы забрались сюда, то нам придется больше от них отбиваться, чем выполнять задание.

— Ты прав, Иван Федорович. Подождем разведчиков, тогда и решим, как действовать дальше. Все же мне кажется, что крупных сил у противника здесь быть не может. Немцы не охотники забираться в лес. Они предпочитают отсиживаться в населенных пунктах. Там и тепло, и менее опасно, да и курочки еще кое-где водятся. Здесь лишь могут оказаться их склады с боеприпасами, горючим, ремонтные мастерские. Ну, и все это, как бы усиленно ни охранялось ими, все же послужит для нас, охотников, скорее дичью, чем западней.

— Это верно, друг, но лишняя осторожность нам, пожалуй, не повредит, — предостерегающе заметил Кудряшов.

— Разумеется. Я сейчас же займусь караулами, а ты отдохнул бы, пока есть возможность. Я тут сам справлюсь.

— Не до сна сейчас. Пойду к Никитину, узнаю, как у него дела? Убитые, кажется, есть, о погребении надо позаботиться.

Мы вернулись к месту стоянки. Машины уже стояли в боевом порядке для обороны. Позади них, среди елей, на расчищенном от снега месте, виднелась наспех сооруженная автоматчиками палатка. Этот довольно неказистый и уродливый шалаш все же мог защитить людей от ветра. В палатке орудовали доктор и два его санитары —

огромный, почти двухметрового роста Чечирко и маленький юркий Варламов.

— А ну, показывай, что там у тебя,— шумел доктор, осматривая рану у автоматчика.— Пу-
стяки, царапина. До свадьбы заживет. Чечирко,
перевяжи.

— А, Кирсанов! Тебя как угораздило с пулей
поздороваться?

— Я, товарищ доктор, до друга Чечирки при-
шел. Может, он мне тут вот голову чем пома-
жет,— переминаясь с ноги на ногу, смущенно
проговорил башнер. — Я чуток высунул голову из
люка, а пуля, как оса, тут как тут, и чиркнула
меня чуть повыше уха.

— Высунулся, чиркнула,— ворчал доктор.—
Вот чиркнула бы она тебя на волосок поправее —
и остался бы Решетов без башнера. Кого бы мы
посадили тогда в машину? Моего Чечирку, что
ли? Так он мне самому нужен.

— Да он, товарищ доктор, и в люк не вле-
зет,— расплывшись в улыбке, сказал Кирсанов,
посматривая на своего друга.

— А и влезет, так не дай бог. Разок повер-
нется там и посдирает все приборы. Санитар он
что надо, может вытянуть с поля боя зараз це-
лый экипаж танка, а в машину его садить не
годится.

Раненых было восемь человек. Тяжелых,
к счастью, не оказалось совсем. Доктор заявил,
что все люди могут оставаться в строю. Убитых
было пять человек — три автоматчика и два са-
пера. Погибших товарищей мы не оставили, а
привезли сюда и похоронили здесь, в лесу, вы-
долбив ломами в мерзлой земле могилу. Когда

все было закончено, Кудряшов снял шапку и от имени всех нас попрощался с товарищами, отдавшими жизнь за любимую Родину.

— Прощайте, друзья! Мы еще вернемся в этот лес и на месте безымянной могилы поставим памятник с вашими именами. Мы не забудем вас, боевые друзья. В дни войны память о вас будет звать нас к мщению, а в светлые мирные дни после победы мы будем, чтя вашу память, крепить мощь нашего Отечества, чтобы ни один любитель чужих земель не осмелился еще раз посягнуть на священную землю, политую вашей кровью.

Кудряшов отошел в сторону.

Мы, склонив головы, молча постояли несколько минут у свеженасыпанного холмика и заровняли его снегом. Отдать все воинские почести павшим смертью храбрых в этих условиях было нельзя.

— Плохо пока идут у нас дела, командир,— мрачно насупившись, сказал Лопатин.— Еще дела не начинали, а уже встали на отдых в этом чертовом лесу.

— Нет, Лопатин,— возразил Кудряшов,— дело наше как раз хорошо начато. Через передний край мы должны были проскочить «галопом» без особого ущерба для противника, а мы немало там накрошили и людей его и техники. Да и здесь остановка оказалась как нельзя более кстати.

— Вот именно,— сказал подошедший доктор.— Послушай, «командующий», что я буду делать с убитыми и ранеными в дальнейшем?

— Убитых хоронить, а раненым оказывать помощь, перевязывать их, оперировать, если потребуется.

— Это я и без тебя знаю. Но куда вот я буду девать их после операции? С тяжело ранеными что будем делать?

— Этого, Боря, я сейчас сказать не сумею. Будем действовать по условиям обстановки. Может быть, придется оставлять у надежных людей по деревням, а может быть, организуем что-нибудь вроде временного госпиталя в лесу. Скоро наши пойдут в наступление, поэтому и такой вариант вероятен. Во всяком случае, увидим.

Я вернулся к своей машине. Закиров возился, отыскивая в танке патронную гильзу, которая выпала из гильзоуловителя во время стрельбы и закатилась куда-то под тягу бортового фрикциона, мешая свободному ходу рычага.

Чертыхаясь по-русски и по-татарски, призывая на помощь Христа и Аллаха, он на чем свет стоит клял башнера и радиста за ротозейство. Грицаев, изрядно побаивавшийся Закирова, оправдывался, что не он был в бою у пулемета, а лейтенант Климашин. Но Закиров не хотел признавать никаких доводов.

Вскоре пришел Найденов с сержантом Овчаренко, уходившим старшим группы разведчиков. Он подробно рассказал обо всем, что было с ними в разведке.

Сначала шли они прямо по опушке леса, в юго-западном направлении. Заносы, образовавшиеся у подлесного кустарника, сильно затрудняли движение. Тогда решили свернуть в лес и идти напрямик, не делая крюка. Было еще очень темно и тихо. Шум леса действовал успокаивающе. Но вот чаща начала редеть. Овчаренко, шедший впереди группы, быстро присел. Остальные сделали то же. В тридцати метрах справа от себя

он увидел часового гитлеровца. Часовой, видимо, сильно промерз в своей кургузой шинеленке, прыгал на одной ноге, высоко подбрасывая другую, махал руками в разные стороны, словно изображал ветряную мельницу. Подползшие разведчики едва удерживались от смеха. К их счастью, часовой стоял к ним спиной, да и ветер заглушал все посторонние шумы. Разведчики залегли в снегу и стали наблюдать. Белые маск-халаты с капюшонами помогали им быть невидимыми на снегу.

Вдруг часовой подскочил на месте, круто повернулся в сторону наших разведчиков и вприпрыжку побежал к ним. Они лежали не шевелясь, затаив дыхание. «Вот черт,— подумал Овчаренко,— сам бежит на свою погибель, а трогать его, гада, нельзя».

Но не добежав до разведчиков метров десяти, немец, как акробат, ловко повернулся кругом и помчался обратно...

Из дальнейшего рассказа Овчаренко выяснилось, что разведчики, всмотревшись в то место, где прыгал часовой, увидели какие-то ящики, уложенные штабелями и укрытые брезентами. Оказалось, что это был большой склад с боеприпасами.

Разведчики, укрываясь за деревьями, начали обходить его, чтобы иметь о его размерах более точное представление. Часовые стояли редко. Обогнув склад с правой стороны и выйдя к опушке леса, разведчики увидели большую землянку. У входа в нее стоял часовой, больше интересующийся тем, что происходило внутри землянки, чем охраной ее. В землянке же шла попойка. Крики и песни оттуда доносились до наших разведчиков.

Овчаренко с товарищами прошли еще дальше в сторону от склада, чтобы выяснить, есть ли к нему подходы. Углубившись в лес, с километр пробирались они по колено в снегу, пока путь им не преградил глубокий овраг. Пошли вдоль этого оврага, так как перебраться через него было уже невозможно. Снег лежал там в полтора-два метра глубиной. Вышли к опушке леса и увидели чистое поле, и ни селения, ни дорог, ни леса...

Разведчики еще продвинулись по опушке, и вдруг совсем рядом, буквально в пяти метрах, услышали лязг затвора и вслед затем визгливый окрик:

— Хальт!

В одно мгновение Овчаренко прыгнул на немецкого часового и вырвал у него автомат. Часовой выхватил из ножен тесак. Тогда Овчаренко сильным выпадом ударил его в скулу. Немец вскрикнул и закружился на месте. Подскочили другие разведчики. Один из них стукнул гитлеровца гранатой по голове, и тот, сразу обмякнув, рухнул в снег.

Разведчики схватили «языка», заткнули ему рот и бросились в лес. Отбежав метров на сто, остановились, внимательно прислушиваясь к ночным шумам. Все оставалось попрежнему. Крик часового был настолько коротким, что, видимо, никто его не слышал.

— Капут, отвоевался,— сказал Овчаренко, осматривая немца.— И какие же они, черти, хлипкие. Легонько стукнули — и на вот тебе, уже и дух вон. А не плохо было бы его притащить к командиру.

Но дело приобретало серьезный оборот. Все понимали, что едва немцы обнаружат исчезновение часового, как поднимется тревога.

Быстро закопав мертвеца в снег, разведчики стали осторожно пробираться дальше. Хотелось лишь знать, давно ли этот часовой заступил на пост. Решили двух человек оставить на месте, где стоял часовой, чтобы снять и тех, кто придет ему на смену, и таким образом выиграть время, в течение которого можно отойти к своим. Пройдя еще двести метров, разведчики увидели грузовые машины, стоявшие в углублениях, вырытых в снегу. Некоторые из них были порожние, а другие груженные. Насчитали шестнадцать машин и два бензозаправщика. Чуть в стороне, на сложенном из шпал фундаменте, стояли две цистерны с горючим, а поодаль от них — землянка.

Овчаренко сообщил, что двое из его группы находятся там, на месте смены немецкого караула, а все остальные вернулись в расположение отряда.

— Мы бежали во весь дух, чтобы предупредить о возможной тревоге в лагере противника, — сказал Овчаренко.

Выслушав разведчиков, я собрал командиров взводов и поставил задачу:

— Первый и второй взводы с одной самоходкой идут в голове колонны. Они должны, не останавливаясь у склада, проскочить мимо него, выйти в место расположения автоколонны и уничтожить ее вместе с шоферами и охраной. После этого, не задерживаясь на месте ни минуты, вернуться назад к складу и соединиться с остальным отрядом. Эту группу возглавит Кобцев.

Задача отряда: уничтожить склад с боеприпасами и его охрану.

5. МЫ ДЕЙСТВУЕМ

Автоматчики разместились на машинах, и танки понеслись вдоль опушки леса, наполнив его ревом мощных дизелей. Обогнув угол леса, повернули в направлении расположения вражеских тылов.

Через десять минут головные танки уже проскочили мимо склада, направляясь дальше к автомашинам.

Я застопорил свой танк напротив землянки, в которой располагалась охрана склада, и, развернув пушку, выпустил два снаряда в крышу. Внутри ухнуло, и в воздух поднялись обломки жердей и комья земли. До десятка вражеских солдат было срезано пулями автоматчиков, которые, соскочив с машин, бросились уничтожать охрану склада и часовых.

Одного из них, зарывшегося головой в сугроб, вытащили за ноги и привели к машинам. Он весь дрожал и что-то лепетал. Возиться с ним нам сейчас было некогда. На время мы посадили его в машину Семенова.

Я вылез из танка и, взяв с собою Найденова с десятком автоматчиков и лейтенанта Гаршина с подрывниками, пошел осмотреть склад. Мы насчитали сто восемьдесят шесть штабелей, в каждом по сорок ящиков. В стороне, в яме, обложенной бревнами, хранилось тонны полторы тола. Дальние штабеля мы решили подорвать этим толлом, а те, которые были расположены ближе к танкам, расстрелять из пушек. На каждый штабель заложили по десяти килограммов тола и от запалов протянули длинные концы бикфордова шнура.

Машины мы отогнали подальше в поле. В этот момент я услышал стрельбу из пушек, а затем тьму ночи разогнало яркое пламя, охватившее своим заревом полнеба. Оно зловеще поднималось над вершинами деревьев, то стихая, то разгораясь с новой силой. Раздался сильный взрыв, после чего затрещали частые, но более глухие разрывы снарядов. Это Кобцев со своими людьми громил вражескую автоколонну и жег склад с горючим.

Пора было приступать и нам. Машины выстроились в линию. Пущенная в воздух пулеметная очередь означала сигнал для подрывников поджигать шнур. Там оставался Найденов и три сапера. Прошло две, три минуты, а они не появлялись. Дали еще очередь. Но тут увидели бегущих от леса людей.

— Все в порядке, товарищ старший лейтенант, — доложил Найденов, — сейчас рванет. — Его слова были заглушены сильным взрывом. Танки открыли огонь по ближайшим к ним штабелям. Взрывы один оглушительнее другого следовали друг за другом. На месте склада образовалось море бушующего пламени. От адской жары вспыхнули ближайшие к складу деревья. Кругом слышался вой осколков от рвущихся снарядов. Пришлось отходить нам еще дальше, чтобы полюбоваться этим потрясающим зрелищем.

Вскоре к нам присоединился со своими танками и Кобцев.

К яме с толом был проведен самый длинный шнур с таким расчетом, чтобы взрыв произошел после того, как будут уничтожены штабеля, иначе взрывной волной могло разметать весь склад, не уничтожив всех боеприпасов. Теперь нам нужно было как можно быстрее оставить этот

район. Противник должен был появиться с минуты на минуту. Мы все заняли свои места, и машины понеслись на юго-запад, к Шишиловке.

Так было сказано первое слово нашим рейдовым отрядом в тылу противника. Так был произведен салют в честь пяти наших павших товарищей.

* * *

Отъехав от склада, мы услышали взрыв полутора тонн тола, заставивший дрожать землю на очень большом расстоянии. На момент стена пламени была скрыта взметнувшейся к небу массой земли, но вскоре пламя снова вырвалось с большой силой. Два пожарища на местах автоколонны и склада издали сливались в одну сплошную огненную линию.

Неплохо мы угостили питлеровцев в канун Нового года!

Минут двадцать мы двигались целиной. Но вот первая машина выбралась на твердую укатанную дорогу. Колонна подтянулась, танки поднялись на пригорок, откуда шел спуск вниз, а впереди, в двух километрах, лежала деревня Шишиловка. Там располагались фашисты.

Остановив колонну, я вызвал командиров. Решено было: взводу Петрова на полной скорости проскочить этот населенный пункт и, выйдя на противоположную сторону, развернуться в боевые порядки фронтом к деревне, чтобы ни одна вражеская машина и ни один человек не могли уйти невредимыми. Вся группа через промежуток времени, достаточный для осуществления маневра головными танками, должна была начать

истребление фашистов и материальной части, находившихся в самой деревне.

С передовым отрядом пошел лейтенант Петров. Танки понеслись под уклон с огромной скоростью. Позади машин взлетали комья выбитого гусеницами спрессованного снега. Из выхлопных труб вылетали короткие желтоватые языки пламени.

Вслед за танками Петрова через несколько минут тронулась вся колонна.

При въезде в деревню танк Петрова сбил и подмял под гусеницы патруль, вышедший на дорогу и поднятыми флажками пытавшийся остановить нас: гитлеровцы, очевидно, думали, что это свои.

Вырвавшись за околицу деревни, взвод Петрова развернулся и открыл огонь по вражеским машинам, стоявшим возле домов и в огородах. Выскакивавших из домов полураздетых фашистов наповал укладывали автоматчики, рассыпавшиеся цепью по окраине деревни.

Группа гитлеровцев человек до десяти, отстреливаясь, бросилась в огороды. Петров развернул башню и тремя осколочными снарядами разметал беглецов по снегу.

Рассредоточиваясь по единственной улице деревни, неслись остальные наши танки. Завязался бой. Из окон домов затрещали автоматы, в танки полетели гранаты. Фашистов было много, но превосходство в технике и внезапность маневра были большим преимуществом нашей стороны.

Из дальнего конца улицы показались три автомашины с гитлеровцами. Они мчались на полном газу.

Самоходка Лопатина загородила им дорогу. От выстрела из ее орудия в упор одна из гитлеров-

ских машин разлетелась на части. Шедшая за нею вторая врезалась в обломки и перевернулась. Кузов ее сплюснулся от удара о землю, давя под собою сидевших в машине. Третья пыталась увильнуть в сторону, сбила деревянный забор и смяла свой радиатор об угол дома. Гитлеровцы бросились в разные стороны, но под пулеметным огнем двух танков и артиллерийским огнем самоходки уцелеть им было невозможно.

Почти возле каждого дома и сарая стояли автомашины. В деревне завязался настоящий бой. В разных ее концах горели дома, и на улице было светло, как днем.

Жители сидели в погребах. Занимая дома для постоя, гитлеровцы выгоняли хозяев на улицу, и те вынуждены были искать себе убежище от ветра и стужи где угодно. В данную минуту это сохранило им жизнь.

Продвигаясь вперед, танки расстреливали из орудий брошенные автомашины, ремонтные лещетки и группы все еще продолжавших отстреливаться гитлеровцев.

Постепенно стрельба прекратилась. Воздух наполнился смрадом и копотью. Автоматчики прочесывали деревню, добывая врагов, забравшихся в погреба и на чердаки. Танки Петрова уничтожили восемь вражеских машин. Почти вся часть противника, находившаяся в селе, была истреблена, а техника и снаряжение полностью приведены в негодность.

В Шишиловке наша группа уничтожила пятьдесят три автомашины, четыре бронетранспортера, три бензозаправщика, три тягача с прицепленными к ним орудиями и около сотни солдат и офицеров.

Машины подвинулись к выходу из деревни. В одном из домов доктор, устроив походный медпункт, перевязывал раненых. Для предосторожности выставили на выходе из деревни взвод танков и две самоходки при входе. Вся колонна, вытянувшись длинной цепочкой, стояла вдоль улицы.

Ко мне подошел Семенов.

— Товарищ старший лейтенант, возьмите, пожалуйста, от меня этого зануду фрица. Вертится на боеукладке, работать мешает. В машине и так теснота — не повернешься, а с этим «зайцем» просто беда. Сидел бы он спокойно, так ладно бы, куда ни шло, а то все крутится под руками, боится, что его рычагом ТПУ придавит или башнер снарядом стукнет нечаянно. Совсем замучились с ним. Возьмите его, пожалуйста, а то невзначай как бы не пристукнули ребята.

— Ты, Семенов, стучай их в бою, — нахмурившись сказал Лопатин, стоявший в это время неподалеку от нас. — А такого стучать не гоже. Человек он безоружный, лежачего не бьют.

Семенов недоуменно взглянул на него. Все знали, что гитлеровцы зверски расправились с семьей Лопатина. Все знали, как ненавидел их старший лейтенант, как он мстил им везде и всюду в горячих схватках.

— Они же ваших... прибили, товарищ старший лейтенант, — начал было смущенный Семенов.

Лопатин поморщился и резко бросил:

— Бей, Семенов, их, сволочей, на каждом шагу, грызи зубами, когда ты в бою, но не забывай, что пленный есть пленный.

— Виноват, товарищ старший лейтенант, — сказал Семенов и поспешил удалиться.

Я велел привести пленного. Сидевший на танке Овчаренко, увидев подходившего немца, соскочил с машины и закричал:

— Товарищ старший лейтенант! Да это же тот самый часовой, который ночью плясал возле склада. Ауфвидерзейн, дорогуша! — повернулся он к пленному. — Хэнде хох! Как поживаешь? Чуть-чуть мы тебя там не укокошили, майн херц.

— Перестань паясничать, Овчаренко, — оборвал сержанта Найденов.

Пленный дрожал, как осинový лист, бочком пятился от жестикулировавшего сержанта и лопотал на смеси русского языка с немецким:

— Мой есть арбайтен. Мой и раньше был ваш плен. Русский гут меншен. Я не есть наци. Гитлер — капут.

Я приказал автоматчикам взять пленного с собой на машину.

* * *

Из погребов, ям и всяких закоулков на улицу стали выходить жители деревни. Одна женщина, бросившись на шею первому подвернувшемуся автоматчику, причитала:

— Да милые вы мои сыночки дорогие, ждали мы вас, соколы, сколько слез пролили. Думали, уже и не увидим ни вас, ни жизни лучшей. Да неужто совсем нас ослобонили, родные?

— Эх, не совсем еще, мамаша... но скоро придут наши части, и тогда будет все в порядке. Потерпите чуток, недолго ждать теперь осталось, — смущенно уговаривал причитавшую женщину автоматчик.

Из погребов, ям и всяких закоулков на улицу стали выходить жители деревни.

Женщина не унималась:

— Ой, лишенько мне. Ведь три года ждали, все очи проглядели, а вы опять покидаете нас, оставляете на съедение зверю лютому...

— Будет конец вашим мучениям, мамаша. Скоро сынов своих встречать будете.

— Поубивали моих-то зверюки еще в сорок первом. Теперь все вы мне сынами приходитесь.

Женщины, стоявшие в толпе, вытирали концами платков полные слез глаза.

Впереди, на окраине деревни, прозвучало несколько выстрелов из пушек, застучали пулеметы. Люди, вздрогнув, стали испуганно озираться по сторонам. Как позже выяснилось, четыре немецкие машины подошли к деревне на расстояние выстрела, не зная, что она занята советскими танками. Петров хотел подпустить их ближе и расстрелять в упор. Но сидевший на головной машине врага офицер в тулупе, увидев стоящие в боевом порядке танки в глубоком тылу, встревожился и, развернув машину, хотел удрать. Пришлось истратить Петрову несколько снарядов для пристрелки, а после того четырьмя меткими выстрелами догнать машины врага и сжечь их вместе с экипажами.

Услыхав плач и крики женщин, Кудряшов устроил что-то вроде летучего митинга. Многие из жителей были одеты в изодранные домотканые зипуны и укутаны в тряпье. На ногах у них едва держались перевязанные веревками опорки. Опухшие багровые руки давно не знали рукавиц. Особенно тяжело было смотреть на полураздетых ребятишек.

Но если взрослые понуро стояли с опущенными руками и потупленными взглядами, что стало

у них привычкой после долгого пребывания под фашистским ярмом, то ребята оживленно сновали тут и там. Они забирались на танки, трогали гранаты на поясах автоматчиков, галдели и смеялись на всю улицу. Облепив самоходку, как стая воробьев, они с удивлением рассматривали ее.

— Гришка, гляди, яка танка чудна́я! А вышка у нее какая-то тупая и не крутится.

— Та то не вышка, то башня,— авторитетно заявлял другой.— Я видел такие танки в Виннице. Тут пушка крутится зараз с танком.

— Дяденька, а зачем нужна такая машина?

— Гитлеровцев бить, хлопцы, для чего же больше.

— Та, у которой башня крутится, лучше бьет?

И, не совсем утолив свое любопытство, ребята отходили к другой машине или сновали вокруг группы бойцов, разговаривавших со взрослыми. Всюду они начинали возню и поднимали гвалт.

Кудряшов рассказал жителям о положении на фронтах, о том, что в освобожденных районах советские люди, не жалея сил, восстанавливают хозяйство, разрушенное оккупантами. Он говорил о героической борьбе и труде советского народа. А также заверил, что и этот район в ближайшее время будет полностью освобожден от фашистов.

Люди оживились. Посыпалось множество вопросов. Кудряшов едва успевал на них отвечать. Он даже вспотел от напряжения и, улыбнувшись, сказал, что в ближайшие дни жизнь сама ответит на все эти вопросы.

Хотя этот летучий митинг был быстро закончен, жители не расходились. Они сбились куч-

ками возле наших танкистов и автоматчиков, расспрашивали их обо всех мелочах жизни там, где не было оккупантов. Люди тащили солдат в свои дома, стараясь угостить их тем, что у них было припрятано. Из хмурых и безучастных лица превратились в приветливые и улыбающиеся. Кое-где раздавались веселые голоса, слышался даже смех. А за Иваном Федоровичем Кудряшовым народ толпами следовал по пятам. Почти всегда задумчивый, редко когда улыбавшийся, Иван Федорович совершенно преобразился и был ласков с людьми, как с близкими родственниками.

Большое горе постигло его в эту войну. Парт-орг МТС из-под Гомеля, он в первый же день войны ушел на фронт. Три раза был ранен, контужен, два раза выводил отрезанные подразделения из окружения, сутками не спал, часто отказывал себе в самом необходимом, отдавая иной раз последнюю закрутку махорки ослабевшему солдату. Он всегда беспокоился о людях, забывая о себе.

На долю этого замечательного человека выпало пережить тяжелую драму. У него была семья: молодая жена, учительница средней школы, которую он очень любил; четырехлетняя дочурка Надя и старушка-мать. После освобождения родных мест он узнал, что его жена спуталась с полицейским и бежала с ним. Малолетнюю дочь свою она бросила на попечение старухи-свекрови, которая во время оккупации умерла от голода. Одно только утешало Кудряшова: его единственное теперь сокровище — дочурка — попала в хорошие руки, к людям, после освобождения их местности выехавшим куда-то из сожженной деревни. Хотя разыскать свою

дочь ему до сих пор не удалось, но сознание, что она осталась жива, было для него радостью.

Обо всем этом знали лишь его близкие друзья. Кудряшов не показывал людям своего горя. Оставаясь с ним наедине, я часто видел, как терзается душа этого мужественного человека, как гаснет от дум его взгляд, тускнеют и блекнут глаза. Но сейчас, глядя на него, я радовался. Все видели, как ликут эти измученные под фашистским ярмом люди и как Кудряшов стоит среди них, озаренный их счастьем.

Я отошел в сторону. На покосившемся, полузанесенном снегом крыльце собралось человек десять девчат, в кругу которых, со сдвинутой на затылок шапкой, балагурил Овчаренко. Несколько солдат вместе с девчатами заливались веселым хохотом в ответ на забавные шутки лихого сержанта. С некоторой завистью смотрели ребята на общего любимца: как мухи к леденцу, льнули к нему красавицы-дивчины.

И у меня на душе было радостно: как и все наши бойцы, я чувствовал себя сегодня именинником.

Выйдя из гудевшей ульем толпы, пошел к танкам. Все было в порядке. Дежурные оставались на своих местах, жерла орудий грозно смотрели в одну и другую стороны вдоль дороги. Они в любую секунду готовы были встретить врага огнем и сталью.

Попыхивая папироской, подошел Кудряшов и протянул мне свой кожаный портсигар:

— Кури, дорогой.

— Алтайский?

— Нет, — весело засмеялся Иван Федорович, — шишиловский.

— Наш, значит?

— Наш, друг, смали.

Я начал скручивать папироску, а Кудряшов спрашивал:

— Видишь, как радуется народ?

— Вижу, Ваня, и сам радуюсь,— с удовольствием признался я, затаившись крепким самосадом.

— А не кажется тебе, что после такой радости может наступить для них, да и для нас, большое горе,— сразу став серьезным и мрачным, сказал Кудряшов.

— Ты о чем?

— О том, что рано или поздно, а скорее всего очень скоро мы уйдем отсюда. Так ведь?

— Разумеется, уйдем...

— А люди эти будут расплачиваться за наши боевые успехи своими головами,— сказал замполит.

— Так что же нам делать, Иван Федорович?

— Мы должны уговорить их на время, пока пройдут каратели, оставить деревню, поголовно всем уйти в лес. Фашистам долго не быть здесь. Если они не сожгут деревни, то после людям и вернуться можно будет. Теперь ведь мы у гитлеровцев крупная соринка в глазу. Они будут гоняться за нами, а не за стариками, женщинами и детьми.

— Ну, что ж, Ваня, действуй, разъясняй!.. А я пока организую разведку.

Кудряшов вернулся к жителям. Я приказал Кобцеву выслать один танк вперед, чтобы проверить дорогу и узнать, нет ли здесь поблизости гитлеровских войск.

Танк скрылся за поворотом. Некоторое время был слышен отдаленный гул мотора, наконец все

стихло. Край неба начинал светлеть. Я приказал от машин не отходить, а сам отправился на бугор, к церкви, откуда был хороший обзор местности. Проходя мимо машин, увидел двух автоматчиков, схватившихся за грудки. Каждый из них пытался повалить другого в сугроб. Они заметили меня лишь после того, как я попросил позвать ко мне Овчаренко.

— Нет его, товарищ командир,— доложил один из десантников, чем-то закусывавший тут же на улице.— Овчаренко, небось, в соседней деревне девчатам головы кружит. Шустрый, черт, до девок! И за что только любят его, проныру, чубастого?

Автоматчик от зависти даже тяжело вздохнул.

— Как это в соседней деревне? — ничего не понимая, спросил я у него.— Ведь он в десанте на машине Кобцева!

— Так точно, товарищ старший лейтенант. Только отпросился он у лейтенанта Найденова поехать в разведку. Не любит сидеть без дела. Услыхал, значит, что есть приказание одну машину вперед направить, так сразу девчат бросил и шашть к лейтенанту! Ну, командир, значит, и разрешил ему.

Я невольно улыбнулся, выслушав этот рассказ.

— Ну, вижу, что и ты не любишь без дела сидеть,— сказал я автоматчику.

— Это верно, товарищ командир,— ответил солдат, перестав жевать.— Самая что ни на есть поганая штука для солдата на войне сидеть без дела. Тоска сгложет.

— В таком случае догоняй меня у церкви, как покончишь вот с этой работой,— сказал я, намекая на сало и сухари, которые до моего прихода он усердно жевал и угощал ими пленного немца.

Автоматчики дружно захохотали.

— Этой работой наш Свиридов может заниматься по сорока восьми часов в сутки, товарищ командир. Оттого он последнее время и «сбавил» с семидесяти килограммов до восьмидесяти шести.

Свиридов тоже улыбнулся и, погрозив огромным кулачищем шутнику, сложил свой завтрак в карман и поспешил за мной. Мы забрались с ним на колокольню и огляделись вокруг. Где-то там должен идти наш танк. Дорога на белом фоне равнины едва заметна. Справа виден темный лес. Позади нас еще не погасло зарево от догорающего склада боеприпасов.

Широки просторы Украины, — подумал я. — Даже мне, всю свою жизнь прожившему на Брянщине, в лесной местности, любы эти бескрайние дали и обрывистые овраги и балки, в объезд которых тянутся бесконечные ленты дорог. Очень красивые места. Что же чувствует, глядя на них, человек, родившийся здесь, с детства привыкший ко всему этому! И вспомнил я, как радовался вновь вступивший на свою землю пожилой солдат: «Дывытесь, хлопцы,— взволнованно говорил он, сняв шапку и вздыхая полной грудью,— дывытесь уси! Це наша Вкраина!»

Свиридов задумался и вдруг, словно продолжая мою мысль, сказал:

— А ведь и вправду, на Украине и дышится глубже и ходится легче.

Оказалось, что мы со Свиридовым думали об одном и том же. Потом мы долго всматривались в серую дымку дали, но впереди ничего не было видно. И вдруг показался какой-то темный комочек.

— Танк! — крикнул Свиридов,

Теперь и я видел, что это возвращается наша машина. Спустились с колокольни и поспешили навстречу танку.

— Как дела? — крикнул я автоматчикам, как только машина остановилась.

— Противника близко не обнаружили, товарищ старший лейтенант, — доложил соскочивший первым с танка Овчаренко. — В каком направлении он есть, сказать трудно.

— А что такое?

— Дорог-то кругом чертова дюжина, а по какой ехать — кто знает?

— Ничего, как-нибудь разберемся. Позови-ка, Овчаренко, ко мне командиров машин да предупреди доктора, что выступаем.

Сержант побежал выполнять приказание. Скоро собрался весь командный состав. Коротко обсудив план дальнейших действий, мы сели на машины, и колонна двинулась.

Провожая самоходки и танки, жители деревни вышли вслед за нами на дорогу. Но не успели мы все выехать, как широкая улица опустела. Следуя совету Кудряшова, люди быстро покидали родную деревню.

На окраине Шишиловки к колонне присоединился и взвод Петрова. Нам предстояло пройти около тридцати километров в сторону от Шишиловки, к хутору Червякову, стоявшему у большого лесного массива, где я и наметил дневную стоянку.

В этом направлении шло много разветвляющихся в разные стороны полевых дорог, правда, изрядно занесенных снегом, но все же достаточно заметных. Чтобы не сбиться с пути, мы охотно взяли с собой в проводники шишиловского паренька Ваню Рыбалченко. Он знал эту

местность вдоль и поперек, так как всегда носился по округе с разными поручениями домашних. Почти в каждой деревне у него жили дяди, тети и другие родственники, да и своих дружков-одногодков было немало.

В Червякове я рассчитывал распрощаться с Ваней, но ему не хотелось уходить от нас. Он чуть не расплакался, уговаривая оставить его в отряде. Поколебавшись немного, я все же разрешил ему остаться. «Все равно ведь,— думал я,— в деревне он никого не найдет, а в лесу его ждут не меньшие опасности». Ване выдали трофейный автомат, предварительно научив его с ним обращаться. Двумя гранатами и «парабеллумом» он сумел обзавестись сам во время боя отряда в его деревне. Вел Ваня наш отряд по окольным дорогам. Мы шли без остановок.

За весь переход никого на пути не встретили и к семи часам утра уже прибыли на место.

Хутор, состоявший когда-то из пятнадцати домов, был до основания разрушен. Кое-где еще торчали полуразваленные трубы русских печей. Жители разоренного хутора разошлись к родственникам и знакомым по окрестным селам. Место для остановки было очень удобным. Ни одного села ближе пяти километров, а рядом густой хвойный лес. Под ветвями огромных елей легко было укрыть танки. Отряд рассредоточился, но машины мы поставили на расстоянии пятнадцати метров друг от друга.

Ветер утих, и повалил крупный пушистый снег. Ничего не было видно в десяти шагах. Погода пока что работала на нас. Полчаса, час такого снегопада — и сугробы укроют не только следы

гусениц на дороге, но и отлично замаскируют наши танки.

В машинах оставались дежурные. Танкисты вместе с десантниками отогревались в наскоро сооруженных из брезентов палатках у плоских железных печек, предназначенных для обогрева танков при длительных стоянках. На опушке леса встали дозорные.

Ваня Рыбалченко получил первое боевое задание. Снова переодевшись в свои рваные брюки и телогрейку, в ушанку из собачьего меха, он вместе с Овчаренко уходил в разведку. Вид у Овчаренко был тоже вполне подходящий, но почти все шло насмарку из-за того, что он не имел гражданских документов. Поэтому по возможности он не должен был попадаться на глаза немцам и полициям.

Разведчики отправлялись в большое село Поповку, расположенное в семи километрах от Червякова. У Вани там жили родственники. К четырем часам дня разведчики должны были возвратиться в отряд. Темнеть начинало рано, и не позже шести часов вечера я предполагал снова выступить.

Ваня и Овчаренко ушли. Все было спокойно. Снег сыпал не переставая. Я сильно продрог, хотя оделся тепло. Над палаткой поднимался легкий дымок из железной трубы, выведенной под край брезента. Он манил меня к огню.

Вынужденное бездействие всегда угнетает, а здесь, в тылу врага, нервы у всех нас были напряжены. Некоторые, менее выдержанные, вроде автоматчика Величко, могли размагнититься. Следовало чем-то занять людей. Хотелось поговорить об этом с Кудряшовым, а его поблизости не было. Спросил у дежурных, но они тоже

его не видели. Из палатки под большой елью выскочил раскрасневшийся Свиридов. Схватив пригоршню снега, он стал жадно глотать его.

— Свиридов, что ты делаешь? — окликнул я его.

— Пить до смерти захотелось, товарищ командир.

— То-то, до смерти. Свалиться захотел, что ли? Замполита не видел?..

— Он тут в палатке с нами, — заулыбался Свиридов. Там Мальченко комедию про Чечирко рассказывает.

Я вошел в палатку. Здесь царило большое оживление, казалось, что люди забыли об опасности. В центре палатки сидел башенный стрелок Мальченко. Он рассказывал о похождениях Чечирки, а тот, большой и неповоротливый, ерзал на обручке бревна, шмыгал носом и вообще всем своим видом показывал крайнее смущение и протест против насмешек над ним.

Второй санитар Варламов, присев на корточки, подбрасывая в печку дрова, представлял собой полную противоположность Чечирке. Щупленький, низкорослый Варламов иногда также был объектом веселых шуток и дружеского подтрунивания со стороны товарищей. Их с Чечиркой здесь звали: «Пат и Паташон». Исключительная привязанность этих двух противоположных по внешности и по характеру людей была всем известна. Главенствующую роль в этой паре играл маленький Варламов. Чечирко его слушался во всем и все его указания выполнял беспрекословно. Варламов же заботился о своем беспомощном в житейских мелочах друге-богатые, как о маленьком ребенке, и открыто опекал его. Некоторые шутники побаивались острого насмещ-

ливого языка Варламова, но, подшучивая над Чечирко, задевали иной раз и его защитника. Тогда Варламов начинал огрызаться.

Одно появление друзей всегда вызывало веселые улыбки. А когда у них самих было настроение посмеяться, Варламов брал Чечирку за руку и важно с ним шествовал по подразделению.

Сейчас Чечирко беспомощно оглядывался на своего маленького могущественного друга, но тот ковырялся в печке, как будто вовсе не замечая, в каком тяжелом положении находится его товарищ.

В черных глазках Варламова поблескивали веселые огоньки. Видно, сегодня он выгораживать своего друга не собирался и отдал его шутникам на полное растерзание.

Я прошел к печке, около которой, сняв шапку и улыбаясь в усы, сидел Кудряшов. Он подморгнул мне, указывая на обрубок полена: сядь мол, и, обратившись к Мальченко, спросил:

— Ну и что же дальше?

— ...Так вот, — продолжал рассказчик, — пришли, значит, мы в эту самую деревню, а время, нужно вам сказать, было позднее, часов, наверное, около двенадцати. Осень была слякотная. Ветер пробирал нас сквозь мокрые шинели до самых костей и даже глубже. С неба, как через дырявое решето, лилась холодная вода. Она падала прямо за шиворот наших гимнастеров. На улицах стояли глубокие лужи. Такие глубокие, что даже Чечирке было по пояс...

— Хорошо, что там не было Варламова, — съязвил кто-то, — а то, если Чечирке до пояса, то Варламов бы наверняка пузыри пустил.

— А я бы влез к нему на закорки, — бросил от печки Варламов.

— Спасаясь от этой слякоти, мы свернули в первую попавшуюся хату, — продолжал Мальченко. — На полу, столе и на лавках — везде лежали спящие люди. Делать было нечего. Пришлось потихоньку втиснуться между ними, почти у самого порога. Из-под двери дуло, и через пять минут мы заоченели как цуцки.

— Ты что это сегодня не заступаешься за своего приятеля? — шепотом спросил я Варламова.

— А пусть, товарищ старший лейтенант, пошуткуют. Все, глядишь, время быстрее пройдет, — тихо проговорил Варламов. — Учитываю, в общем, обстановку.

Варламов обернулся к рассказчику и спросил:

— Тебе-то, наверно, от холоду и страху тоже не по себе было?

— Еще бы, — засмеялся сержант, — я уже было замерзать начал, как слышу Чечирко заводит дипломатическую беседу с бабусей, которая лежала на печке, на тепленьких кирпичах.

— Послушай-ка, бабуса, ты не спишь? — тихо-нечко так он ее спрашивает. — Можно к тебе на печку погреться?

В палатке захохотали.

— Не знаю, о чем подумала бабуса, — смеясь продолжал Мальченко, — только слышу с печки ответ: — «Да тут у меня, сынок, тараканы кусаются, не улежишь!» Но Афоня Чечирко не убоился тараканов. Он сказал бабусе, что у него имеется такой препарат, что все паразиты подохнут на месте. — «Так что же, можно мне на печку?» — снова спросил он. Но старушка, видно, испугалась, как бы этот препарат не уложил на месте и ее с тараканами. «Не знаю, родимый, тут теснота — повернуться негде», — отвечает она.

«Ничего, бабушка, поместимся. Как говорится, в тесноте, да не в обиде», — сказал Чечирко и решительно направился к печке. Тут бабуся перешла к решительным действиям: «Нет, сынок. Ты уже лежи там. У меня, милый, расстройство желудочное».

— Ха-ха-ха! — гремели в палатке.

Варламов снял с печки закипевший котелок, осторожно поставил его в сторонку, а затем, налив в кружки крутого кипятку, подал Кудряшову и мне. Мы поблагодарили.

Третью кружку Варламов подал Чечирке. Обжигаясь и перехватывая жестяную кружку из одной руки в другую, потя и непрерывно дую на чай, Чечирко стал отхлебывать кипяток. Котелок пошел из рук в руки.

— Плесни-ка и мне кружечку, — попросил Варламова Мальченко.

— Ты пока рассказывай. Очень уж интересно, — умиленно проговорил Варламов. — Кипяточка нет пока. А как ты закончишь свою сказку, глядишь, и новый вскипит. Вот тогда после трудов праведных и попьешь со вкусом.

— Так и быть, придется досказать, — облизнул губы Мальченко.

— Пришлось нам задержаться в этой деревне на несколько дней, — продолжал он. — Утром встали мы невыспавшиеся и злые. Афоня начал варить концентрат — суп-пюре гороховый, а я пошел на деревню пошукать чего-нибудь более существенного. От тылов мы с Афоней отстали и тем самым лишились регулярного армейского довольствия.

Сварив свой суп-пюре, Афоня приступил к лечению желудочного расстройства у нашей бабуся. Пузатая сумка с красным крестом, из которой

Чечирко извлек множество всяких пузырьков, а также и внушительный вид самого «доктора» возымели свое действие. Старушка рассказала, что ее уже лечила кривая Фекла отваром липового цвета, черемухи и еще чем-то, но ничего не помогло, а «хвершала в деревню еще не пригнали». Вот и приходится ей мучиться. Афоня составил полстакана какой-то микстуры и дал ей выпить, отчего у нее глаза полезли на лоб. Минут через десять бабуся оставила печку и скрылась в неизвестном направлении.

— Что ты ей намешал, Чечирко? — спросил профессионально заинтересованный Никитин.

Краснея, Чечирко стал объяснять доктору составные части своего лекарства. Доктор сначала морщился, крутил головой, а потом на всю палатку расхохотался. Многие хотя и мало понимали в медицине, тоже смеялись вместе с Никитиным. Когда шум улегся, доктор сказал:

— Слабительное, разумеется, сильное, с успехом можно давать его слону, но безвредное. Ну-ну, продолжай дальше, Мальченко, — сказал он, — из посторонних источников лучше всего можно узнать, что у тебя за помощники.

Мальченко продолжал:

— Я принес картошки. Мы ее почистили, сварили, а старушки все не было. Потом она, охая и издавая жалобные стоны, вползла в хату и вскарабкалась на печку. Но через десяток минут снова скатилась оттуда и опять исчезла на длительное время. «Возымело!» — гордо сказал тогда Афоня. — «Что возымело, Чечирко? Не отравил ли ты совсем старуху? Гляди, попадешь под трибунал», — сказал я ему. — «Невежда, что ты в медицине понимаешь, — набросился он на меня. — Говорю тебе, — лекарство во-

зымело действие. Этот состав я сам придумал. На себе испытал. Действует без отказа. Только нервы нужно иметь крепкие». У бабуся, видно, нервы пошаливали: очень уж она тяжело переживала курс лечения.

Тут уже не вытерпел и Чечирко, и по палатке разнесся его раскатистый бас:

— Да разве ж лечил я ее из-за того, чтобы поспать на печке? Вижу, человек мучается. А деревню только недавно освободили, врачей нет. Почему же не помочь человеку? Разве было бы лучше, если бы старуху продолжала лечить бурьяном да полынью кривая Фекла?

— Правильно, Афоня, — смеясь поддержал его кто-то. — Долой невежество и шарлатанство! Ударим по ним своей сознательностью и научной медициной. Продолжай, Мальченко!

— Вернувшись к вечеру домой, — продолжал тот, — мы застали старушку за активной деятельностью. С печи всякий хлам был убран, и она возилась, устраивая постель на лежанке. Чечирку встретила приветливо: «Спасибо тебе, сынок, помог старухе. Резь в животе как рукой сняло, и не сверлит больше под ложечкой. Дюже хорошее лекарство. Ты ложись, сынок, сегодня на печке, я там все прибрала. А сама я вот тут, на лежанке буду, места мне хватит».

С тех пор и пошла слава про нашего Чечирку. Потянулись к нам в хату со всех концов деревни старушки со своими хворами, и лечил их Чечирко, надо прямо сказать, как профессор какой.

— Ну, а дальше что было? — спросил кто-то из автоматчиков.

— А дальше нашли мы свою часть, вот и всей сказке конец, — ответил Мальченко, с наслажде-

нием потягивая кипяток, который ему поднес в кружке Варламов.

— Ну и горазд ты трепаться, — сказал Чечирко. — С тобой поделиться нельзя, все разболтаешь первому встречному.

— Не сердись, друг Афonya. Я же про тебя ничего плохого не сказал. А то, что пользовал ты своим лекарством старух, так это не беда. Лишь бы людям шло не во вред, а на пользу.

Какой замечательный человек наш русский солдат! Чем больше узнаешь его, тем сильнее восхищаешься им. Никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах не вешает он головы. Чуть только выдастся свободная минута, как уже слышна задорная шутка и залиvistый смех. А в дело пойдет, — так только держись! Забывается вмиг все на свете. Он крепко любит жизнь, но в любую минуту готов отдать ее за свою Родину, за свой народ. Но отдаст не дешево. Возьмет за нее не одну, а десяток вражеских голов.

Время было уже далеко за полдень, а наши разведчики все еще не возвращались. Мы начали серьезно беспокоиться, но лейтенант Решетов, очень любивший Овчаренко и считавший его неуязвимым, стал успокаивать:

— Да разве не знаете вы сержанта? Легче ветер поймать в чистом поле, чем его. Он самому черту в одно ухо залезет, в другое вылезет, тот и не заметит, — говорил он. Но видел я по лицу Решетова, что лейтенант сам сомневался в благополучном исходе разведки.

Водитель Семенов, любивший своего друга Овчаренко больше родного брата и сейчас переживавший сильнее других, тоже пытался ободрить нас. Неестественно веселым голосом,

в котором слышалось беспокойство и тревога за товарища, он говорил:

— А помните, товарищ старший лейтенант, как нас под Плющихой уже заживо похоронили?

Многие хорошо знали эту историю, так как случилась она всего лишь две недели назад.

— Как же не помнить, — пробасил Свиридов и весело заулыбался. — Здорово вы тогда выкрутились.

В тот раз им действительно чудом удалось спастись и вернуться невредимыми. Тогда хотели мы захватить вражеский бронепоезд, курсировавший между разъездами Скрынино и станцией Плющихой. Он выходил из Плющихи к разъезду Скрынино и обстреливал поселок, в котором стояли наши танки. В упор бронепоезд расстрелять было невозможно, и мы решили тогда пойти на хитрость.

Решетова и Антонова на двух танках послали в обход Плющихи с такой целью: когда бронепоезд выйдет оттуда для обстрела нас в Скрынино, они должны выскочить на станцию, взорвать полотно железной дороги и отрезать бронепоезду отход.

На танке, который вел Семенов, сидел с автоматом и Овчаренко. Машины ворвались на станцию, но гитлеровцы не растерялись. Танк Решетова был сожжен, Антонов в отчаянном поединке с бронепоездом подорвал подкалиберным снарядом котел паровоза, но и сам был тяжело ранен. Два члена экипажа танка Решетова со станции вернулись. Однако Решетова и его механика Семенова не было. Не вернулся тогда и Овчаренко. Скоро наша бригада заняла Плющиху. Мы расположились в теплой хате и ели горячие щи. Радость успеха была омрачена ги-

белью друзей. Все сидели грустные и молчаливые, ели без всякого аппетита.

— Сами едят, бессовестные, а гостей у порога держат, — вдруг услышали мы от двери удивительно знакомый голос. Все замерли.

— Кто это?

— А это мы, собственными персонами. Весь день не ели, не пили, чарки солдатской к губам не подносили, — сказал тогда Овчаренко. — Вот и механик-водитель стоит со мной рядом, ногами от нетерпенья топчет и быстрее пустить свои челюсти в действие хочет.

Обедающие, побросав ложки, бросились к двери, чиркая спичками, чтобы осветить лица пришедших.

— Да вы хату спалите и нас тоже. Мы и так сегодня чуть не сгорели, — смеялся Овчаренко, переходя из одних крепких объятий в другие.

А что с ним сейчас? Что с Ваней? Хорошо, если наше беспокойство окажется напрасным, как и в тот раз...

А с разведчиками случилось вот что.

Ваня и Овчаренко уже около часа пробирались к Поповке. Идти приходилось чуть не по пояс в снегу. Было жарко. Но стоило остановиться, как холодный ветер и отсыревшая одежда вызывали неприятный озноб.

Выйдя на грейдер, проложенный еще до войны, разведчики увидели колонну танков, двигавшуюся им навстречу. Прятаться было уже поздно, и они, сойдя с дороги, остановились на обочине, пропуская мимо себя шедшие на небольшой скорости танки. Разведчики насчитали двенадцать машин. Вслед за танками по проложенной гусеницами колее двигались восемь бронетранс-

портеров с автоматчиками. Три вездехода тащили полевые пушки.

— Вон какую силу против нас бросают они, — сказал Семен Овчаренко Ване, как только последняя машина прошла мимо них. — Как бы они, гады, не побили цивильных в вашей Шишиловке. Успели бы только люди уйти подальше в лес.

На миг темное облачко тревоги пробежало по лицу Вани. В Шишиловке остались у него мать и младшая сестренка. Но он тут же заверил Овчаренко, что шишиловцев будет трудно теперь отыскать.

Подходя к Поповке, разведчики не пошли в деревню по грейдеру, а, свернув в поле, задами прокрались к домику, стоявшему на отшибе в саду. Здесь жил Ванин дядя, кузнец Павел Никитич Прокопенко.

Павел Никитич с самого начала войны ушел на фронт, но в боях под Львовом ему осколком мины перебило левую руку, которую тут же, в санбате, пришлось ампутировать.

Санитарный поезд, вывозивший раненых в тыл, по пути разбомбили фашистские «юнкерсы». Немецкие моторизованные дивизии прорвались далеко в тыл, отрезав некоторые части от основной массы наших отходивших войск. Отдельные группы и отряды, а часто целые подразделения, разрывая кольцо окружения, двигались на восток, на соединение со своими армиями.

С тяжелыми ранениями, полученными во время бомбежки санитарного эшелона, Прокопенко в конце второй недели добрался до своего села. Там благодаря неусыпным заботам жены, Марии Ильиничны, через месяц он встал на ноги. Месяца два ему пришлось сидеть дома. Потом

с помощью своего пятнадцатилетнего сына он стал делать зажигалки, жестяные керосиновые лампы и начал выезжать с ними на два-три дня в Винницу на базар. Раз от разу выезды эти становились все более продолжительными. Сдав в городе свой товар и закупив там что-либо, он стал бывать и в других селах, частенько пропадая из дома на целые недели.

Павел Никитич, ненавидевший немцев всеми силами души, связался с подпольным центром и, под видом торговли всякими безделушками, работал связным между советскими людьми, оставленными в районе. Он распространял листовки, выпускаемые в подпольной типографии, и собирал сведения о противнике, которые затем передавались по радио в центр партизанского движения.

Немцы не раз врывались ночью в квартиру старика, переворачивали все вверх дном, но, ничего не найдя, самого хозяина пока не трогали. Повидимому, они рассчитывали проследить за его связями и накрыть с поличным. Но Прокопенко был очень осторожен.

Ваня и Овчаренко пробрались к дому Павла Никитича и потихоньку постучали в окно. Жена Прокопенко, Марья Ильинична, приоткрыв занавеску, узнала своего племянника. Разведчики услышали, как звякнула щеколда. На улице было еще темно, шел снег. Оглядевшись по сторонам, Ваня и Семен быстро шмыгнули в приоткрытую дверь. В маленькой, тесной кухоньке их обдало волной теплого воздуха.

Посматривая подозрительно на Овчаренко, Марья Ильинична ушла с Ваней в соседнюю горницу.

Оттуда Семен услышал низкий, спокойный голос хозяина:

— Да что же ты, хлопец, тянешь кота за хвост. Так бы и говорил сразу. А то, видишь ты, конспиратор, а сам притащил разведчика прямо в хату.

В ответ прозвенел голосок Вани:

— А чего же мне было не привести? Я же знал, дядя Павел, что ты не подлюка.

— Ха-ха-ха! — загремел Прокопенко. — Подлюка! Ишь выдумал, постреленок.

На пороге появилась огромная, угловатая фигура старого кузнеца, из-под его локтя выглядывала курносая сияющая физиономия Вани.

— Ну, здравствуй, товарищ, здравствуй! Давненько мы вас не видали. Да вот и дождались, — приветствовал поднявшегося с лавки Овчаренко Павел Никитич, протягивая свою широкую, как лопата, заскорузлую черную ручищу.

— А ну, хлопцы, разувайтесь, раздевайтесь и садитесь поближе к печке. Дай-ка им, жена, чего-нибудь на ноги, а их обувь просушить надо. Тебя как величать-то, товарищ дорогой?

— Семен Овчаренко.

— Овчаренко? А по батьке как будешь?

— Митрофаныч.

— Ты не из Новоград-Волынска? Знал я там Митроху Овчаренко, в мастерских кузнецом работал.

— Нет, я из-под Жмеринки. А батько у меня был председателем колхоза.

— Ну, добре. Давай сперва вот о чем договоримся, — предложил Прокопенко. — Что считаешь нужным, — говори прямо. Вопросов задавать не

буду. О себе скажу только, что сложа руки я здесь тоже не сижу и кое-что для общего дела сделал.

Овчаренко рассказал о взрыве склада, уничтожении автоколонны, о последнем бое в Шишиловке.

— Молодцы, хлопцы! Так их, гадов ползучих! Тут у нас в Поповке для вас тоже работенки хватит. Ты, Ваня, надень мои чоботы, да сходите-ка вы с Гришуткой в село. Посмотрите, что там произошло нового за ночь. Примечайте все лучше, да долго не задерживайтесь. А мы пока тут с товарищем потолкуем.

Ваня с Гришуткой пошли на село, а Павел Никитич стал подробно объяснять Семену все, что касалось расположения немцев в Поповке.

Каждый день в селе стояло до трехсот человек. Многие из них уже жили тут больше недели. В центре села, возле церкви, в здании сельского совета находился штаб. Здание охранялось эсэсовцами. Сюда часто подъезжали легковые машины, иной раз сопровождаемые автоматчиками на бронетранспортерах. Отовсюду тянулись подвешенные на временных мачтах телефонные провода. Неподалеку от штаба в двух хатах размещался караульный взвод. На Заречной улице, почти на самой окраине села, находились два бензохранилища, обнесенные кругом высокой сетью колючей проволоки. Чуть дальше стояли две зенитные батареи. Вверх по Подгорной, в саду возле школы, уже два дня стояли три танка. Вчера Гриша часа четыре наблюдал за ними и выяснил, что в машинах часто не оставалось ни одного человека, а к вечеру, выставив возле танков караул, экипажи, захлопнув люки,

уходили спать в хаты. Возле многих домов стояли автомашины.

Немцы готовились к встрече праздника. Во многих домах по столам были расставлены маленькие елки, увитые мишурой, со множеством разноцветных свечей. Немцы давали хозяйкам пшеничную муку для пирогов, консервы и прочую снедь и, приставив к ним для контроля какого-нибудь рыжего лоботряса с автоматом на шее, заставляли себе прислуживать.

Часа через два Ваня с Гришуткой вернулись. Они сообщили, что всего полчаса назад в село вошло четырнадцать больших автомашин, тащивших на прицепах пушки. Кузовы были нагружены ящиками со снарядами. Колонна остановилась при выезде из села. Машины и пушки были прикрыты брезентами, и гитлеровцы, выставив часовых, разошлись по домам.

Обстановка была ясна. В два часа дня Ваня и Овчаренко, плотно подкрепившись и переодевшись в подсушенное тряпье, отправились в отряд.

В пятом часу Ваня Рыбалченко, весь мокрый, с кровоподтеками на лице, явился в расположение отряда один. Овчаренко по дороге был схвачен полицией и отведен в гестапо.

Ваня рассказал об обстановке и расположении немцев в Поповке, а затем поведал и о том, как оба они были схвачены полицейскими.

Разведчики вышли от Прокопенко поодиночке, Ваня впереди и за ним метрах в тридцати позади Семен. Перед выходом из села Овчаренко предупредил Ваню, что в случае, если их схватят, то он должен говорить, что не знает спутника. Самому же Ване нужно во что бы то ни стало вырваться и, добравшись до отряда, доложить командиру обо всем.

На окраине села разведчики увидели троих подвыпивших полицаев, появившихся из проулка и шедших им навстречу. Ваня беспомощно оглянулся назад, но Семен, как будто ничего не замечая, остановился и начал раскуривать от зажигалки толстую козью ножку.

— Эй, шкет, куда прешься? — схватив Ваню за плечо и ткнув ему громадным кулачищем в лицо, прохрипел один из полицаев. — Ты чей будешь?

Он еще раз хотел ударить, но второй полицай вступился за мальчишку:

— Не тронь его, Грицко. Я, кажись, знаю этого хлопца. Ты, пацан, не племянник ли безрукого кузнеца?

— Да, дяденька, — всхлипывая и вытирая текущую из носа кровь рукавом телогрейки, пролепетал Ваня. Он искоса посмотрел на Семена, который, прикурив самокрутку, не спеша направился в проулок, откуда только что вышли полицейские. Третий полицай, молча стоявший до сих пор в стороне, посасывая немецкую сигаретку и часто сплевывая сквозь зубы на снег, быстро пошел наперерез Семену и догнал его.

— Эй, паря, куда путь держишь? Что-то я тебя не примечал тут раньше.

— Да вот иду из Коростелей в Софьино до тещи. Звала заколоть ей поросю к Новому году... А ты что, в полициях ходишь? Мне тоже предлагали, да я отказался. Паршивая больно эта работа. Весь день на холоду.

— А ты не раскрывай губы, пока они у тебя не распухли, — злобно сверкнув маленькими заплаканными глазками, выругался толстый полицейский. — Покажи документы!..

Овчаренко стал было рыться в карманах, кося краем глаза на двух других полицейских, стоявших возле Вани.

— Вот черт, неужели жинка опять не переложила паспорт из кобуха в телогрейку? Вот дура безмозглая, сколько раз говорил...

— Ладно, паря, топай за мной! Ты, я вижу, хлюст. В гестапо разберутся, кто ты такой и кто твоя жинка, да вправят тебе мозги, чтобы ты документов дома не забывал.

Овчаренко быстро оглянулся и, треснув полиция по скуле, сильным ударом сапога в живот свалил его на дорогу. Ловко перескочив через забор, он бросился за сарай. Полицаи устремились за Семеном.

Ваня был свободен. Сначала он побежал вслед за полицией, но потом, свернув в соседний проулок, юркнул во двор первой попавшейся хаты. Он видел, как Овчаренко о что-то споткнулся и рухнул плашмя в снег, как полицаи, навалившись на него, скручивали ему за спиной руки. Видел, с каким злобным остервенением они пинали и топтали его сапогами, а затем до полусмерти избитого, потерявшего сознание поволокли по селу к церкви. Там, недалеко от здания сельсовета, в бывшем колхозном амбаре со вставленными в окна железными решетками была арестантская.

Пробираясь по противоположной стороне улицы, Ваня видел, как полицаи притащили Семена к амбару и сдали его вышедшим навстречу гестаповцам. Потом все, вместе с догнавшим их пострадавшим полицаем, еще державшимся руками за живот, они ушли в ближайший шинок.

Ваня вернулся к Павлу Никитичу. Встревоженный Прокопенко приказал ему немедленно бежать в отряд и сообщить обо всем случившемся.

Кончив свой рассказ, Ваня не выдержал и разрыдался совсем по-детски, громко и безутешно.

Его отвели в палатку и напоили чаем. Немного успокоенный обещанием освободить Овчаренко, заботливо укрытый овчинным тулупом, маленький разведчик крепко уснул.

6. СЕЛО ПОПОВКА

Положение осложнялось. Нападать на Поповку было еще рано. Из-за желания спасти Овчаренко хотелось действовать сразу, сейчас же. Но здравый смысл подсказывал, что лучше всего атаковать в первом часу ночи, когда гитлеровцы изрядно подвыпьют и будут поэтому менее осторожными. Подумав, взвесив все «за» и «против», так и решили сделать.

Хотя я и был уверен, что Овчаренко ни под какими пытками не выдаст место расположения группы, все же осторожность и чувство ответственности за жизни многих людей взяли верх, и я решил перейти на четыре километра южнее, к селу Малычихе, что к тому же сокращало путь до Поповки.

Быстро убрали палатки, сложили брезенты и, выехав на просеку, под углом, срезающим большой кусок леса, тронулись на новое место.

Лесом машины шли медленно. Глухо урчали моторы, свистел налетающий порывами ветер. Темнело. Мерное, плавное покачивание машин незаметно убаюкивало, и голова склонялась то на предохранительный щиток пушки, то на налобник прицела. И только по временам, когда сильно встряхивало, приятная дремота отлетала, снова возвращая людей к суровой действительности.

В полукилометре от леса виднелась деревушка Малычиха. Она стояла на отшибе, в стороне от большой дороги. Две ее небольшие улицы состояли из мазанок с камышовыми крышами. Их со всех сторон обступили молодые яблоньки и ветвистые вишни. Немцев в деревне не было.

В четырех километрах отсюда, за горбатым бугром, раскинулось большое село Поповка. Там в фашистском застенке томился избитый и искалеченный Сеня Овчаренко.

Танки заняли оборону. Было еще только шесть часов вечера. Утомительно долго тянулось время. Я разрешил людям спать по очереди и сам уснул, разделив дежурство с Климашиным. Разбудил он меня в десятом часу. На улице было очень темно. После сна мелкая дрожь трясла все тело. Я вылез из танка, чтобы немного размяться. Спать на боеукладке, скорчившись в три погибели, где единственной подстилкой служили наваленные ворохом снаряды, было не так уж приятно.

Я обошел танки. На броне, укутавшись с головою в длинные тулупы, спали автоматчики. Подойдя к самоходке Лопатина, заглянул в машину и увидел его, склонившегося над картой района, освещенной мутноватым светом башенных плафонов. Рядом с ним на корточках примостился Петров. Они что-то вполголоса обсуждали, тыча в карту красными от мороза пальцами.

— О чем рассуждаете, стратеги?

— Да вот тут интересное дело, товарищ старший лейтенант, — отодвигаясь от люка, через который я забирался в машину, сказал Лопатин.

— Вот смотри. В пяти километрах от Поповки проходит хорошая дорога на Самгородок. Если оттуда махнуть на Калиновку, то мы выскочим на железную дорогу Житомир — Жмеринка. До-

рогу можно основательно разворотить. Из Калиновки можно километров на десять-пятнадцать протралить Житомирское шоссе. На этом пути улов будет богатый. А дальше можно ударить на Янков. Как думаешь, не плохо?

— Совсем не плохо, Лопатин. Приблизительно этот самый маршрут нам и командованием намечен. Правда, от Самгородка мы пойдем не на Калиновку, а юго-западнее, к Ширязовке. Этот путь лежит по житомирскому шоссе и, как ты говоришь, мы его хорошенько протралим. Затем, свернув с шоссе влево, стукнем по Янкову — конечной цели нашего рейда.

Так как часть командиров была уже в сборе, то позвали остальных, обсудили предстоящую операцию нападения на Поповку.

После изучения некоторых деталей пришли к такому решению: машины Кобцева проскочат в центр села, где размещен немецкий штаб и гестапо. Танки Решетова должны выйти на Заречную улицу и уничтожить зенитные батареи и бензохранилище. На уничтожение танков, стоящих возле школы, в саду, я посылал Лопатина с самоходками. Взводу Петрова предстояло уничтожить на Семякинской улице автомашины с пушками. Кудряшов шел к центру села с Кобцевым. Мне с одним танком из взвода Решетова, войдя в село следом за Кобцевым, предстояло уничтожать стоявшие возле домов машины и живую силу противника.

Каждая из намеченных групп должна была выйти в назначенный ей пункт и, не доезжая села, ждать сигнала общей атаки — белой ракеты. Этот сигнал должен был дать Кобцев, дойдя до центра села.

Саперам предстояло до атаки танков перере-

зять провода при входе и выходе в населенный пункт. С места решено было сниматься ровно в двенадцать ночи. Я находил это самым подходящим временем для нападения.

В одиннадцать часов шесть саперов пешком отправились к Поповке. Трое из них шло к одному концу деревни, а трое к другому. Обнаружив линию связи, саперы должны были ждать подхода танков, после чего, перерезав провода, присоединиться к десантникам.

С приглушенными моторами, на малом ходу, двинулись мы к Поповке. Проехали Малычиху, тихую, пустынную, казалось, совсем покинутую жителями, и вышли на бугор. Внизу, в глубокой впадине, раскинулась Поповка. Здесь отряд наш разделился. Часть машин пошла на казатинскую дорогу, к бензохранилищам, другая — на погребещенскую, а самоходки Лопатина двинулись прямо по полю на Подгорную улицу села, к школе.

К часу ночи взвод Кобцева на большой скорости ворвался в село. Щелкнули одиночные выстрелы. Через несколько минут в центре села взвилась белая ракета, и почти одновременно на всех улицах загрохотали выстрелы танковых пушек, застрочили десятки пулеметов и автоматов. На Заречной взметнулся к небу огромный огненный столб, а затем и второй. Два продолжительного ревуших глухих взрыва дали понять, что Решетов уничтожил бензохранилище. Его машины, ворвавшись на Заречную, смяли гусеницами расставленные возле сада зенитки, расчеты которых в это время горланили песни в соседних домах.

Пьяные гитлеровцы стали появляться из домов, в панике беспорядочно стреляя во все

стороны, убивая и раня своих же солдат. Длинные очереди наших пулеметов и непрерывающийся треск автоматов десантников наводили на них ужас. По улице, навстречу танкам, бежала толпа обезумевших от страха офицеров, большинство которых были без шапок, шинелей, а некоторые даже без френчей. Но вот вся эта толпа, словно наткнувшись на какую-то невидимую стену, на миг остановилась и сперва как-то сразу вся осела, а потом рухнула на дорогу. Танки и самоходка в упор выпустили несколько шрапнельных снарядов. Тысячи разлетевшихся во все стороны осколков свалили на снег до тридцати фашистов. Машины понеслись дальше, с ходу стреляя по живой силе противника.

Самоходки Лопатина быстро проскочили расстояние до школы, где стояли немецкие танки. Почти вплотную подойдя к вражеским машинам, Лопатин без особого труда сжег три танка. Сунувшиеся было к ним экипажи были в упор расстреляны автоматчиками.

Разделавшись с танками врага, самоходки пошли по Подгорной к центру села, уничтожая по пути автомашины, истребляя убегающих в огороды и в поле фашистов.

Петров со взводом ворвался в село с другой стороны. Был он человеком горячим, но все же, когда нужно, умел себя сдерживать. Мне нравилось исключительное упорство, живой ум и быстрая сообразительность этого офицера.

Под стать командиру был и крепко спаянный экипаж. Водитель всегда мог сесть за рацию и не хуже стрелка-радиста держать связь или вместо башнера быстро и ловко работать у орудия и пулемета. Башнер и радист могли поменяться

местами и уверенно делать то, что было необходимо в данную минуту. Даже со стороны не сумели бы вы заметить, что машину, например, ведет не специалист водитель, а у орудия стоит радист. Мы с Кудряшовым всеми мерами стремились так же подготовить другие экипажи нашей роты.

Сейчас взвод Петрова наскочил на огромные автомашины — «маны» с прицепленными к ним пушками. Они стояли на обочине дороги, почти у самого выхода из села, вытянувшись в длинную цепочку. Танк Петрова появился из-за поворота на большой скорости, не успел свернуть в сторону и врезался в головную машину. «Ман», став на дыбы, перевернулся и рухнул боком в снег. Вслед за тем под гусеницами танка раздался хруст ломаемого металла. Петров пошел таранить и остальные машины. Откатываясь назад, упираясь друг в друга, машины врага создали затор. Отойдя в сторону, танки в упор стреляли по автомашинам и прицепленным к ним пушкам. Вспыхнуло горячее в баках, начали рваться в кузовах машин ящики со снарядами.

Но вот в центре села взводу Кобцева пришлось тяжелее всех. Он встретил здесь упорное сопротивление фашистов. Эсэсовцы, охранявшие штаб, укрываясь в домах, начали поливать свинцовым дождем наших автоматчиков, сидевших на машинах. Десантники были вынуждены спешиться. С чердаков в танки полетели гранаты. Пушки и пулеметы, не смолкая ни на минуту, вели огонь по чердакам, окнам и подворотням, где засели эсэсовцы.

Я и Аксютин с двумя машинами вошли в Поповку по винницкой дороге. Из пулеметов и пу-

шек мы били по мечущимся фашистам, по автомашинам, стоявшим возле домов и сараев. Проехав еще метров двести, я увидел четыре легковых автомобиля. Они выскочили из проулка и мчались сейчас навстречу танкам. Шофер передней машины хотел было свернуть в сторону, но увяз в глубоком снегу на обочине дороги. Вторая машина, проскочив еще немного вперед, резко затормозила и обратным ходом стала сдавать назад. Третья автомашина врезалась в нее и развернула ей весь кузов. Четвертой удалось развернуться, но пущенный нами вдогонку снаряд поднял ее на воздух. Вслед за машинами показался отставший бронетранспортер, до отказа наполненный эсэсовцами. Два осколочных и один шрапнельный снаряды сделали свое дело. В легковых автомобилях ехало два генерала и восемь офицеров. У убитых забрали документы, имевшиеся при них бумаги и карты. Набирая скорость, наш танк помчался к центру села, где разгорался настоящий бой.

На церковной площади горело несколько домов, чуть поодаль от которых, с безжизненно опущенным хоботом орудия, пылала наша самоходка. Со всех сторон неслись зеленые трассы пуль, и трудно сначала было разобраться, где гитлеровцы и где свои.

Танки Кобцева вели огонь по ближайшим домам. С церковной колокольни по площади бил вражеский пулемет. Я развернул башню и выстрелил. Яркой звездочкой блеснуло пламя разорвавшегося снаряда, угодившего в цель. Пулемет захлебнулся и умолк.

Со стороны Заречной показались танки Решетова. Скоро подошли две самоходки Лопатина и взвод Петрова. Автоматчики спешили и под

командой Найденкова окружили весь этот участок, забрасывая гранатами засевших в домах гитлеровцев.

Особенно яростно отбивались фашисты в угловом доме, неподалеку от штаба. Группа наших автоматчиков хотела взять этот дом приступом, но под сильным огнем откатилась назад и только из-за углов соседних домов открыла стрельбу по гитлеровцам, засевшим в доме. Часть автоматчиков стала обходить дом с флангов. Наступающим справа нужно было перебежать улицу, простреливаемую сейчас со всех сторон.

Автоматчики сосредоточились за бревенчатым забором. Впереди них, в стеганой телогрейке, туго перетянутой широким офицерским ремнем, выглядывал из-за забора Найденков. Вот он повернулся лицом к своим солдатам и, подняв вверх руку с зажатым в ней пистолетом, что-то крикнув, бросился вперед на середину улицы. Вслед за ним, пригнувшись, побежали десантники. Из дома заметили этот обходный маневр группы автоматчиков и еще яростнее, еще злее, с каким-то остервенением начали бить по наступающим. На самой середине улицы Найденков упал в снег. Рядом с ним легло еще человек пять автоматчиков. Другие отскочили назад, за спасительную бревенчатую стену.

Лежавший на дороге Найденков вдруг зашевелился и, осторожно, прижав голову к самой земле, пополз вперед. Вслед за ним полз автоматчик. Когда до стены дома оставалось уже несколько метров, Найденков снова вскочил и напрямик бросился к угловой изгороди. Сбоку от него бежал высокий, широкоплечий автоматчик. В два прыжка он обогнал лейтенанта, выскочил вперед и, загородив его, помчался к дому. Это был

Свиридов. На дороге остались неподвижными три автоматчика.

Найденлов и Свиридов обогнули угол дома и были уже у изгороди. С крыши осажденного здания полетела граната. Мелькнувшая на миг вспышка разрыва осветила свесившегося через забор лейтенанта. Он быстро скользнул вниз. Вслед за Найденловым перемахнул через забор и Свиридов. На бегу стреляя по дому, заспешили к своему командиру оставшие было автоматчики. В доме грохнуло раз, второй. Длинно, без перерыва, затрещали автоматы, и вдруг все смолкло.

Вытирая рукавом пот со лба, из калитки вышел Свиридов. По-хозяйски покачав столб забора, как будто желая убедиться в его прочности, он осмотрелся вокруг и, нахлобучив шапку, вернулся в отбитый дом.

На улице, начинавшейся тем домом, который заняли Найденлов и его солдаты, уже действовали автоматчики, ехавшие десантом на танках Кобцева. Соскочив с машин, они стали прочесывать дома близ площади. Отовсюду выскакивали фашисты и, отстреливаясь, разбегались в разных направлениях.

Неподалеку от церкви, куда просочилась уже одна группа десантников, возле здания сельского клуба, над лежащим на снегу раненым автоматчиком склонился доктор Никитин. Он опустился возле него на колени, разрезал ножом рукав полушубка и начал перевязывать рану. Из проулка выбежал фашист. Пятясь вдоль изгороди, он выпускал из своего автомата очередь за очередью, потом повернулся и побежал прямо на Никитина. Доктор схватил нож, которым за две минуты до этого разрезал рукав полушубка у раненого

автоматчика, и прыгнул на фашиста. Нож пробил ватник, но застрял в ремнях портупеи. Фашист выронил автомат, растерянно и удивленно оглянулся назад и вскрикнул. Маленький доктор, отлетев, сжался, как стальная пружина, и, рванувшись вперед, снова бросился на фашиста, ударив его своей круглой, как шар, головой под массивный, отвисший от страха подбородок. Фашист ахнул и, взмахнув в воздухе руками, навзничь упал в снег. Доктор навалился на него сверху. Завязалась борьба. Раненый фашист быстро слабел, но все же преимущество в силе было на его стороне. Скоро доктор уже оказался внизу, а фашист, сопя и отдуваясь, тянулся рукой к его горлу.

В это время появился Чечирко. Обе руки его были заняты: как маленьких ребятишек нес он двух раненых автоматчиков, а шапка его все время сползала на глаза. Он чертыхался, крутил головой, но помочь себе не мог. Увидев дерущихся, Чечирко остановился. Сначала он никак не мог понять, что, собственно, здесь происходит, но потом, узнав в том человеке, который лежал внизу, своего начальника, аккуратно положил на дорогу раненых, поправил шапку и тяжело побежал на помощь Никитину. Санитар схватил фашиста за шиворот и рванул его на себя. Его громовой бас далеко разнесся по селу:

— Кого ты бьешь, погань паршивая!.. — кричал возмущенный Чечирко. — Ты меня попробуй ударить, анафема проклятая!

Гитлеровец будто понял, о чем говорит санитар, и, вырвавшись из рук Чечирки, сильно ударил его по скуле. Не столько от боли, сколько от беспримерного нахальства фашиста Чечирко рассвирепел. Он схватил его за грудь и опустил ему

на голову свой тяжелый кулак. Гитлеровец обмяк и кулем свалился в снег.

Зажимая пальцами нос, из которого струйками бежала кровь, Никитин опустился возле поверженного врага, ощупывая у него пульс. Затем встал, заложил в нос вату и, сплюнув на снег сгусток крови, сказал:

— Готов. Отвоевался. Вот что значит, Чечирко, твой смертельный удар!

— А как он вас разукрасил, доктор, — рассматривая своего начальника, сочувственно проговорил санитар. — Разделал вас, как повар котлетку.

Никитин поморщился и буркнул сквозь зубы:

— Попробуй справься вот с таким верзилой, как ты. А он немногим тебя меньше.

— Так чего же вы меня не кликнули, товарищ доктор? Я вот туточки, за углом, раненых бинтовал, — с огорчением ответил Чечирко.

— Откуда я знал, что ты здесь?

— Да как же иначе? Я за вами следовал, да услышал, что раненый там закричал...

— Ладно, Чечирко, хорошо, что так обошлось. Вытащи лучше пластырь да залепи мне прорехи.

Скоро Чечирко вместе с доктором тащили уже трех раненых автоматчиков к центру села. Бой затихал, только кое-где слышались короткие автоматные очереди десантников. Здание сельсовета горело. Лейтенант Найденков, взяв с собой шестерых саперов, бросился в пылающий дом. Из выбитых окон на улицу полетели портфели, планшеты и папки с бумагами. Находившиеся на улице тут же подбирали их и оттаскивали подальше от огня.

Иван Федорович Кудряшов, еще во время боя взяв с собой трех автоматчиков и Ваню Рыбал-

ченко, побежал к амбару, где находился Овчаренко и другие заключенные. Дверь была заперта. Большой висячий замок тут же сбили, и наши люди вошли в темное, холодное помещение.

— Есть кто-нибудь живой? — крикнул в темноту Кудряшов.

— Братцы, свои! — послышался в ответ радостный слабый голос.

К открытой настежь двери из глубины амбара стали выходить избитые, полужамученные узники. Все они походили на живые скелеты. Но по духу это были мужественные советские люди. Твердыми и непреклонными оставались они до последней минуты. Ни угрозами и ни посулами, ни пытками и истязаниями не удалось врагам сломить их, склонить к измене.

Действуя в фашистском тылу, они не давали врагу покоя ни днем ни ночью, истребляли гитлеровцев, мстили им беспощадно, презирая опасность, смерть. Овчаренко был среди них. Он лежал без сознания с проломанным черепом. Брошенный гестаповцами в таком состоянии после второго допроса, Овчаренко ни разу не пришел в себя. Узники рассказали, что первое время он ругался, скрежетал зубами, но потом стих и только время от времени слабо стонал. Люди поведали о том, как пытали и мучили фашистские изверги нашего друга гвардии сержанта Семена Овчаренко.

Еще до допроса Овчаренко был жестоко избит полицейскими и его в полусознательном состоянии втолкнули в этот сарай. Когда сержант пришел в себя, никто его не расспрашивал, кто он, откуда. Все старались, каждый по силе возможности, помочь избитому, еле живому товарищу. Овчаренко попросил пить. Ему дали.

— Кто вы? — тихо спросил он, пристально всматриваясь в изможденные, заросшие бородами лица.

Заключенные партизаны и подпольщики переглядывались и молчали. Они опасались, как бы гестаповцы не подсунули провокатора. «А может быть, он и не провокатор, — думали некоторые из них. — Может быть, парню нужна поддержка, хорошее, теплое слово участия?»

— Здорово они, сволочи, тебя разделали? — ласково спросил Семена один из партизан.

— Кажется, все внутри отбили, — облизывая языком засохшие губы, проговорил Овчаренко. — Жжет у меня все там. Дайте еще водички.

Утолив жажду, сержант, тяжело вздохнув, сказал:

— Если кто из вас останется живой, прошу сообщить моей матери, что сын ее Семен Овчаренко помер правильной смертью, как положено советскому солдату. Адрес запомните: под Жмеринкой, в деревне Коростыли есть колхоз Червонный Луч. Там живет Настасья Поликарповна Овчаренко. Пусть она не убивается, что потеряла последнего сына, пусть примет к себе сироту и воспитает его, как воспитывала нас. — Потом едва слышно он добавил: — Братку мой Петрусь и батько в сорок втором убиты.

— Добре, хлопче. Наказ твой будет исполнен, — торжественно и твердо сказал пожилой заключенный.

— Еще, товарищи, — сказал Овчаренко, — доведется если вам когда встретиться с Иваном Федоровичем Кудряшовым, так передайте ему, что Семен Овчаренко умер как партийный.

Хрустнул снег на крыльце под тяжелыми сапогами, щелкнул открываемый замок. В амбар

вошли два гестаповца. Они схватили Овчаренко за руки и потащили к двери.

— Прощайте, товарищи! — крикнул Семен. — Останетесь живы, — бейте их, гадов! Скоро вы все будете на воле!

Это были последние слова, которые слышали заключенные от Семена. Через несколько часов гестаповцы снова бросили Овчаренко в амбар, но в нем уже едва теплилась жизнь. Смыв кровь с лица Овчаренко и уложив его, заключенные с тревогой прислушивались к слабому биению сердца умирающего человека. Таким и увидел его вошедший в амбар Кудряшов с группой автоматчиков.

Посланный Кудряшовым десантник привел доктора. Осторожно подняв Овчаренко на руки, товарищи отнесли его в дом. Осмотрев рану на голове, Никитин хмуро сказал:

— Не знаю, каким чудом он еще жив. Ни одной кости целой нет, все перебиты.

Он осторожно взял руку сержанта и стал внимательно слушать его пульс. Все стояли молча, еще с какой-то надеждой глядя на доктора. А он, не выпуская руки Овчаренко, резко обернулся и коротко приказал:

— Камфару!

Варламов быстро вынул ампулу, наполнил шприц и подал доктору. Никитин впрыснул камфару, долго слушал пульс, потом вяло, машинально сунул шприц в карман и сел на услужливо пододвинутый ему стул. Он обхватил голову руками, и было видно, как тихо у него вздрагивают плечи.

— Что, Никитин? — шепотом спросил у него Кудряшов.

Не меняя позы и не поднимая головы, доктор дрогнувшим голосом ответил:

— Скончался.

Кудряшов снял шапку и подошел к Овчаренко. Осунувшееся лицо покойного было сурово и строго. Стоявшие посреди избы автоматчики и вошедшие сюда освобожденные из амбара люди молча обнажили головы.

— Прощай, дорогой друг, товарищ по оружию. Ты был верный и храбрый солдат. Советский народ будет вечно хранить светлую память о вас, отдавших свои молодые жизни за свободу и независимость Родины, — сказал Кудряшов. Встав на колено, он поцеловал Овчаренко в высокий чистый лоб. Вслед за ним подошли и стали прощаться со своим товарищем-любимцем, весельчаком Овчаренко и все его друзья — танкисты и десантники.

В результате нападения на Поповку наша группа уничтожила сорок шесть грузовых автомашин, пять легковых, два бронетранспортера, три танка, четырнадцать полевых орудий и девять зенитных. Кроме того, мы взорвали и сожгли два крупных бензохранилища, разгромили штаб дивизии, взяв много ценных документов и карт. В бою нами были убиты два гитлеровских генерала и истреблено до ста пятидесяти солдат и офицеров. Наша группа потеряла в этом бою одну самоходку, пятнадцать человек убитыми и тридцать пять человек получили ранения, причем шестеро из них — тяжелые.

Всех тяжело раненых по рекомендации Прокопенко разместили у местных жителей. Доктор снабдил население бинтами, лекарствами и разъяснил, как нужно ухаживать за больными. Легко раненые остались в строю.

На площади села было собрано все трофейное оружие. Часть его роздали жителям, а остальное забрали с собой, решив зарыть его где-нибудь в ближайшем лесу.

Покончив со всем этим, мы, не задерживаясь в Поповке, тронулись на Самгородок. В четвертом часу утра заметно стих ветер и пурга прекратилась. Сквозь разрывы туч, застилавших небо, тускло мерцали звезды. Отъехав от села на два километра, я остановил колонну. Документы, взятые в разгромленном штабе, сложили в два мешка. Найденов выделил четырех автоматчиков, которые немедленно должны были отправиться в путь и доставить их в штаб соединения. С ними мы отправили и Ваню Рыбалченко.

7. ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ

Самгородок — крупный населенный пункт. В нем насчитывается более десяти тысяч жителей. Здесь стоял большой гитлеровский гарнизон, вступать в бой с которым было рискованно. Поэтому, не доезжая до города пяти километров, наши танки свернули с хорошо наезженного пути на едва различимую, занесенную снегом полевую дорогу и пошли в направлении Винницы на Житомирское шоссе.

К шести часам утра мы подошли к полотну железной дороги Шепетовка — Умань. Выйдя на какой-то маленький разъезд, с четырьмя домиками вдоль полотна дороги, мы увидели, что пути были пусты.

На шум моторов из крайнего дома показался человек без шапки, с всклокоченными волосами.

Быстро окинув взглядом разворачивающиеся вдоль полотна дороги танки, он долго и удивленно всматривался в них, после чего юркнул в дом, но дверь за собой оставил открытой. Скоро он снова появился на пороге в наспех накинутой шинели, в галошах на босу ногу и побежал навстречу нашему танку. Вслед за ним выбежали еще двое мужчин.

Из другого дома выскочили три гитлеровца. Согнувшись, как будто это могло их спасти от пуль, они побежали через линию железной дороги к лесу, начинавшемуся в пятидесяти метрах от дороги. Автоматчики послали им вдогонку несколько очередей, и фашисты распластались на снегу.

Из домов стали появляться полуодетые люди, но они не бежали, а с недоумением смотрели на танки. Окончательно убедившись, что это советские машины, не обращая внимания на жгучий мороз, женщины и старики смело подходили к автоматчикам и, перебивая друг друга, засыпали их вопросами. Они рассказывали, что немцев, кроме тех троих, которые пытались сейчас удрать, здесь нет, что вчера под вечер проезжала дрезина с железнодорожными жандармами. Они были чем-то напуганы и, не задерживаясь на разъезде, укатили дальше.

По моему приказу саперы, нагрузившись толовыми шашками, рассыпались по полотну дороги, прикрепляя их к рельсам. Жителям мы посоветовали потеплее одеться и отойти пока что подальше от разъезда. Большие заряды тола были заложены на переводных стрелках. В другую сторону от заминированных путей мы расставили вдоль полотна далеко друг от друга танки и самоходки.

Я уже хотел дать сигнал к взрыву путей, как вдали послышался гудок паровоза, шедшего со стороны Винницы. Через несколько минут из-за поворота показался паровоз, тащивший небольшой состав платформ, цистерн и теплушек. С паровоза заметили не успевших соскочить с полотна саперов, и поезд стал резко тормозить, не доезжая до стрелки. Из паровозной будки высунулись два гитлеровца и, боязливо озираясь, смотрели на растянувшиеся вдоль полотна танки. Потом показалась и голова машиниста. Быстрым взглядом окинув представившуюся его взору картину, он понял в чем дело и стал радостно махать руками, а затем также быстро, как появился, исчез.

За миг до этого я уже готов был нажать спусковую педаль наведенной на паровоз пушки. Теперь же, увидев машиниста, задержался. Нога сама соскользнула с педали, и я, выскочив на башню, крикнул, чтобы в паровоз не стреляли.

После того как машинист снова скрылся, мы увидели, как один из фашистов чуть не выбросился из паровоза и, держась одной рукой за поручни, почти повис в воздухе. В дверке показался машинист. Он толкнул гитлеровца в грудь ногой. Взмахнув руками, фашист полетел вниз под откос и больше не появлялся. Вслед за ним прыгнул и машинист. Он упал, но быстро вскочил, побежал к танкам. Из окна паровоза высунулся второй фашист. Он выпустил по убегающему машинисту автоматную очередь. Грузный, в короткой замасленной куртке машинист остановился на месте, повернулся кругом, лицом к паровозу, и, погрозив в его сторону кулаком, вдруг рухнул на полотно и, скатившись с насыпи, широко разметал руки.

Я спустился в танк и выстрелил. Снаряд попал в котел паровоза. Из развороченной пробоины с шумом и свистом вырвались клубы пара, закрывшие и паровоз и ближайшие к нему платформы. Состав прокатился немного вперед и остановился. Из теплушек, прицепленных к хвосту поезда, стали выскакивать гитлеровцы. В них полетело с десятков почти одновременно выпущенных снарядов. Те, кто успел выскочить из вагонов, отстреливаясь, пытались перескочить на другую сторону полотна, но их косили пули наших автоматчиков.

Состав был небольшой. На первых четырех платформах, по два на каждой, стояли восемь орудий. За ними шло десять платформ с танками, две цистерны с горючим и в хвосте эшелона две теплушки.

Толом были взорваны платформы с пушками, из орудий мы в упор расстреляли транспортируемые танки. Над ними поднялись высокие языки пламени. Затем мы сожгли цистерны с горючим и окончательно разбили паровоз, саперы подорвали полотно железной дороги и входные стрелки. Танки и самоходки из пушек на большом расстоянии подрывали пути.

Два наших танка с саперами пошли вдоль линии к железнодорожному мосту, переброшенному в двух километрах отсюда через небольшую речку. Скоро оттуда донесся гул сильного взрыва, а танки с саперами присоединились к отряду.

Дольше задерживаться тут было нечего, мы дорожили каждой минутой. Мы понимали, что в ответ на следовавшие одна за другой наши диверсии гитлеровцы не замедлят принять меры для ликвидации группы, поэтому, пока еще не

Снаряд попал в котел паровоза. Из развороченной пробоины с шумом и свистом вырвались клубы пара...

поздно, нужно было спешить к конечному пункту нашего задания — на станцию Янков.

На ходу пришлось изменить ранее намеченный план действий. Вместо того, чтобы выходить на шоссе к одному пункту всей группой, решили разделиться на два отряда и с двух сторон выйти на магистраль в разных точках. Двигаясь друг другу навстречу со стороны Житомира и со стороны Винницы, отряды эти взяли Калиновку в клещи.

На винницкую часть шоссе шел Лопатин с самоходками и танки Решетова. Со мной направо шли танки Петрова и Кобцева.

Оставив разбитый разъезд, на котором продолжал еще гореть эшелон, танки пошли по намеченным маршрутам. Еще как следует не рассветло, а колонна уже выбралась на широкое полотно шоссе. До Калиновки было одиннадцать километров. По моим расчетам, группа Лопатина также должна была уже выйти на шоссе.

Танки выстроились по два в ряд, заняв всю проезжую часть дороги. После ползания по полям по башню в снегу ехать по расчищенному снегоочистителями шоссе было легко. Казалось, что машины потеряли половину своего веса и неслись сейчас, как на крыльях.

Я хорошо помнил эту дорогу еще с довоенного времени. Мне довелось здесь быть летом тридцать девятого года. Тогда был жаркий июньский день. Мы ехали по шоссе в открытой машине. От быстрого ее бега ветер бил в лицо, освежая нас приятной прохладой. По обе стороны от шоссе простирались необозримые цветущие поля, уходя далеко-далеко в голубоватую даль, подернутую на горизонте дрожащей дымкой знойного

марева. Поле напоминало гигантскую шахматную доску, разбитую на правильные квадраты, но выкрашенную не черным и белым, а в веселые цвета живых, свежих и сочных красок. Молочнобелые квадраты цветущей гречихи перемежались с сиреневатыми участками клевера, с черными полосами отдыхающей земли. Нежной голубизной ласкали глаз квадраты цветущего льна. А вдаль тянулась зеленая полоса леса, на вершины которого напоролась своим вздутым иссиня-черным брюхом зловещая грозовая туча. Она быстро стала расползаться вширь, охватывая все большие и большие пространства неба.

Еще жарко жгло солнце и сплошной дымовой завесой стлалась позади бегущей машины пыль, а в воздухе уже чувствовалась надвигающаяся гроза. Раскисшие от солнечного зноя и духоты люди на машине приободрились. Посыпались веселые шутки, смех. Приближение грозы походило на приближение боя, но не предвещало гибели.

Это в далекие мирные годы. Сейчас же перед глазами вставала совершенно иная картина. Теперь на той же дороге урчали моторы. Но в их шуме слышалось грозное предостережение. Суровые люди пристально всматривались в даль, не обращая внимания на прелести русской зимы. Они искали на этой дороге врага. Они готовы были столкнуться с ним в жестокой схватке, лица их были суровы и хмуры; советские люди ехали по дороге, по которой еще топали кованые сапоги гитлеровских солдат, еще коптили здесь этилированным газOLIном «мерседесы», «опели» и «маны». От размышлений больно щемило сердце, спазмами перехватывало горло. С новой силой разгоралась лютая ненависть к тем, кто

отнял у нас драгоценные минуты радостной мирной жизни.

Хотелось как можно быстрее, без отдыха и сна, гнать с этой земли виновников всех наших бед и несчастий, уничтожить их всех до единого, сурово мстить за слезы и кровь советских людей.

И как та грозовая туча несла с собой освежающую прохладу, так гроза гнева народного несла освобождение своей родной земле.

Мы шли уже минут десять, а дорога перед нами все еще оставалась свободной от противника. Но вот из-за пригорка появилась идущая навстречу нашим танкам колонна груженых автомашин. Увидев танки, водители замедлили ход. Головная машина затормозила и остановилась. Из кабинок других стали вылезать шоферы. Расстояние между танками и автоколонной быстро сокращалось. Однако, поняв в чем дело, гитлеровцы бросились с шоссе в разные стороны. Длинные пулеметные очереди наших стрелков ударили по грузовикам и рассыпавшимся по полю фашистам.

Закиров, которому очень нравилось уничтожать немецкие машины «башкым по башка», врезался танком в голову колонны. Раздавлив под гусеницами первые две машины, танк остановился: кончился набранный по инерции с хода запас огромной энергии, и танк уже не так легко мог подминать под себя большие груженные машины.

Все наши танки развернулись вдоль вражеской колонны, и каждый, наезжая на стоящую перед ним машину, переворачивал ее сначала на бок, после чего уже легко крошил под гусеницами. Через несколько минут на месте колонны была лишь груда разбросанных грузов и обломков ма-

шин. Покончив с колонной, танки снова выстроились и в прежнем порядке продолжали двигаться дальше.

Навстречу занявшим все шоссе танкам чаще и чаще стали попадаться тракторы, вездеходы, машины. Одни из них оставались лежать на дороге раздавленными, другие были разнесены в клочья снарядами, а некоторым удалось временно скрыться, повернуть назад. Однако шедшие на соединение с нами самоходки и танки Лопатина, встретив их в трех километрах от Калиновки, уничтожили без остатка.

Отсюда до Янкова было еще пятнадцать километров. Танки свернули с шоссе и двинулись вдоль железной дороги.

Начавшие было расходиться тучи снова сгустились, и пошел снег. Лохматые хлопья его слепили глаза, засыпали триплексы, стекла перископов и прицелов, которые часто теперь приходилось прочищать и протирать от обледенения спиртом.

Отъехав от шоссе на семь километров, колонна остановилась. Всего танки прошли уже более ста километров, нужно было дозаправить машины горючим, так как обстановка с каждым часом все более осложнялась и мы не знали, когда еще представится возможность сделать остановку.

Машины пришлось задержать минут на десять, пока водители переливали газойль из запасных бачков в основные баки. Теперь мы не жалели больше, что взяли с собой запасные бачки. Риск был оправдан полностью.

Путь наш, уходивший сначала в сторону от железнодорожного полотна, снова сблизился с ним, и в четырех километрах от Янкова мы пересекли железнодорожную линию. Справа от пе-

реезда, почти у самого поворота, рос молодой сосновый лесок. Колонна еще не успела выйти на переезд, как из-за сосняка показался паровоз с небольшим составом.

Чтобы не переполошить гитлеровцев в Янкове преждевременно, я передал по колонне команду «Огня не открывать!» и, выйдя на путь, развернул башню навстречу поезду.

Паровоз резко затормозил. С высоких подножек паровоза прыгнули в снег два человека. Размахивая руками, они побежали по линии к танкам. Это были помощник машиниста и кочегар. Они рассказали нам, что, выехав из-за поворота, увидели нас и сразу поняли, что это и есть советские танки, которые действуют в их районе, наводя ужас на гитлеровских вояк. Железнодорожники сообщили, что этой ночью через Янков прошло восемнадцать танков, которые направлялись в сторону Винницы. А вслед за ними шли шесть вездеходов, тащивших противотанковые пушки.

Не приходилось сомневаться, что эти танки и пушки были посланы для расправы с нашим отрядом. Удивляло лишь то, как мы до сих пор не столкнулись с ними на житомирском шоссе.

Железнодорожники рассказали, что в Янкове на путях четыре эшелона. Один из них без паровоза. Эшелон с танками и самоходками прибыл на станцию сегодня в четыре утра и с тех пор стоит на путях. Танки без экипажей, только на каждой платформе есть часовые. Видимо, опасаясь уничтожения эшелона в пути, гитлеровцы временно задержали его там.

Второй эшелон с пушками и вездеходами пришел на станцию совсем недавно и находится сейчас на главном пути, готовый к отправке.

Третий состав целиком сформирован из железнодорожных цистерн с горючим, и четвертый вчера прибыл из Умани с двадцатью запломбированными вагонами.

Паровоз, который вели эти люди, тащил шесть платформ, груженных рельсами. Враги пустили его с расчетом, не наткнется ли он где-нибудь на наши танки. Пытаясь подорвать его, мы тем самым обнаружили бы себя. Теперь надо было как можно быстрее атаковать станцию.

Чтобы обмануть противника, мы решили не открывать стрельбы, а оставить здесь одну машину для того, чтобы она уничтожила паровоз после того, как мы захватим станцию. Наши танки, разбрасывая гусеницами снег, понеслись на Янков.

Впереди, совсем рядом, за невысокой полосой пристанционного леса, проревел гудок паровоза. Ему на высокой ноте отозвался второй.

Вот она — конечная цель нашей задачи! Я испытывал необычайное волнение.

Станцию от нас пока скрывала зеленая полоса заснеженных елей. Дорога здесь круто поворачивала влево, метров двести шла параллельно этой живой изгороди, а потом, на девяносто градусов повернув вправо, выходила прямо на привокзальную площадь.

Главным в колонне шел взвод Кобцева. Вот он уже проскочил поворот и, увеличивая расстояние между машинами, вытягивался в длинную линию. После того как танки рассредоточились на необходимую дистанцию, я, не останавливая колонны, подал по радио команду: «Вправо, все вдруг!»

Четко, как на параде, все с хода развернулось на одной гусенице вправо и грозным бое-

вым порядком, с чуть загнутыми вперед флангами, понеслись к станции.

— Смотри, как красиво чеканят повороты, старшой, — крикнул мне, высываясь из-за пушки, лейтенант Климашин, прижимая к груди снаряд, который он готов был дослать в казенник орудия.

— Молодцы! Красиво, как на Красной площади! — сказал я, любуясь четкой, слаженной работой подразделения, и чувство гордости за свои экипажи наполнило грудь. Что может быть приятнее для командира, как не дружная, спаянная работа вверенного ему подразделения в бою? За это он готов отдать все!

Все помыслы мои и желания, весь кропотливый труд, бессонные ночи и все волнения приносили теперь свои результаты. Я радовался успеху, ликовал от сознания выполненного долга.

Сейчас танки, ломая перед собой молодые деревья, оставляя в лесу широкие рваные просеки, прорывались к станции. Правофланговым теперь шел взвод Петрова. Возле его машины взметнулись в воздух три фонтана из снега и расщепленных шпал. Справа, из-за водокачки, по машинам била противотанковая батарея. С водокачки и из окон вокзала по танкам хлестнули автоматные и пулеметные очереди. Десантники спрыгивали с брони и, укрываясь за платформами, рассыпались по путям.

Эшелон с пушками стоял на втором пути. Как только танки вышли из леса и показались перед вокзалом, паровоз, пуская в морозный воздух густые черные клубы дыма, тронул с места длинный состав. Вразнобой, от головы до хвоста, прокатился звенящий стук буферов. На паровозе

торопились. Там, видно, в спешке, стараясь как можно быстрее выскочить со станции, рванули рычаг регулятора до отказа, дав в цилиндры максимальную порцию пара. Паровоз, прокатившись по рельсам метров пять, вдруг затрясся, задрожал, колеса его бешено завертелись на месте, но состав не двигался. Окутываясь дымом и паром, поезд остановился, а вслед за тем тихо, рывками стал двигаться вперед, быстро набирая скорость.

— Уйдет, командир! — закричал мне Климашин, указывая на эшелон.

— Не уйдет, поздно! Осколочный!

— Готов!

Я развернул башню и прицелился в котел.

— Огонь!

На миг облачко дыма скрыло из вида паровоз, но когда он рассеялся, я увидел, что поезд продолжает двигаться вперед. Паровоз был цел, невредим и, деловито попыхивая, тащил состав к выходным стрелкам.

Что за чертовщина? Никогда со мной такого не случалось. Как можно так безобразно мазать из пушки на расстоянии каких-либо двухсот метров, да еще в такую громадную мишень, как паровоз. Ослеп я, что ли, от волнения?..

— Осколочный, Климашин!

Климашин дослал снаряд в казенник. Он удивленно, непонимающе взглянул на меня и молча нагнулся за новым снарядом. Я снова поймал паровоз в трубку прицела. Спокойно, не торопясь, подогнал перекрестие нитей на паровоз и нажал спуск. Пушка ахнула, со стуком откатилась назад и, готовая к новому выстрелу, вернулась в первоначальное положение.

Мимо!?!

Даже поблизости от паровоза нигде не было видно разрыва снаряда.

Я закрыл глаза и на секунду откинулся на сиденье, но тут же мелькнувшая вдруг догадка заставила снова прикинуть к прицелу. «Так и есть! Растяпа!», — выругал я сам себя.

Прицел пушки был поставлен на дистанцию 3000 метров и, конечно, попасть с такими данными в паровоз на 200—300 метров было нельзя. Хотя перекрестие нитей и было наведено в цель, но хобот орудия был задран вверх и снаряд пролетал высоко над паровозом.

Исправить прицел — дело одной секунды. Третий снаряд настиг паровоз уже почти что у самых выходных стрелок. Яркой вспышкой мелькнуло пламя разрыва, и вслед за тем из зияющей рваной пробоины вырвалось огромное облако пара.

После страшного напряжения последней минуты я почувствовал себя совершенно разбитым, будто целый день ворочал камни.

— Готов! Запарил! — радостно закричал Климашин, выскочив по пояс из люка, но тут же, схватившись рукою за ухо, снова юркнул в башню.

Между пальцами, быстро окрашивая руку, обильно текла кровь. Башнер Грицаев, разорвав зубами индивидуальный пакет, втиснулся между пулеметом и пушкой и начал перевязывать голову лейтенанта. Рана была легкая. Пулей Климашину разорвало левое ухо, и сейчас, после перевязки, он снова стал за орудие, держа снаряд наготове.

Танк Петрова вышел на станцию справа от вокзала. Не останавливаясь на месте, он выпу-

стил два снаряда по ближайшему паровозу и, резко подпрыгивая на рельсах, прямо через пути понесся к водокачке, откуда по машинам была противотанковая батарея.

Болванки, разбивая рельсы, кроша в щепы шпалы, ложились вокруг танка. Но он, то скрываясь за насыпью, то снова выскакивая на открытое место, все ближе подходил к батарее, осыпая ее осколочными снарядами. Наконец, машина укрылась за растянувшимся возле стрелок составом с пушками.

Петров обошел состав со стороны подбитого, еще дымившегося паровоза и выскочил на открытое место. Пути остались позади. Сейчас машина неслась вдоль полотна прямо на водокачку. Расстояние быстро сокращалось. Вот уже осталось до батареи метров триста, затем двести. Вдруг танк резко вздрогнул и, расстилая позади себя черную блестящую ленту гусеницы, завертелся на месте. Он остановился, подставив борт огню вражеской батареи. Петров развернул башню и часто — один снаряд за другим — стал стрелять по пушкам врага. Снаряды попадали иногда в каменную стену водокачки, и тогда от нее далеко разлетались во все стороны тысячи раздробленных камешков, тучи кирпичной пыли, застилая все вокруг густым коричневым облаком.

Но вот вражеский снаряд попал в борт петровского танка, оставив в броне узкую, с кулак, пробоину. В разорванных баках вспыхнуло горючее, и машину охватило пламенем. Из лобового люка выскочил горящий комок и начал кататься в снегу. Объятый пламенем, танк еще жил. Медленно, через длинные промежутки, грохала пушка, и снаряды с визгом летели в водокачку, кроша ее стены. Наконец, смолкла и пушка. Из

башенных люков повалил густой дым и как последний, прощальный сигнал из башни полилась длинная, казалось, бесконечная, пулеметная очередь. Весь диск был израсходован от первого до последнего патрона.

Танк умолк. Вскочивший из него горящий водитель сбил пламя с одежды, сбросил дымившуюся, тлеющую телогрейку в снег и, часто падая, подбежал обратно к танку. Обожженными руками он схватился за кромку люка и, напрягая последние силы, перебросил туда свое отяжелевшее тело.

Минуты казались бесконечными, а из горячей машины никто не показывался. Наконец, из люка башнера снова вылез водитель и, нагнувшись в командирский люк, вытащил из него обгоревшего лейтенанта Петрова.

Водитель прыгнул с танка и, взвалив на плечо безжизненное тело командира, побежал от машины. Потом он остановился, бережно положил лейтенанта на снег и содрал с него все еще горевшую одежду. Затем нагнулся вновь, с трудом поднял тяжелое тело, вскарабкался на полотно, пошатываясь, постоял на месте и снова шагнул вперед. До спасительного откоса оставалось полтора метра, но тут откуда-то залетевший снаряд ударил в кромку рельсы и в вихре разрыва скрыл и платформу и двух обгоревших людей. Когда щебень и снег улеглись, на путях никого уже не было.

Так погибли Петров и его отважный водитель.

Другие танки из взвода Петрова, скрываясь за высокой насыпью, пошли в обход батареи. Я приказал Закирову обойти водокачку с другой стороны.

Проскочив перед разбитым паровозом и обогнув состав, танк на минуту выскочил на открытое место. Две пушки били по пересекавшим плотно дороги танкам Петрова, а третья, развернутая в сторону вокзала, выпустила подряд два снаряда по нашему танку. Одна болванка по касательной ударила в скошенную часть башни. Раздался сильный удар. Машину тряхнуло, и я на секунду потерял сознание. Удара второго снаряда, попавшего под шаровую установку пулемета, я не слышал. Когда очнулся, в ушах у меня стоял колокольный звон. Не было даже слышно шума мотора своего танка. Выбитый из замка шаровой установки пулемет проломил грудь радисту Москвину, который теперь навалился тяжестью изуродованного тела на гудевшую рацию.

На боеукладке, инстинктивно схватившись руками за голову, лежал без сознания Климашин. Из носа и рта у него текла тонкими струйками кровь. Грицаев, заняв его место, стал за орудие и дослал снаряд в казенник. Поймав на перекрещенные нити прицела вражескую пушку, я нажал на педаль спуска. Взрыв снаряда на секунду закрыл батарею, а когда улеглись поднятые в воздух снег и шлак, я увидел орудие, перевернутое на бок. В воздухе, как баранка руля гигантской автомашины, крутилось на оси широкое резиновое колесо.

Еще один рывок, и танк укрылся за водокачку.

Несмотря на то, что развязка уже приближалась, враг упорно сопротивлялся. Закиров, круто развернув машину вокруг водокачки, выскочил на батарею. Под гусеницами танка хрустнули оси подмятых под машину орудий, траки заскрежетали о сталь развороченных пушек.

Особенно упорно сопротивлялись фашисты возле вокзала. Там вели бои наши автоматчики. С ними был и Иван Федорович Кудряшов. Одна группа десантников, под командой Найденова, выбивала фашистов, засевших в станционных киосках, подвалах и уборных. С другой группой замполит Кудряшов штурмовал вокзал.

Позади здания вокзала за невысокой деревянной изгородью на запасных путях стояли две теплушки, до половины загруженные березовыми дровами. Когда группа Кудряшова стала перебежками подходить к вокзалу, из открытых дверей теплушек по ней хлестнули автоматные очереди засевших там гитлеровцев. Не замедляя стремительного бега и перегоняя друг друга, автоматчики неслись к вагонам. Впереди всех с занесенной над головой гранатой бежал замполит. Вот он остановился, размахисто замахнулся и швырнул гранату в черную пасть вагона, откуда вылетали дымки выстрелов. В двери вагонов было брошено еще с десятков гранат. Кудряшов и остальные десантники распластались на снегу. На полотне и в вагонах захлопали глухие, отрывистые взрывы. С крыш, поднятых взрывной волной, свисали лохмотья листов кровельного железа. Пробитая обшивка стен зияла рваными дырами. В воздухе с визгом и воем проносились тысячи осколков, они рубили обледеневшие сучки берез станционного сквера.

Кудряшов снова вскочил, выхватил из-за пояса пистолет и побежал к укрытию, а из окон вокзала гитлеровцы продолжали вести огонь по атакующим. Но штурмующая группа добежала до укрытия и залегла за откосом дороги и под вагонами. Пули звонко цокали, ударяясь об рельсы, рикошетили, дырявили вагонную обшивку.

Несмотря на то, что развязка уже приближалась, враг упорно сопротивлялся.

Автоматчики открыли по вокзалу сильный ответный огонь, и скоро стрельба оттуда заметно ослабла. Тогда Кудряшов поднял свою группу в атаку, и стремительным броском десантники ворвались в станционный скверик. Забрасывая через выбитые стекла вокзала гранаты, они быстро очистили здание и заняли его. Внутри прогремело еще несколько автоматных очередей, и все смолкло.

Из вокзала на улицу выходили еще не остывшие от возбуждения боя солдаты. Они, поправляя на себе сбившуюся одежду, рассыпались по станции, добывая кое-где уцелевших и продолжавших еще отстреливаться гитлеровцев.

Последним из здания вышел Кудряшов. Голова его была перевязана, на темени повязка побагровела от просочившейся крови. Лицо побледнело, осунулось, покрасневшие глаза запали. Видно было, что он едва держится на ногах, но крепится. За ним неотступно следовал Варламов. Вынув что-то из санитарной сумки, он настойчиво предлагал замполиту, но Кудряшов лишь недовольно отмахивался.

Бой еще продолжался.

Автоматчики выпускали последние очереди по пытавшимся скрыться в лесу гитлеровцам и возвращались к танкам. Еще кое-где звучали одиночные выстрелы, а танки уже рассредоточивались вдоль стоявших на путях эшелонов. В запломбированных вагонах оказалось награбленное имущество, отправленное немцами из прифронтовой полосы в свой тыл. Я не знал, что с ним делать. Вывезти и раздать его населению — для этого у нас не было времени. Оставлять же здесь нетронутым было тоже нельзя, — фашисты не замедлят побыстрее отправить его

в Германию. Тогда мы решили сжечь состав. Вагоны были облиты бензином из цистерн, и пламя стало жадно пожирать их и стоявшие неподалеку станционные строения.

Машины в упор расстреливали находившиеся на платформах новенькие немецкие танки и самоходки. Вспыхивая свечами, они, как боевые единицы, не начав, заканчивали свое существование.

Ослепительно ярко пылали цистерны с горячим. На месте разбитой станции полыхало сплошное море огня. Горело все, что только могло гореть. От сильного жара в огне плавились стволы и лафеты орудий, толстые швеллеры платформ, стальные рельсы. На большом расстоянии лица наши обжигало волнами горячего воздуха. Отогнав машины подальше от огня, мы ждали возвращения саперов, которые в это время рвали толлом подъездные пути и стрелки.

Прошло минут двадцать. На танки начали возвращаться подрывники. Когда все были в сборе и заняли места на броне, мы могли свою задачу считать выполненной.

Фашистам потребуется много труда и времени, чтобы наладить движение по этой магистрали. Нам оставалось лишь немедленно сняться отсюда и отправиться в обратный путь.

8. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Убитых и раненых положили на разостланные на танках брезенты. Почерневшие от копоти, исцарапанные осколками и пулями, наши танки понеслись в сторону от ревущего огненного смерча. Теперь они шли прямо на север, сначала вдоль бердичевской железной дороги, затем свернули на северо-восток в направлении Комсо-

мольского. Тридцать километров прошли без остановок, далеко обходя лежащие на пути населенные пункты.

Погода совсем испортилась. Еще злее завывал буран. Наши отсыревшие валенки обледенели. От брони веяло обжигающей стужей. Внутренние стенки башни покрылись хлопьями инея. Казалось, кровь застывала в жилах и сковывала все движения.

Нужно быстрее было найти убежище для стоянки. Заходить в деревню я не решался. На танках были раненые, поэтому пришлось ехать еще километров пять, пока не увидели справа темную полосу леса.

Свернули туда. Лес оказался небольшим, но все же здесь было гораздо тише. Машины заняли круговую оборону, а людям я разрешил развести костры, чтобы они могли хотя бы немного согреться.

Положение тяжело раненых автоматчиков было серьезно. Климашин хотя и очнулся после контузии, но был тоже очень плох. Он сидел на боеукладке, безучастный ко всему происходившему, и, казалось, ничего не видел и не слышал, уставившись немигающими помутневшими глазами в одну точку. Пробовал с ним разговаривать, брал его за руку, но он ни на что не реагировал. И только когда я проводил своей холодной ладонью по его испачканной кровью щеке, он зябко вздрагивал, но не оборачивался, продолжая молча сидеть на снарядах. Его лицо стало пепельно-серым, большие черные глаза ввалились, а густые брови были сурово сдвинуты к переносью. Климашиным занялся доктор Никитин. Мы с Кудряшовым отошли немного в сторону и присели на сваленное дерево.

— Как себя чувствуешь, Иван Федорович? — спросил я его.

— Хорошо. Да не обо мне сейчас спрашивать надо, — сказал он.

Сунув руку в карман, Кудряшов тут же вынул ее и, смущенно улыбнувшись, показал на свои брюки. От бедра и до самого валенка они были распороты осколком и из них торчала клочьями вата, запачканная возле колена кровью.

— Ногу сильно повредило?

— Нет, немного царапнуло. А вот портсигар мой повредило изрядно.

Вынув вместо своего, хорошо всем известного кожаного портсигара какой-то обрывок, он с сожалением помял его в руках и бросил в снег.

Я подал ему свой портсигар. Его мне подарил отец, и я очень дорожил им. Эта вещь была искусно выточена из мореного дуба, а крышка узорно расписана раскаленной иглой. Отец месяца три, небось, каждый вечер после работы трудился над этим портсигаром и подарил его мне ко дню рождения, как раз совпавшему с днем моего ухода на фронт. Это было у меня все, что осталось как память о родных. Что с ними теперь, я ничего не знал.

Кудряшов закурил и протянул мне портсигар обратно.

— Возьми его, Иван Федорович, дарю тебе. Я все равно им не пользуюсь, а насыпаю табак прямо в карман.

— Так ведь это же чей-то подарок, — сказал он, рассматривая выжженный рисунок.

— Да, это дорогая память об отце. Но ты не должен отказываться. Дарю портсигар именно потому, что дорог самому. А теперь, Ваня, давай

решим, что мы будем делать дальше, — прервал я его.

— Давай обсудим. А за портсигар спасибо. Я постараюсь его сохранить.

— Положение наше, Иван Федорович, как видишь, не из завидных, — начал я.

— Правильно, — сказал Кудряшов, — но могло быть и хуже. Когда ты выходил из Марьяновского оврага, то разве думал, что идешь на прогулку? Разве предполагал, что здесь не умеют стрелять и фашисты позволяют тебе истреблять их танки, громить эшелоны, уничтожать гарнизоны и не посмеют тронуть твоих людей?

— Этого я, Ваня, не думал. Но ты посмотри, как и они нас пощипали.

Кудряшов долго молча смотрел на раскинувшийся перед нами наш временный лагерь. На небольшой поляне в лесу горели костры. Возле них, подставляя к огню негнувшиеся, словно деревянные руки, толпились десантники и люди из экипажей в почерневших от грязи и копоти полушубках, у иных с оборванными полами и воротниками, в обгоревших шинелях и ватниках. Многие из них были ранены. Согревшись у огня, они поправляли сбившиеся бинты, помогали друг другу наложить повязку взамен набухшей от крови марли, временно наложенной во время боя на станции.

В центре лагеря, между двумя высокими кострами, доктор Никитин с помощью Варламова и Чечирки спасал тяжело раненых. Он сбросил с себя полушубок и телогрейку и остался в одной гимнастерке. Засучив рукава, быстро и ловко орудовал он блестящими инструментами, которые ему подавал Варламов, и покрикивал на Чечирку, который запоздал вскипятить воду.

На опушке леса близко друг к другу стояли танки. На иных из них, поблескивая синевой стали, виднелись глубокие шрамы — следы вражеских болванок. Это придавало им еще более грозный вид. Они, устремившись вперед чуть приподнятыми вверх жерлами пушек, готовы были в любую минуту встретить врага. Хотя и уменьшилось число машин, но оставшиеся по-прежнему представляли собою грозную силу. Более закаленными и опытными стали за это короткое время и люди, сидевшие в них. То, что в начале рейда могли сделать два экипажа, теперь, можно было с уверенностью сказать, сделает один.

Забравшись на высокую березу, автоматчик Найденова неотрывно наблюдал в бинокль за местностью.

Кудряшов бросил в снег недокуренную папиросу и сказал:

— Я, дорогой товарищ, по совести признаться, ожидал худшего. Мы прошли уже по тылам врага больше ста километров, а посмотри, — подразделение живет и крепко еще будет воевать! — И Кудряшов обвел рукой занявшие круговую оборону танки. — А без потерь не обойтись. Жертв не имеет тот, кто не воюет, а отсиживается, как наши союзнички, — продолжал Кудряшов.

— Все это правильно, Иван Федорович, — сказал я ему. — Но жалко, до слез жалко товарищей. Мы оставили здесь лучших своих людей: Петрищева, Овчаренко, Петрова и других. И это не все еще. Будут новые жертвы.

— Да, это очень тяжело. Но ты и сам без раздумий отдал бы свою жизнь, если бы потребовало дело, — прервал меня замполит. — Даже погибни мы все здесь в боях с захватчиками, все

до одного, — то и тогда гитлеровцы остались бы в большом накладе: наша группа уже уничтожила у них много людей и техники, за каждого погибшего нашего солдата фашисты заплатили полсотней своих. Учти и то, сколько еще будет сохранено жизней наших людей благодаря тому, что теперь по дорогам на передовую противник не сможет перевозить технику и боеприпасы. Ну, а о павших героях не плачут.

Кудряшов взволнованно вынул портсигар и снова закурил.

— Ладно, Иван Федорович. Давай-ка подумаем, как действовать дальше?

Кудряшов внимательно посмотрел на людей, суевившихся возле костров, на Никитина, ползающего на коленях возле раненых, и твердо сказал:

— Раненых, доктора с санитарями и пятнадцать-двадцать автоматчиков предлагаю оставить здесь, в лесу, до подхода наших частей. Остальные должны немедленно прорываться назад, к своим.

— А как знать, что через час после нашего ухода сюда не придут гитлеровцы? — спросил я замполита.

— Знать этого мы не можем, и надо быть готовыми ко всему. Можно лишь надеяться на то, что, отвлеченные преследованием, они не заглянут сюда, и наши люди останутся живы. Если же мы вместе с тяжело ранеными тронемся к передовой, можно с уверенностью сказать, что ни один из них не выдержит пути, а любая задержка принесет нам новые испытания и новые жертвы.

— Хорошо, Иван Федорович, — согласился я, — твои доводы верны. Я думал о том же, но хотел убедиться, что не ошибаюсь, хотел услышать

твой всегда ценный для меня совет. Так мы и сделаем.

— Кого думаешь оставлять здесь? — спросил замполит.

— Об этом надо серьезно подумать. Оставлять Решетова или Кобцева нельзя, во-первых, потому, что машины останутся без командиров, а во-вторых, и это главное, они при всей своей решимости для такого дела вряд ли подойдут.

Кудряшов кивнул и сказал:

— Я хотел предложить для этого себя. Думаю, что справлюсь с заданием, сумею сделать все, чтобы спасти людей.

Его предложение меня сперва озадачило. Однако лучшего, конечно, нельзя было и придумать. Беспокоило меня только то, как серьезно раненый человек может взять на себя хлопоты и ответственность за всех, кто здесь остается. Ведь Кудряшов держался на ногах только благодаря своей железной воле коммуниста.

— Ну? Что же ты еще размышляешь? — видя мою нерешительность, спросил он.

— Знаешь, Ваня, — ответил я, — если бы ты был здоров и невредим...

— Я не чувствую себя вышедшим из строя, — перебил меня замполит. — И если, кроме этого довода, других у тебя нет, считаю, что ты обязан для пользы дела оставить меня здесь.

— Хорошо, Иван Федорович, пусть будет так. Только ты дашь мне слово, что сам серьезно станешь лечиться, безоговорочно будешь выполнять все указания Никитина.

— Договорились, — улыбнулся замполит.

Мы вернулись к кострам и прежде всего похоронили погибших. Пять из них были убиты при штурме станции, а один, будучи тяжело ранен-

ным, умер в дороге. Среди павших в бою был и наш радист Москвин.

Мы сняли с машин все имевшиеся у нас брезенты и поставили две палатки, одну большую для раненых и вторую, поменьше, для охраны. Оставили часть продовольствия, гранаты, цинки с патронами и один ручной пулемет, в каждую палатку поставили по две печки, необходимые для поддержания тепла и для приготовления пищи.

Все солдаты получили по сто граммов спирта. Согревшиеся и повеселевшие танкисты и десантники попрощались с остающимися товарищами, заняли свои места в машинах и на броне и тронулись в путь.

Я наметил выход к фронту по маршруту через Комсомольское. В десяти километрах южнее его мы должны были пересечь Житомирское шоссе, выйти на киевскую ветку севернее Самгородка, пересечь железную дорогу на Ровно и двигаться дальше на Ружин, Попельню, Корнин.

На Житомирское шоссе мы вышли к вечеру. На нем увидели несколько автомашин, двигающихся в сторону Винницы. Чтобы не обнаружить себя, на этот раз мы остановились и пропустили их. Отсюда, набирая максимальную скорость, двинулись дальше. Пересекли дорогу и пошли на Самгородок, но уже не южнее, как раньше, а на восемь километров севернее его.

Через полчаса танки вышли на железнодорожную линию Казатин — Жмеринка.

Здесь саперы взорвали небольшой мост и метров триста полотна железной дороги.

Заявив таким образом о себе, мы могли быть относительно спокойными за тех, кто остался в лесу. Вьюга и снег замели гусеницы танков,

а слух о нас будет разноситься совсем в противоположной стороне от лагеря Кудряшова. Гитлеровцы бросятся преследовать нас на северо-восток.

Этот наш отвлекающий маневр удался как нельзя лучше.

Обойдя Самгородок с севера, танки проселочными дорогами пошли на Ружин. А к утру мы вышли на Ровенскую железную дорогу. Здесь на одном из полустанков увидели небольшой эшелон с боеприпасами и двумя танками, шедший из Казатина на Смелу. Эшелон взорвали и, не задерживаясь на месте, повернули к Попельне. Дорога была хорошая. Снег прекратился. Обгоняя друг друга, низко по небу неслись тучи.

Но вот, заглушая шум наших танков, позади нас послышался рев моторов «мессершмиттов». Они неслись совсем низко над дорогой. Пройдя над машинами, истребители развернулись и пошли над танками. Перевалив машины на крыло, летчики всматривались в колонну. Даже лица пилотов были видны нам совершенно отчетливо.

Зайдя над колонной в третий раз, головной истребитель дал короткую очередь из пулемета по обочине дороги. Я наобум подал сигнал зеленой ракетой. Стервятники были сбиты с толку. Сделав еще один круг, они повернули назад. Однако я знал, что на этом дело не кончится. Пока не поздно, надо было искать укрытия. Но где? По обе стороны дороги лежала голая, засыпанная снегом равнина.

Машины на полном ходу прошли еще километра четыре. Отсюда с пригорка была видна деревня, своей единственной улицей протянувшаяся километра на два вдоль дороги.

Танки вошли в деревню. И это было во-время. Не успели мы еще как следует замаскировать поставленные возле домов машины, как над деревней появился «костыль» — фашистский самолет-разведчик и корректировщик. Он стал медленно кружить над домами, явно обнаруживая возле них плохо замаскированные танки. Затем спустился еще ниже и начал бросать небольшие бомбы, а еще через десять минут на деревню налетели шесть «юнкерсов». Они, пикируя, сбросили свой груз на дома вдоль всей улицы и, наполовину разрушив деревушку, улетели.

Не дожидаясь второго захода, я вывел колонну на дорогу и, выжимая из моторов все, что они могли дать, погнал танки в другое место. Выскочив на бугор, мы увидели километрах в трех впереди идущие нам навстречу фашистские танки. Их было двадцать. Нас меньше.

Влево от дороги виднелся лес, но идти туда было уже поздно. Враги нас заметили и на ходу начали разворачиваться в боевой порядок.

Надо было принимать бой. «Только бы не ударил с тыла другой отряд», — подумал я. Мы занимали более выгодное положение. Наши танки могли отходить назад и, скрываясь за бугром, менять огневые позиции. Противник же был перед нами все время как на ладони.

Фашистские танки, приближаясь, вели огонь с хода. Наши самоходки отвечали огнем из всех орудий. Бронебойных снарядов нами израсходовано было сравнительно мало, и экономить их теперь не приходилось.

Вот над одной из ползущих в гору фашистских машин поднялся столб густого дыма, затем он как-то сразу опал, и весь танк охватило пламенем. Скрываясь за бугром и появляясь уже в но-

вых местах, наши машины уничтожали противника без ущерба для себя. Загорелся второй вражеский танк, третий, четвертый, но другие, оставляя их позади себя, продолжали атаку.

Вот один из них остановился и выпустил три снаряда по нашей самоходке, вылезшей далеко вперед. Один из этих снарядов сбил ленивец, а другой попал в борт машины, повернувшейся теперь на одной гусенице, и самоходка загорелась. Экипажу удалось отползти за бугор.

Бой продолжался минут сорок. Мы отлично использовали преимущество наших позиций и нанесли противнику большой урон. Но стоило бы нам встретить танки врага на полчаса раньше или несколько позже — исход боя был бы почти предreshен, по всей вероятности, не в нашу пользу.

Гитлеровцы много раз в бессильной злобе и ярости бросались на высоту, но, оставляя на поле свои подбитые и сожженные танки, откатывались назад.

Убедившись в своем бессилии, они отошли совсем, продолжая огрызаться издали, что, однако, мало нас беспокоило.

Мы берегли снаряды и не отвечали. Тогда гитлеровцы снова, широко рассыпавшись по полю, пошли в атаку на высоту.

Кобцев сегодня превзошел сам себя. Я хорошо знал его стремительную боевую «роспись» и всегда почти безошибочно мог узнать его танк в боевом порядке наступающего подразделения. У каждого со временем вырабатывается свой метод по технике боя, а у Кобцева он был особо приметен. Если иные, деловито меся гусеницами снег, точно выдерживали строй, поворачивались по команде, не отставали и не вырывались впе-

ред, то Кобцев был в этом отношении неисправим. Иногда он отставал от наступающего подразделения, но потом, разрывая воздух пронзительным ревом мотора, мчался вперед, обгоняя остальные танки, стремительно налетая на врага. Видя как вихрь несущийся танк, гитлеровцы сосредоточивали на нем весь огонь, но попасть в машину, непрерывно меняющую направление на огромной скорости, было не так легко.

Вот и сейчас, когда фашистские танки снова подошли на дистанцию эффективного огня, все наши самоходки и танки почти одновременно открыли стрельбу по вражеским машинам. Фашисты вели непрерывный огонь. Кругом все гремело, над полем клубились, разрываемые ветром, грязнобурые облака дыма.

Кобцев, прекрасно маневрируя, сжег уже два танка противника. Третью машину подбил Лопатин. Всего же с начала боя мы уничтожили девять машин. Кроме трех левофланговых танков, которые продолжали карабкаться в гору, непрерывно окутываясь облачками белого дыма, у гитлеровцев уже фактически не осталось полностью неповрежденных боевых машин.

Но вот загорелся танк младшего лейтенанта Кращина из взвода Кобцева. Он рванулся вперед навстречу фашистам, оставляя позади себя хвост черного дыма. Сначала пламя как будто было сбито с машины. Однако в это время болванкой сорвало правый ленивец, и танк занесло боком в сторону. Новый снаряд врезался ему в борт, и тогда произошел взрыв.

Почти борт о борт с моей машиной остановился танк Кобцева. Лейтенант выскочил из люка, перепрыгнул на моторное отделение нашего танка и, свесившись ко мне в башню, крикнул:

— Разреши, старшой, обойти этих трех куцерылых!

— Действуй! — разрешил я ему.

Кобцев скрылся в люке башни, и его водитель Широков погнался танк по обратному склону высоты в сторону леса. Заходя трем фашистским танкам во фланг, машина Кобцева скрылась за поворотом, но вот снова выскочила уже в поле и, оставляя за собой облако снежной пыли, понеслась наперерез фашистам, продолжавшим двигаться в гору. Приблизившись к ним метров на триста, Кобцев остановился. Медленно развернулась башня его танка и взвился дымок. Правифланговый танк врага вспыхнул. Вторым снарядом Кобцев попал в башню другого фашистского танка и перебил хобот орудия. Поврежденная машина круто развернулась и понеслась с горы наутек. Следующим снарядом Кобцев взорвал и этот танк.

Третья машина остановилась, развернула башню и выпустила два снаряда в упор летевшему на нее танку Кобцева. Болванка попала в танк, Кобцев и башнер погибли.

Танк был обезглавлен, а пушка выведена из строя. В машине оставались еще радист и механик-водитель Широков. Танк настолько сблизился с машиной противника, что нам с высоты нельзя было стрелять из-за опасения попасть в своих.

Оба танка неслись вниз на максимальной скорости. Наш танк, в башню которого попали еще две болванки, с каждой секундой сокращал дистанцию, нагоняя гитлеровский танк. Теперь он был уже в двух метрах позади гитлеровской машины. Развязка приближалась. Сделав последний рывок, Широков врезался лобовой трубой

в ведущее колесо фашистской машины, и танки, сцепившись друг с другом, застыли на месте.

Из люка башни нашего танка показалась голова водителя. Прячась за откинутую крышку люка, он наблюдал за фашистами. Их машина стояла некоторое время с задраенными люками. Но вот люк башни медленно приоткрылся. Широков ждал. Фашист открыл люк шире и, быстро откинув его до отказа, собирался было выскочить из машины. Широков три раза подряд выстрелил в упор. Гитлеровец качнулся и мешком рухнул обратно в танк. Широков не спеша швырнул две гранаты в открытый люк фашистской машины, откуда вырвался вверх столб огня и дыма.

Нырнув в свой танк, Широков отогнал машину задним ходом от поверженного танка врага, развернулся и, оставляя за собой облачко снежной пыли, понесся на большой скорости к нам на высоту.

В этом бою я потерял друга и земляка Гришу Кобцева. Славно прожил он свои двадцать три года. Жил честно и умер красиво.

Уцелевшие немецкие танки ушли за дальний пригорок. Позади нас километрах в трех показалась новая, заходившая нам в тыл, колонна вражеских танков. Мы оказались в тисках. Единственным выходом из создавшегося положения было добраться до леса и там уже встретить врага лицом к лицу.

Танки на предельной скорости понеслись сперва навстречу стоявшим на пригорке немецким машинам, но дойдя до середины поля, я круто свернул влево, к лесу. Через несколько минут мы уже рассредоточились по опушке.

Вот на тот бугор, где только что занимали оборону мы, выскочили вновь подошедшие немецкие

танки. Они постояли минут двадцать на месте, совещаясь по рации со стоявшими на противоположном склоне машинами, и почти одновременно с обеих флангов пошли к лесу, на наш отряд.

Атака их была отбита нашим огнем. Оставив на поле шесть подбитых машин, враги откатились за бугор.

Десять автоматчиков с лейтенантом Найденовым были посланы мною искать дорогу через лес.

К огню фашистских танков присоединился теперь огонь двух крупнокалиберных батарей. Еще четыре раза наши позиции были атакованы, но каждый раз противник отходил, оставляя на поле развороченные и пылающие машины.

Короткий зимний день близился к концу. Уже стемнело, когда вернувшиеся разведчики доложили, что в километре отсюда начиналась далеко уходившая в лес просека. Найденов прошел по ней около трех километров, но она, не прерываясь, шла дальше. На карте здесь не было обозначено ни одной дороги. Считая, очевидно, что мы рано или поздно окажемся в их руках, враги не возобновляли атак.

Наступила ночь. Отряд снялся с места, и танки стали углубляться в лес по узкой, едва различимой лесной тропинке, переходившей скоро в довольно широкую просеку.

Войдя в лес, машины прибавили скорость. Позади нас одна за другой взлетали осветительные ракеты. Фашисты боялись, что мы пойдем на прорыв.

Фары у всех наших танков давно были разбиты, и дорогу приходилось освещать переносной лампочкой перед головной машиной. Остальные шли в абсолютной темноте, следуя друг за другом. Спидометр показывал пройденные пять кило-

метров, а выхода из леса все еще не было. Мы могли оказаться в трудном положении, и лес, где просека в любом месте могла прерваться, преградил бы нам дальнейший путь сплошной стеной. Но тревога оказалась напрасной. Проехав еще два километра, танки вышли из леса в поле. Минут сорок машины шли без дороги, по целине, но затем неожиданно выскочили на широкий грейдер, шедший на Прохоровку.

Деревню обошли стороной и, не сбавляя хода, поехали дальше. За ночь нужно было пройти шестьдесят километров очень трудного пути, а затем выйти к передовой.

Шли без остановок. Несмотря на холод, моторы перегревались. Крупные населенные пункты оставляли в стороне. Подойдя ближе к переднему краю, мы уже не сворачивали с дороги, шли напрямую, там, где было необходимо, с хода открывали ураганный огонь по живой силе и технике противника.

Фронт приближался. Уже отчетливо была видна полоса подвешенных на переднем крае ракет. Мы выходили к передовой километров на двадцать северо-западнее первоначального места прорыва.

На пути оставался последний крупный населенный пункт — большое село Медведевка. Можно было, конечно, обойти его стороной, но нам хотелось на прощание, как говорится, «расписаться» об убытии.

Близилось утро, хотя было еще довольно темно. Я разбил свой отряд на две части. Танки входили в село по двум параллельным улицам.

Набрав скорость, машины ворвались в Медведевку. На окраинах стояли зенитные батареи, опоясав деревню сплошным кольцом, но фашисты были застигнуты нами врасплох.

Танки, устремившись на зенитные пушки, ломали их, вдавливая стволы и лафеты в мерзлую землю. Наши орудия, не умолкая ни на минуту, били по метавшимся по деревне гитлеровцам, по автомашинам. Из окон домов противник вел огонь из автоматов, под гусеницы танков летели гранаты.

Огнем танковых пулеметов мы сметали на своем пути все живое.

При выходе из села сбоку по нашим машинам ударили две батареи врага. Мой танк, шедший в голове атакующих, выскочил уже на полевую дорогу, но тут его потряс огромной силы удар и взрыв.

Последнее, что я еще чувствовал и видел, теряя сознание, это было пламя, охватившее всю машину. Мне казалось, что танк, высоко подброшенный, перевернувшись вверх гусеницами, падает вниз.

«Вот и отвоевался», — мелькнуло в голове.

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ

На несколько минут я очнулся в какой-то незнакомой мне комнате. Возле кровати с кружкой воды в руках стоял Закиров. Сбоку на табуретке сидел Лопатин. Я спросил, что с танками?

— Прорвались! Сгорела твоя машина. Да подорвался на мине Татарин. Остальные все вышли. Ты лежи спокойно. Сейчас приедут из санбата, — сказал, садясь на край постели, Лопатин.

Я хотел еще что-то спросить, но потревоженный мозг снова отказался воспринимать что-либо. Потолок начал крениться на бок, стол и лавки, стоявшие вдоль стен, почему-то переворачивались вверх ножками, и я снова впал в беспамятство.

Почти два месяца провалялся я в госпитале. Как все надоело! Полтора месяца лежал в Киеве, а потом многих из нас перевели в Новоград-Волынский.

На дворе весна, тепло. По канавам еще весело журчат ручейки, а кругом уже сухо.

Перед окнами моей палаты — дорожки, усыпанные крупным желтым песком. Они в разных направлениях пересекают обширную зеленую лужайку. В огороженном невысокой чугунной решеткой госпитальном саду, вскапывая под газоны и клумбы влажную, душистую землю, копошатся с лопатами выздоравливающие. Теплый ветерок ласково шелестит молодой, сочной, только что распутившейся листвой тополей и ив. Из пробежавшей низко над городом темносиней тучи, которую еще видно на горизонте, пролился короткий теплый дождик. В прозрачном как хрусталь воздухе ни одной пылинки. Полной грудью вдыхаешь его и чувствуешь, как весь наполняешься силой, здоровьем.

А какое дивное небо! Посмотришь минуту, другую в эту бездонную голубую чашу, и закружится голова. Тело как будто потеряет свою тяжесть и ты, легкий, почти невесомый, несешься в безбрежном, сверкающем океане в бесконечную даль.

Кажется, что война ушла куда-то далеко-далеко или что ее вовсе нет и никогда не было, а ты только что очнулся от тяжелого кошмарного сна. Однако в тихие ночи доносится и сюда далекий гул орудий, война еще продолжается, и где-то там льется кровь близких и дорогих людей.

Наши части заняли Бердичев, Казатин, Винницу и идут с каждым днем все дальше на запад,

очищая родную землю от фашистской погани, а меня все еще не хотят выписывать, ссылаются на тяжелую травму мозга и нервной системы, хотя чувствую себя я уже превосходно.

Сегодня снова говорил с врачом, и тот, наконец, обещал в ближайшие дни отправить меня на комиссию. За все время пребывания в госпитале я не получил ни одного письма ни из бригады, ни из дома.

После обеда ко мне подошла сестра и попросила зайти в канцелярию. Там, к великому моему удивлению и радости, вручили мне целую пачку писем, перевязанных толстым шнуром. Делопроизводитель, молоденькая девушка со вздернутым носиком, виновато улыбаясь, призналась, что по распоряжению врача выдавать мне их было запрещено.

Забыв поблагодарить девушку, я схватил пачку и побежал к себе в палату. Четыре письма были из бригады, два из дома и три от школьных товарищей, воевавших сейчас на разных фронтах.

Что случилось с Кудряшовым и Никитиным, оставшимися в лесу с ранеными? Добрались ли автоматчики и Ваня Рыбалченко через фронт до своих? Как идут дела в бригаде? — вот что главным образом беспокоило и волновало меня все это время вынужденного бездействия. Поэтому конверты со штемпелем нашей полевой почты я схватил в первую очередь.

Два письма были от Кудряшова, одно от Витьки Герасимова и одно, самое пространное, написанное с умопомрачительными крючками и завитушками, было от моего механика Закирова. Как жаждущий не отрывается от кружки воды, так я не отрывался от писем, пока не проглотил их зал-

пом. Уже потом стал внимательно перечитывать каждое в отдельности.

— Что пишут? — спросил меня сосед по койке, пожилой капитан-пехотинец Колосков, с которым мы за это время крепко подружились.

— Много нового, Алексей Васильевич, — ответил я ему. — Далеко вперед ушли они без нас. А я вот, здоровый человек, лежу здесь, когда там товарищи воюют.

— Был бы здоров, задерживать не стали бы, — возразил капитан. — В бригаде с больными возиться некогда. Ладно, читай, мешать тебе не буду. О новостях расскажешь потом, — сказал Алексей Васильевич, потянувшись к костылям и, грузно опираясь на них, вышел из палаты.

Перечитал письма еще раз. Теперь я все знал. Знал, что Кудряшов с ранеными находился в лесу больше недели, а когда наши части освободили Винницкий район, он, сдав тяжело раненых в госпиталь, вместе с автоматчиками и выздоравливающими вернулся в бригаду.

Наконец, стало мне известно, что произошло и с моими родными. С отцом в 1942 году я еще переписывался и знал, что он воюет на Воронежском фронте. Последнее письмо от отца было из астраханского госпиталя. С тех пор переписка оборвалась, и я не знал, жив он или нет. Мать с сестрой эвакуироваться не успели и оставались на Брянщине в Алтухове в партизанской зоне, где в одном из отрядов воевал муж сестры. Вся Брянщина боролась с врагом. Мои школьные товарищи, не успевшие уйти в армию, и знакомые девушки были в партизанских отрядах. Под контролем партизан был огромный район. Они взрывали мосты, сбрасывали под откос воинские эшелоны. Их лихие отряды врывались в деревни и

— Что пишут? — спросил меня сосед по койке, пожилой капитан-пехотинец Колосков.

села, уничтожая врагов везде и всюду, карая подлых наемников, предателей Родины — полицейских.

Теперь вся наша семья, кроме меня, была в сборе. Отца по здоровью и возрасту из армии демобилизовали, и он начинал заново устраивать свое хозяйство, восстанавливая полуразрушенный дом. «После госпиталя ты, наверно, приедешь в отпуск, — писала мать. — Как хочется увидеть тебя, убедиться, что ты действительно жив и здоров! Каждый день ходим на станцию к поездам и смотрим, а вдруг ты выйдешь из вагона...»

Крепко хотелось и мне повидаться со стариками, побывать в родных краях, где дорог был каждый куст, каждое дерево, где все напоминало о счастливых днях юности, ушедшей уже так далеко, но от этого ставшей еще более дорогой и близкой.

Вот письма друзей: Володи Ротова, Ивана Жарикова. Три года назад в тихую майскую ночь лежали мы на душистой траве на обрыве и мечтали, что будем делать после окончания школы, как будем жить и трудиться. Под обрывом, играя галькой, мелодично разговаривал ручеек, выбивавшийся родником из-под крутопадающих пластов породы. Таких родничков было здесь много, от них веяло прохладой. Чуть дальше, где растиался обширный луг, тянувшийся от лесоучастка Пальцо до реки Навля, белело клубящееся облако ночного тумана. Луг был усыпан цветами, а дальше тянулись к реке заросли ивняка. Десятки небольших ручейков сливались вместе и впадали в большую и бурную речку, которая издали казалась широкой серебряной лентой.

Тогда мы мечтали стать пограничниками и вот

так же лежать где-нибудь на отведенном рубеже, вслушиваясь в ночные шорохи, всматриваясь в тьму, выслеживая лазутчиков.

Торжественная тишина леса, причудливые облака тумана над лугом, едва долетавшая туда от поселкового клуба красивая мелодия старинного вальса приятно возбуждали и волновали нас, и мы невольно переходили на шепот, очарованные прелестью майской ночи.

А сейчас Ротов, наверное, где-нибудь на прифронтовом аэродроме готовит самолет к боевому вылету. Жариков сидит за рычагами танка, а я вот валяюсь в госпитале.

Если в мирные дни мы мечтали охранять священные рубежи нашей Отчизны, зорко оберегать границы от тайных врагов, то теперь с этим врагом мы встретились лицом к лицу. И я, и мои друзья чувствовали полное удовлетворение, что вложили какую-то долю солдатского труда в общее дело разгрома и уничтожения подлых захватчиков. Нам не придется при встрече краснеть ни друг перед другом, ни перед теми, кто крепко бил фашистов на фронтах.

Вошел капитан Колосков.

— Ну как, отвел душу? — спросил он меня, присаживаясь на койку.

— Не говори, Алексей Васильевич, сегодня я именинник.

— Что пишут из дома?

— Ждут. Зовут отдыхать после госпиталя. Хочется старикам повидаться.

— Да и молодые, небось, не прочь? — лукаво подмигнул Колосков.

— Еще бы, Алексей Васильевич. Хоть и прошло три года, а ведь кажется, улетела целая вечность.

Колосков лег на постель и натянул до подбородка простыню. Мы долго молчали, думая каждый о своем. Мне было немного неловко перед этим человеком за свою радость. Вот лежит он передо мной бледный, с впавшими щеками, капельки пота выступили на лбу от тяжелой, непривычной ходьбы на костылях. Только серые волевые глаза смотрят на меня весело, и я чувствую, вижу, что и он радуется вместе со мной.

Колосков остался совсем одиноким. Его жена и сын погибли во время бомбежки в эшелоне, где-то неподалеку от Минска. Больше у него никого не было, ни родственников, ни родных. Нет теперь у него и маленького домика, возле которого он когда-то выращивал молодой садик. Ничего нет. Весь поселок, где он жил до войны, сожжен дотла.

Колосков был тяжело ранен. Ему выпилили раздробленную кость, и сейчас одна нога была много короче другой. Рана с трудом заживала, но он уже прошел врачебную комиссию и на днях выписывался из госпиталя.

На поправку здоровья ему дали четыре месяца. Правда, сначала его хотели вообще демобилизовать, но благодаря его настойчивым просьбам в армии оставили, и он был рад, что снова сможет вернуться на фронт.

О том, где провести предоставленный ему отпуск, Колосков не думал. Теперь, когда прочитаны письма родных, я знал, что могу предложить ему поехать к нам на Брянщину.

В палату вошла сестра и объявила, что меня вызывают на медицинскую комиссию. Я быстро собрался и пошел за ней по длинным коридорам в ординаторскую комнату, где скоро должна была решиться моя судьба.

Около часа водили меня от одного врача к другому. Приказывали закрывать глаза, вытягивать руки, стоять на одной ноге, стучали, слушали, так что в конце концов я возненавидел эту большую белую комнату и мысленно поклялся ни при каких обстоятельствах больше не попадать в такую обстановку.

Комиссия решила из госпиталя меня выписать и предоставить мне отпуск. Я вначале категорически отказался от отпуска. Председатель комиссии, старый седой полковник, постыдил меня, потом поругал, погрозил последствиями, и в конце концов приказал пойти в отпуск.

Когда я вернулся в палату, Колосков копался в своей тумбочке, сортируя и аккуратно увязывая свои вещи.

— Ну, как дела? — спросил он, обернувшись ко мне.

— Иду в отпуск.

— Вот, это хорошо, — сказал Колосков. — Я предвидел, что будет именно так. Вот и я ухожу в отпуск, хотя ни к чему это мне.

Он почему-то разволновался и, свернув папиросу, вышел на балкон. Пошел покурить и я.

Солнце уже закатилось, наступили вечерние сумерки. Только из какой-то палаты доносился сюда звонкий стук костяшек домино, да слышался шелест вырывавшейся из брандспойта сильной струи воды: госпитальный служитель поливал засаженные цветами клумбы внизу под нами.

— Куда думаешь ехать? — спросил я Колоскова.

— Не знаю, — задумавшись, ответил он. — Поеду куда-нибудь, а там видно будет. Может, по дороге где остановлюсь.

— Литер на проезд уже выписал?

— Нет еще. Завтра.

— Слушай, Алексей Васильевич, — сказал я, взяв его за рукав, — поедem со мной к моим старикам. Места у нас дивные, лес, речка, луг. Ухаживать за тобой будут, как за родным. Да и поправишься ты там в домашней обстановке быстрее и раньше вернешься на фронт.

— Спасибо, друг, — сказал Колосков, — только с какой стати я поеду туда? У вас ведь там тоже прошли эти звери и разрушили все дотла. Не до меня, небось, будет твоим родным.

— Брось-ка так думать, Алексей Васильевич. Будут рады тебе, как самому дорогому гостю.

Колосков не стал больше отказываться. Сестра погасила свет, но мы еще долго шептались с ним обо всем, что каждый в себе вынашивал в годы суровой войны. Мы строили планы на будущее.

Утром проснулся я очень рано и стал собирать свой незатейливый багаж. После завтрака в палату вошла сестра и, обратившись ко мне, сказала:

— К вам посетители. Прошу спуститься в приемную.

Я недоумевал, кто же это мог быть? Знакомых здесь не было, бригада далеко. Высказав сестре свое сомнение, не ошибается ли она в том, что посетители пришли ко мне, я вышел в приемную. Трудно рассказать, как я был изумлен и обрадован, когда увидел перед собой сидевших на диване в белых халатах Ивана Федоровича Кудряшова и Ваню Рыбалченко.

Засыпая их вопросами и тем самым не давая ответить ни на один, я не чувствовал, что веду себя как мальчишка. По-отцовски смотрели на меня умные, чуть смеющиеся глаза моего замполита.

Обнявшись, мы вышли из приемной на воздух и удобно расположились на плащ-палатке, раскинутой на зеленом ковре травы. Угощая меня присланными из бригады гостинцами, Иван Федорович с Ваней рассказали о всех новостях.

Ваня снял белый халат, и я увидел на его выцветшей гимнастерке новенький блестящий эмалью орден Красной Звезды. Я обнял его и расцеловал, поздравляя с высокой наградой. Ваня был горд и счастлив.

— Ну, а теперь разреши и тебя поздравить, — крепко пожимая мне руку, сказал Иван Федорович, подкручивая свободной рукой свои, начавшие уже серебриться, длинные казацкие усы. — Командующий докладывал в Ставку о результатах нашей операции, и нам вынесена благодарность. Читай вот это, — торжественно протянул он мне пакет от командующего. В нем было поздравление в связи с присвоением мне звания Героя Советского Союза. Письмо подписано командующим, членом Военного совета и начальником штаба.

Я был ошеломлен и не находил слов, а лишь крепко жал руки друзей.

— А как все другие? — вырвалось у меня.

— Не беспокойся, награждены. Никого не забыли, — сказал Кудряшов.

Я растегнул его белый халат и увидел на груди поблескивающий золотом орден Ленина. Мы крепко обнялись и расцеловались.

— Вот поправишься, отвезешь ордена родителям Петрова и Кобцева, — сказал Кудряшов.

— Нет, Ваня, это сделаешь ты, — возразил я. — Они твои питомцы. Ты многое сделал, чтобы вдохновить их на подвиги. Да и с родителями сумеешь поговорить лучше меня.

— Хорошо,— сказал Кудряшов.

Этот яркий весенний день был для меня днем незабываемой радости.

Однако, кроме приятных вестей, Иван Федорович принес и печальную. Смертью храбрых пал в бою с врагами Боря Никитин. Наш доктор, гвардеец-герой, гранатой и автоматом защищал своих раненых бойцов до последнего вздоха.

Мы долго еще лежали в саду, пока Кудряшов рассказывал о том, как они держались до подхода наших войск.

После того как ушли танки, Иван Федорович выставил часовых и начал помогать Никитину перевязывать раненых. Было немного дымно от поставленных в палатке двух печек, ело глаза, но зато никто не мерз. Никитин и Чечирко всю ночь не отходили от двух тяжело раненых автоматчиков, безуспешно пытаясь отнять их у смерти.

К вечеру третьего дня пребывания в лесу Кудряшов послал башнера Кирсанова, оставшегося здесь по его собственной просьбе, в разведку в направлении небольшой деревушки, по карте предполагавшейся километрах в семи от леса. По пути в деревню Кирсанов обнаружил более обширную рощу, чем та, в которой расположились раненые. Отсюда уже хорошо была видна и полузанесенная снегом деревушка. Ради предосторожности разведчик пошел лесом.

Но едва он сделал несколько шагов, как сзади на него навалились какие-то люди. Они связали его, обезоружили, забили в рот кляп из пропахшей дымом рукавицы, завязали глаза и повели за собой. «Ну, влип,— думал Кирсанов, с трудом переставляя ноги в глубоком снегу.— Что подумает теперь замполит, когда не дожидется меня?

Будут они там вместе с ранеными лежать в снегу, пока их всех не перебьют гитлеровцы».

О себе он не думал. Его беспокоила мысль о том, что, попавшись так глупо в лапы врагов, он тем самым дает им повод обнюхывать кругом каждое дерево и отыскать группу Кудряшова.

Что может сделать горстка людей против вооруженной оравы фашистских карателей? Чувство огромной непоправимой вины и презрения к самому себе терзало его сейчас больше предстоящих пыток. Он замычал и в бессильной ярости стал вырываться из рук державших его людей. Но те лишь посмеивались и, толкая его в спину прикладом автомата, волокли дальше.

Скоро пленившие Кирсанова люди вынули из его рта прокопченную рукавицу. Затем развязали глаза. Оглядевшись кругом, хотя было уже темно, Кирсанов увидел, что находится в лесу. Возле него стояло человек шесть разношерстно одетых, хорошо вооруженных людей.

— Что, Семен, господина арийца схватили? — спросил одного из пришедших внимательно рассматривавший Кирсанова человек.

— Какой это ариец? Предателя взяли, — презрительно сплюнув, сказал другой.

— Шеститко, что ты там остановился? Иди, докладывай командиру да тащи с собой того иуду, — раздался из темноты недовольный голос.

На душе у Кирсанова отлегло. Свои! Партизаны! И он уже весело зашагал за человеком, которого называли Шеститкой.

В землянке, куда его ввели, было душно. На застланном плащ-палаткой столе тускло мерцал огонек светильника. За столом сидело двое. Один — в военной гимнастерке с расстегнутым

воротом, второй — в штатском, изрядно уже поношенном костюме.

В углу, возле сложенной из необожженного кирпича печки, сидел на корточках третий, подбрасывая в огонь еловые смолистые поленья.

После продолжительного допроса и беседы все выяснилось. Командир отряда послал к Кудряшову с Кирсановым четырех партизан. Еще через два дня группа Кудряшова вместе с ранеными была уже в расположении отряда. Там прожили они около недели. Многие раненые начали поправляться. Кудряшов помог отряду продовольствием и боеприпасами.

Но вот однажды разведчики принесли тревожную весть. В селе Александров-Гай был собран отряд карателей численностью до ста пятидесяти человек, который сейчас двигался к лесу, где располагалась партизанская база.

Партизанский отряд Васильева по численности был небольшим. К его шестидесяти бойцам присоединилось теперь одиннадцать наших, считая Никитина и Чечирку. Оставив десять человек при раненых, отряд выступил из лесу, чтобы на опушке, в двух километрах от лагеря, принять бой.

Каратели действовали не очень решительно. Бой продолжался сутки. Скоро к гитлеровскому отряду, больше чем наполовину истребленному, подошло подкрепление. Три миномета, поставленные на фланге наступающих, стали выводить из строя наших автоматчиков и партизан. Комиссар отряда, тот самый, что сидел тогда в землянке в штатском костюме, взяв с собою пять бойцов, под прикрытием темноты пополз к минометной батарее. Но один из бойцов, а затем и второй были ранены и остались лежать на снегу.

Доктор Никитин пополз к раненым. Над головой и с боков свистели пули, но Никитин не обращал внимания на обстрел и упрямо полз дальше. Вот он приблизился к первому оставшемуся лежать на снегу партизану, но через минуту уже двигался дальше, — партизан был мертв. Возле второго Никитин остановился и начал перевязывать его рану. В пятидесяти метрах от них показались ползущие по снегу немцы.

В двадцати шагах от него вскочили сразу четыре полицая и бросились к нему, пытаясь захватить доктора живым.

Поднявшись во весь рост, доктор стал отбиваться. Со стороны леса на помощь к нему приближались партизаны. Фашисты и полицайи, отстреливаясь, бросились бежать. Наши люди нашли Никитина лежащим на снегу. По переносице из левого виска его стекали еще теплые струйки крови.

Так погиб, защищая раненых, фельдшер Борис Никитин.

Замечательным врачом, воином и товарищем был этот славный человек. Всеми любимый и уважаемый, он навсегда сохранился в моей памяти. И многие будут с любовью вспоминать о нем, рассказывая своим детям и внукам о суровых временах и о славных боях, в которых они вместе с ним принимали участие, защищая свою Отчизну от ненавистных врагов.

К утру партизаны увидели, что по дороге из Александрова двигалась колонна советских танков, прорвавших оборону противника и гнавших гитлеровцев на Запад.

Четыре автоматчика вместе с их проводником Ваней Рыбалченко, посланные нами через линию фронта с захваченными в Поповке штабными до-

кументами, на четвертый день благополучно перешли передовую и все порученное им доставили в штаб бригады.

С разрешения комбрига Ваня остался в нашем подразделении. Мальчик хорошо помнил ту ночь, когда к ним в Шишиловку ворвались советские танки. Он крепко полюбил мужественных и веселых людей, которые освободили его родную деревню. Ему хотелось быть таким же, как они. Ваня мечтал непременно стать танкистом.

Иван Федорович Кудряшов относился к Ване, как родной отец. Он помогал пареньку учиться, доставал книги, сам составлял для него задачи.

В свободное от занятий время Ваня изучал пулемет. Большая дружба была у него и с водителем Закировым. Тот горячо, с увлечением объяснял мальчику устройство танка, рассказывал о капризах машины, случавшихся чаще всего по причине небрежности водителя, внушал маленькому танкисту любовь к технике.

— Я обязательно буду таким же водителем танка, как ты,— радостно, с разгоревшимися от восторга глазами, говорил Ваня Закирову.

И тот гордился своим учеником.

— Да, он будет им, хорошим будет танкистом,— говорил Закиров о любимом воспитаннике и друге.

* * *

Где вы теперь, друзья-однополчане? — хочется спросить, выражаясь словами всем нам знакомой песни.

О многих из них я слышал добрые вести. Залечив раны, они трудятся теперь во имя счастья нашего народа и во славу могучей, непобедимой Родины. Укрепляя мощь и силу своего социали-

стического Отечества, они сражаются на переднем крае великой борьбы за мир во всем мире и дружбу между народами.

Горе тем, кто вынашивает кровавые замыслы и строит планы нового нашествия на нашу мирную страну! Мы всегда начеку, всегда готовы дать сокрушительный отпор любому агрессору, откуда бы он ни появился. Мы будем беспощадно громить врага до полного его уничтожения. Порукой тому наш боевой опыт, наша безграничная любовь и преданность Коммунистической партии и великому советскому народу.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
1. Новое задание	3
2. Подготовка к рейду	13
3. Прорыв	48
4. В тылу врага	61
5. Мы действуем	74
6. Село Поповка	108
7. Достижение цели	123
8. Обратный путь	143
9. Возвращение	159

В. Н. Максаков — „Глубокий рейд“

Редакторы *Ваганов Н. В.* и *Ченцов Н. И.*

Художник-оформитель *Ребров Ю. П.*

Технический редактор *Соколова Г. Ф.*

Корректор *Федорова Е. В.*

Сдано в набор 27.2.54. Подписано к печати 27.05.54.

Формат бумаги 70×92¹/₃₂—5¹/₂ печ. л.—6,435 усл. печ. л. 6,840—уч.-изд. л.

Г-03168

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР.

Москва, Тверской бульвар, 18. Изд. № 1/6811. Заказ № 2189

2-я типография имени К. Е. Ворошилова
Управления Военного Издательства Министерства Обороны Союза ССР

Цена 2 р. 65 к.